

Российская Академия Наук

ISSN 0131-6117 (Print)

ISSN 3034-5928 (Online)

РУС-

R U S S I A N

СЛОВА

S P E E C H

РЕЧЬ

2026

МАЙ – ИЮНЬ

НАУКА

— 1727 —

Главный редактор:

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., член-корр. РАН, Московский педагогический государственный университет; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Заместители главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
О. В. Антонова к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет
А. А. Гиппиус д. ф. н., академик РАН, проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН
М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США
В. В. Дементьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
Е. Е. Дмитриева д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
А. В. Занадворова к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания
М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Д. М. Магомедова д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет
В. И. Новиков д. ф. н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
М. С. Полинская PhD, проф., Мэрилендский университет, США
Е. Ю. Протасова PhD, проф., Хельсинкский университет, Финляндия
М. А. Пузина к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Х. Пфандль Dr. phil., проф., Грацский университет, Австрия
Л. Рязанова-Кларк PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания

Заведующая редакцией: **М. А. Пузина**

Заведующие отделами: **С. В. Дьяченко, О. В. Антонова**

Статьи отбираются редколлегией журнала на основе анонимного независимого рецензирования.

Журнал индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Русская речь»

Телефон: +7 495 637-27-35
E-mail: rusrech@pran.ru, rus-rech@mail.ru
Сайт: <http://slavras.ru>, <http://russkayarech.ru/>

© Российская академия наук

Российская Академия Наук

ISSN 0131-6117 (Print)

ISSN 3034-5928 (Online)

Russian

R U S S K A Y A

Speech

R E C H'

2026

MAY-JUNE

НАУКА

— 1727 —

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev

Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Olga V. Antonova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Editorial board:

Elena L. Berezovich

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Vadim V. Dementyev

Saratov State University, Saratov, Russia

Evgeniya E. Dmitrieva

M. A. Gorky Institute of World Literature (RAS), Moscow, Russia

Alexei A. Gippius

National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Michael Gorham

University of Florida, Gainesville, USA

Andrew A. Kibrik

Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yury A. Kleiner

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Alexander M. Krasovitsky

University of Oxford, UK

Maxim A. Kronhaus

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Dina M. Magomedova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Vladimir I. Novikov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Heinrich Pfandl

University of Graz, Austria

Maria Polinsky

University of Maryland, College Park, USA

Ekaterina Y. Protassova

University of Helsinki, Finland

Maria A. Puzina

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Larissa Ryazanova-Clarke

University of Edinburgh, UK

Anna V. Zanadvorova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Anatoly F. Zhuravlev

Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor:

Maria A. Puzina

Editorial staff:

Svetlana V. Dyachenko, Olga V. Antonova

Articles are selected by the editorial board on the basis of blind peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTS).

Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-27-35

E-mail: rusrech@pran.ru, rus-rech@mail.ru

Website: <http://slavras.ru>, <http://russkayarech.ru/>

ISSN 0131-6117 (Print)

ISSN 3034-5928 (Online)

Содержание

Проблемы современного русского языка

- 7..... *Т. Н. Коробейникова, Е. В. Корпечкова.* Произносительные и грамматические нормы русского языка в словарях Национального словарного фонда
- 17..... *М. Р. Мирошниченко.* *Х того* или *ку-ку*? Опыт лексико-семантической дифференциации экспрессивных эвфемизмов (на материале ассоциативного эксперимента)
- 34..... *Т. Ю. Передриенко.* Стереотипы восприятия основных мономодальных вкусов в русской лингвокультуре
- 47..... *Е. И. Сьянова, В. Ф. Филатова.* Отзвуки славянских древностей в мифониме *юда* воронежской заговорной традиции
- 58..... *Т. Д. Четверикова.* Терминологический бум в языке СМИ начала XXI в.

Из истории русского языка

- 71..... *Л. Л. Крючкова.* Откуда берут начало молочные реки и кисельные берега?
- 79..... *Н. В. Николенкова.* Лексические особенности рассказа о власти в Московском государстве в русско-церковнославянском переводе Атласа Блау

Язык художественной литературы

- 91..... *Д. Н. Жаткин, В. В. Сердечная.* Метафора *потерянный рай* в русской поэзии: происхождение и бытование (XVIII–XX вв.)
- 108..... *А. Молнар.* «Поэтика слова» Л. Н. Толстого
- 120..... *И. З. Сурат.* Грамматика поэзии. Об одном стихотворении Михаила Айзенберга
- 128..... Таблица соответствия архивных и действующих цифровых идентификаторов объектов (DOI) выпусков журнала «Русская речь» за 2025 г.

Contents

Issues of Modern Russian Language

- 7..... *Tatiana N. Korobeynikova, Elena V. Korpechkova.* Pronunciation and Grammar Norms of the Russian Language in Dictionaries of the National Dictionary Fund
- 17..... *Maria R. Miroshnichenko.* Is X *Togo* or Is X *Ku-Ku*? An Attempt at Lexico-Semantic Differentiation of Expressive Euphemisms (Based on Associative Experiment Data)
- 34..... *Tatiana Yu. Peredrienko.* Perception Stereotypes of Basic Monomodal Tastes in Russian Linguaculture
- 47..... *Elena I. Syanova, Valentina F. Filatova.* Echoes of Slavic Antiquities in the Mythonym of *Yuda* in the Voronezh Conspiracy Tradition
- 58..... *Tatyana D. Chetverikova.* Terminological Boom in the Media Language at the Beginning of the 21st Century

From the History of the Russian Language

- 71..... *Lyubov L. Kryuchkova.* Where Did Milk Rivers and Kissel Banks Come From?
- 79..... *Natalia V. Nikolenkova.* Lexical Features of the Narration about Political Power in the Russian-Church Slavonic Translation of the Atlas Blaeu

The Language of Fiction

- 91..... *Dmitry N. Zhatkin, Vera V. Serdechnaia.* The *Paradise Lost* as a Metaphor in Russian Poetry of the XVIII–XIX Centuries: Origin and Existence
- 108..... *Angelika Molnar.* L. Tolstoy’s “Poetics of the Word”
- 120..... *Irina Z. Surat.* The Grammar of Poetry. On One Poem by Mikhail Aizenberg
- 128..... Table of correspondence between archival and current digital object identifiers (DOIs) of issues of the journal “Russian Speech” for 2025

Произносительные и грамматические нормы русского языка в словарях Национального словарного фонда

Татьяна Николаевна Коробейникова¹, Елена Владимировна Корпечкова²,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова (Россия, Москва)^{1,2}, tkorobejnikova@inbox.ru¹,
telene@yandex.ru²

DOI: 10.7868/S3034592826030017

АННОТАЦИЯ: С 2022 г. лингвисты работают над созданием федеральной государственной информационной системы «Национальный словарный фонд» (НСФ) — электронного лексикографического ресурса, объединяющего авторитетные словари разных типов: орфографические, орфоэпические, толковые, этимологические, фразеологический, словарь синонимов и др. Подготовка словарных статей для размещения в электронном виде направлена на упрощение работы с сайтом для неспециалистов: грамматические формы, традиционно представленные в словарях в виде окончаний (*конь, -я, -и, -ей*), будут приведены полностью (*конь, коня́, ко́ни, коней́*), разметка словарных статей позволит осуществлять поиск по всей статье, создавать выборку по заданным критериям. В статье рассматриваются возможности НСФ при изучении вариативности акцентуационной (*до́ску/до́ску́*) и грамматической (*тра́кторы/тракторá*) языковой нормы. Представление о развитии языка особенно важно для школьников и учителей, поскольку экзаменационные задания не включают слова, имеющие акцентуационные или грамматические варианты, создавая ложное впечатление о неизменности нормы. НСФ также даст лингвистам возможность исследовать

словарное представление лексем в диахронии: посмотреть, как менялось отражение слова в словарях разных эпох с точки зрения написания, произношения, грамматики. Таким образом, ресурс станет ценным инструментом для всех, кто интересуется русским языком.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лексикография, электронный ресурс, диахрония, вариативность норм, словари

для цитирования: Коробейникова Т. Н., Корпечкова Е. В. Произносительные и грамматические нормы русского языка в словарях Национального словарного фонда // Русская речь. 2026. № 3. С. 7–16. DOI: 10.7868/S3034592826030017.

Issues of Modern Russian Language

Pronunciation and Grammar Norms of the Russian Language in Dictionaries of the National Dictionary Fund

Tatiana N. Korobeynikova¹, Elena V. Korpechkova², Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)^{1,2}, tkorobejnikova@inbox.ru¹, lелene@yandex.ru²

ABSTRACT: Since 2022, linguists have been working on the creation of the federal state information system “National Dictionary Fund” (NDF) — an electronic lexicographic resource that brings together authoritative dictionaries of various types: spelling, orthoepic, explanatory, etymological, phraseological and synonym dictionaries, etc. The preparation of dictionary entries for electronic publication aims to simplify the website’s usability for non-specialists: grammatical forms traditionally presented in dictionaries as endings (e.g., *конь*, *-я*, *-и*, *-ей*) will be displayed in full (*конь*, *коня́*, *ко́ни*, *коне́й*), and the markup of dictionary entries will enable searching within the body of an entry and creating filtered selections based on specified criteria. The article explores the potential of the NDF in studying variability in

accentual (*дóску/доску*) and grammatical (*тра́кторы/тракторá*) language norms. Understanding language evolution is particularly important for school students and teachers, since exam assignments do not include words with accentual or grammatical variants, which creates a false impression of the immutability of norms. The NDF will also provide linguists with the opportunity to study the lexical representation of words in diachrony: observing how a word's reflection in dictionaries of different eras has changed in terms of spelling, pronunciation, and grammar. Thus, the resource will become a valuable tool for anyone interested in the Russian language.

KEYWORDS: lexicography, electronic resource, variability of norms, diachrony, dictionaries

FOR CITATION: Korobeynikova T. N., Korpechkova E. V. Pronunciation and Grammar Norms of the Russian Language in Dictionaries of the National Dictionary Fund. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2026. No. 3. Pp. 7–16. DOI: 10.7868/S3034592826030017.

С 2022 г. создается федеральная государственная информационная система «Национальный словарный фонд» (НСФ)¹. НСФ — электронный лексикографический ресурс, на котором будут размещены специально отобранные, наиболее авторитетные словари разных типов, вычитанные и размеченные специалистами.

Структура сайта позволит получить словарную информацию в удобном для пользователей виде, для чего в составе фонда будет пять модулей. В основной модуль войдут наиболее востребованные словари: орфографический, орфоэпический, толковый и грамматический. На главной странице сайта можно будет получить информацию о написании, произношении, значении и грамматических формах слов. Расширенный модуль будет включать, помимо сведений из основного модуля, статьи из других современных словарей: синонимов, антонимов, фразеологического, этимологических, морфемного. Историко-этимологический модуль позволит получить информацию о происхождении слова и отражении его в словарях прошлых эпох. В еще одном модуле можно будет посмотреть в выбранном словаре определенное слово или поискать его во всех словарях, в которых оно есть. Сопоставительный модуль позволит искать слова по заданному критерию: выбрать нужные словари или типы словарей (например,

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 25 декабря 2024 года № 1892.

толковые или только орфоэпические) из полного списка, увидеть только фразеологизмы с заданным словом, сделать подборку по определенным грамматическим признакам и т. д. Подробнее см. [Каленчук 2024].

Одна из задач данного ресурса — упрощение взаимодействия со словарем для неспециалистов. Для этого в НСФ раскрываются грамматические формы, которые в традиционных бумажных изданиях представлены в виде окончаний:

догово́р, -а, *мн.* -ы, -ов и (*разг.*) -а́, -о́в

Статья в РОС², в которой формы Р. п. ед. ч., И. п. и Р. п. мн. ч. представлены в виде окончаний с ударением и без, может вызвать вопросы у неподготовленного пользователя. В бумажной версии можно обратиться к вступительной статье, однако в электронном ресурсе нагляднее представить полные формы, поэтому в НСФ статья выглядит следующим образом:

догово́р, догово́ра, *мн.* догово́ры, догово́ров и (*разг.*) догово́ра́, догово́ро́в

Специальная разметка обеспечит возможность поиска не только по заголовочным словам, но и по тексту статьи, возможность создавать подборку по определенным признакам: по грамматическим пометам или по языку-источнику заимствованной лексики.

Произносительные и грамматические варианты в словарях в составе НСФ

Рассмотрим возможности НСФ при поиске информации о современных произносительных вариантах и о произношении слова в исторической динамике.

Школьники обычно обращаются к лексикографическим источникам при подготовке к экзаменам: например, в тестах ЕГЭ и ОГЭ необходимо правильно образовать форму слова и определить место ударения. Чтобы учащиеся не столкнулись с проблемой выбора одного варианта из допустимых, авторами экзаменационных заданий был составлен орфоэпический словник, слова из которого необходимо выучить³. Для удобства оценивания в словнике ФИПИ даны только безальтернативные варианты

² Здесь и далее в тексте статьи и в таблицах названия словарей даются в сокращении: Русский орфографический словарь 2012 — РОС 2012, Большой орфоэпический словарь 2017 — БОС 2017, Большой толковый словарь русского языка 2008 — БТСРЯ 2008, Орфоэпический словарь русского языка 1983, 2015 — ОСРЯ 1983, 2015, Большой универсальный словарь русского языка 2017 — БУСРЯ 2017, Большой академический словарь 2004 — ... — БАС-2, Словарь ударений русского языка 2017 — СУРЯ 2017.

³ Актуальный словник представлен на сайте ФИПИ <https://fipi.ru/ege/demoversii-specifikacii-kodifikatory>. Слова из данного списка есть и в метасловаре «Грамоты.ру», к которому также можно обратиться в случае затруднений.

акцентуации. Например, из него было исключено слово «мастерский», поскольку в современных академических изданиях (в т. ч. в БОС) это слово имеет вариантную акцентуацию (*мастерский* и *ма́стерски*), в отличие от более ранних словарей (ОСРЯ 2015, СУРЯ), рекомендующих произношение с ударением на конечном гласном. Необходимость заучивания ограниченного списка слов ведет к тому, что выпускники не знают о подвижности нормы, о ее исторической динамике, о сосуществовании допустимых, разговорных, младших и старших вариантов произношения.

Понимание изменчивости языковой нормы помогает сформировать представление о системном характере языка, о его развитии, в частности позволяет правильно прочесть вслух стихотворные тексты XVIII–XIX вв., ударение в которых часто отличается от современного. Приведем в качестве примера строки из басни И. А. Крылова «Мартышка и очки» [Крылов 1984: 474]:

Очков с полдюжины себе она достала;
Верт́им Очками так и сяк:
То к темю их прижмет, то их на хвост нанижет,
То их понюхает, то их полизет;
Очки не действуют никак.

Стихотворный размер басни подсказывает, что глагол *верт́им* произносится с ударением на окончании. Но школьники часто не знают, что эта акцентуация отражает ушедшую норму, и читают басню неверно, принимая «неправильное» ударение в тексте за случайный факт. Тем не менее как орфоэпические, так и толковые словари в таких случаях отражают историю произношения [Резниченко 2017: 77; Горбачевич (гл. ред.) 2005: 431].

Итак, несмотря на то что экзаменационные задания на основе орфоэпического словника ФИПИ удобны для оценивания, такой набор слов не дает представления о вариативности произносительной нормы и не способствует приобретению навыка пользования справочной литературой.

Кроме того, в школе мало изучается вариативность грамматических форм, отчасти поэтому среди лингвистов бытует мнение о «порче языка учеными», которые его постоянно «реформируют». К сожалению, даже учителя-филологи не демонстрируют высокого уровня знаний о допустимых вариантах грамматических форм. Так, результаты Всероссийского тестирования по культуре речи, которое ежегодно проводит ФГБНУ «Федеральный институт родных языков»⁴ показывают, что учителя часто допускают ошибки. В тестировании 2024 г. участвовало 2945 учителей русского языка и литературы. Только 22,5% из них (620 человек) верно отметили,

⁴ С обобщенными результатами проведенных тестирований можно ознакомиться на сайте проекта <https://anketa.natlang.ru/results/>.

что у слова *низóвье* есть равноправные формы Р. п. мн. ч. *низóвий* и *низóвьев*, 25,5% (705 человек) правильно отметили формы *кара́т* и *кара́тов* как формы Р. п. мн. ч. слова *кара́т* и лишь 27,3% (761 человек) ответили, что у слова *сви́тер* есть формы *сви́теры* и *сви́терá*. Важно подчеркнуть, что это тестирование проводится дистанционно, его цель — самоаудит, популяризация культуры речи. Следовательно, участники, выполняя задания, могли проверить себя с помощью онлайн-ресурсов или словарей. Но результаты показывают, что большинство учителей либо не хотели проверять себя, либо не знали, с помощью какого ресурса это можно сделать.

В НСФ в расширенном или сопоставительном модуле можно будет легко посмотреть, как образуются грамматические формы слов, при этом, если слово имеет акцентуационную или грамматическую вариативность, можно сравнить словарные рекомендации, а как наиболее актуальную рассматривать информацию из более позднего или наиболее специализированного словаря.

В качестве примера акцентуационной вариативности в таблице 1 представлены формы слова *доска*.

Итак, в основном модуле ресурса можно сравнить пометы при форме *доску́*: *допустимое* в БОС и ОСРЯ, *разговорное* в БУСРЯ, без помет в РОС и вариант не приведен в БАС-2 и БТСРЯ. Любопытно, что форма *д́сок* дана в БАС-2 и имеет помету *допустимое*, а в БУСРЯ фиксируется без помет. Эти сведения из разных авторитетных словарей позволят пользователю узнать статус вариантов произношения, сделать вывод, что форма *доску́* более новая, встречающаяся в разговорной речи, но допустимая и, по мнению некоторых составителей словарей, равноправная с *д́сок*.

Аналогичным образом можно проанализировать вариативность грамматических форм слова (см. Таблицу 2).

Таблица 2 показывает, что в большинстве словарей основного модуля НСФ формы мн. ч. *тракторá* и *тра́кторы* равноправны, но в двух наиболее поздних орфоэпических словарях формы с безударными окончаниями *тра́кторы*, *тра́кторам* имеют ограничительные пометы: *допустимое* в БОС, *устаревшее* в БУСРЯ, то есть данный грамматический вариант уходит из употребления, но его использование не нарушает актуальных языковых норм. Анализ словарных рекомендаций помогает составить представление о сосуществовании нормативных вариантов на современном этапе развития языка.

НСФ и диахроническое исследование вариантов произношения

Для лингвистов и для всех, кому потребуются информация из более ранних источников, НСФ станет полезным инструментом изучения исторических изменений в образовании грамматических форм или акцентуации.

Таблица 1. Словоформы слова *доска* в современных словарях, вошедших в НСФ

Table 1. Forms of the word “доска (board)” in modern dictionaries included in the National Dictionary Fund

заголовочное слово	словоформы в словарях	словарь
ДОСКА́	<i>вин. до́ску, мн. до́ски, досо́к и допуст. до́сок, доска́м и допуст. до́скам</i>	БАС-2 2006
	<i>доски́, вин. до́ску; мн. до́ски, досо́к, доска́м, предлож. до́сках и доска́х</i>	БТСРЯ 2008
	<i>доски́, вин. до́ску и доску́, мн. до́ски, до́сок и досо́к, до́скам и доска́м</i>	РОС 2012
	<i>вин. до́ску и допуст. доску́, мн. до́ски, досо́к и допуст. до́сок, доска́м и до́скам</i>	ОСРЯ 2015
	<i>доски́, вин. до́ску и разг. доску́, мн. до́ски, род. до́сок и до́сок, дат. доск а́м и до́ск ам</i>	БУСРЯ 2017
	<i>доски́, до́ску и допуст. доску́, мн. до́ски, досо́к и допуст. до́сок, доска́м и допуст. до́скам</i>	БОС 2017
	<i>доски́, доске́, доску́ и до́ску, доско́й, о доске́, мн. до́ски, до́сок и до́сок, до́скам и доска́м, до́ски, до́сками и доска́ми, о до́сках и о доска́х</i>	СУРЯ 2017

Таблица 2. Словоформы слова *трактор* в современных словарях, вошедших в НСФ

Table 2. Forms of the word “трактор (tractor)” in modern dictionaries included in the National Dictionary Fund

заголовочное слово	словоформы в словарях	словарь
ТРА́КТОР	<i>тра́ктора; мн. тра́кторы, тра́кторов и тракторá, тракторо́в</i>	БТСРЯ 2008
	<i>тра́ктора, мн. тра́кторы, тра́кторов и тракторá, тракторо́в</i>	РОС 2012
	<i>тра́ктора, мн. тракторá, тракторо́в и тра́кторы, тра́кторов</i>	ОСРЯ 2015
	<i>тра́ктора, мн. тра́кторы и тракторá, тра́кторов и тракторо́в</i>	СУРЯ 2017
	<i>тра́ктора, мн. трактор á и устарев. тра́ктор ы</i>	БУСРЯ 2017
	<i>тра́ктора, мн. тракторá, тракторáм и допуст. тра́кторы, тра́кторам</i>	БОС 2017

Так, в [Коробейникова 2025] в диахроническом аспекте рассматривается акцентуация одних и тех же словоформ в свободных сочетаниях и в составе фразеологизмов. Для подобного исследования будут полезны историко-этимологический и сопоставительный модули НСФ, позволяющие сравнить одно и то же слово в словарях разных эпох. В таблице 3 дана акцентуация словоформы *губа* в свободном и связанном сочетаниях в 10 словарях, охватывающих более чем двухсотлетний период. Полученные данные отражают переход от ударения на основе к ударению на флексии в словоформе *губа* в обоих типах контекстов.

Таблица 3. Акцентуация слова *губа* в некоторых словарях, вошедших в НСФ

Table 3. Accentuation of the word “lip (губа)” in some dictionaries included in the National Dictionary Fund

Слово <i>губа</i> в словарях НСФ		словарь
в свободном сочетании	в составе фразеологизма	
губа	–	САР ⁵ 1806
губа́, губу́ и губу́	губа́ не дура	СИАН 1895
губа́ и губа́	ударение не поставлено	Даль 1903
губа́ и губа́	губа́ не дура	Ушаков 1935
губа́	губа́ не дура	Ожегов 1960
губа́	губа́ не дура	ОСРЯ 1983
губа́	губа́ не дура	БТСРЯ 2008
губа́	губа́ не дура	РОС 2012
губа́	губа́ и губа́ не дура	БУСРЯ 2017
губа́	губа́ и губа́ не дура	СУРЯ 2017

В начале XIX в. ударение в слове *губа* в свободных сочетаниях падало на основу, на рубеже веков и в начале XX в. либо варианты конкурировали (судя по словарям Даля и Ушакова), либо в И. п. ед. ч. ведущим было ударение на флексии (судя по СИАН 1895), а со второй половины XX в. фиксируется только окончательное ударение. В составе фразеологизма это же слово фиксируется с наосновным ударением вплоть до первой четверти XXI в.⁶

⁵ Сокращены названия следующих не упоминавшихся выше словарей: Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный 1806 г. — САР, Словарь русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук 1895 г. — СИАН, Толковый словарь живого великорусского языка — Даль 1903, Толковый словарь русского языка 1935 г. — Ушаков 1935, Толковый словарь русского языка 1960 г. — Ожегов 1960.

⁶ Однако в [Коробейникова 2025] приводятся данные орфоэпического эксперимента, показывающие, что носители современного литературного языка не ставят ударение на основу в слове *губа* в составе фразеологизмов.

Таким образом, НСФ поможет как лингвистам, так и исследователям языка не только быстро получить информацию о значении слова, но и сравнить данные словарей о произношении и ударении, а также грамматических формах и в современных словарях, и в исторической перспективе.

Источники

Грот Я. К. (ред.). Словарь русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук. С.-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1891–1895. [Т. 1], вып. 2: Втас-Да. 948 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. С.-Пб.: М. О. Вольф, 1903. Т. 1. 1744 стб.

Крылов И. А. Сочинения: В 2-х т. Т. 2. Комедии. Басни. М.: Худож. лит., 1984. 735 с.

Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Спб: при Императорской Академии наук, 1806–1822. Ч. 1: А–Д. 1806. 1310 стб.

Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935. 1562 стб.

Литература

Аванесов Р. И. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова. М.: Русский язык, 1983. 703 с.

Горбачевич К. С. (гл. ред.). Большой академический словарь русского языка. Т. 2. СПб.: Наука, 2005. 658 с.

Еськова Н. А. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / Н. А. Еськова, С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова. 10-е изд., испр. и доп. М.: АСТ, Lingua, 2015. 1007 с.

Каленчук М. Л. Национальный словарный фонд: новые возможности и перспективы // Русская речь. 2024. № 4. С. 34–41.

Касаткин Л. Л. (ред.). Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина. М.: АСТ-ПРЕСС, 2017. 1024 с.

Коробейникова Т. Н. Акцентуация существительных с односложной основой на -а и -я в составе фразеологизмов и свободных сочетаниях // Русский язык в научном освещении. 2025. Т. 49. № 1. С. 77–95.

Кузнецов С. А. (гл. ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2008. 1534 с.

- Лопатин В. В., Иванова О. Е. (ред.). Русский орфографический словарь. Л. К. Чельцова, И. В. Нечаева, В. В. Лопатин. М.: АСТ-ПРЕСС, 2012. 896 с.
- Морковкин В. В. (гл. ред.). Большой универсальный словарь русского языка. М.: АСТ-Пресс, 2017. 1472 с.
- Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1960. 900 с.
- Резниченко Л. В. Словарь ударений русского языка. М.: АСТ-ПРЕСС, 2017. 943 с.

References

- Anavesov R. I. (ed.). *Orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka: proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [Orthoepical dictionary of the Russian language: pronunciation, stress, grammatical forms]. S. N. Borunova, V. L. Vorontsova, N. A. Es'kova. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1983. 703 p.
- Es'kova N. A. (ed.). *Orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka: proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [Orthoepic dictionary of the Russian language: pronunciation, stress, grammatical forms]. S. N. Borunova, V. L. Vorontsova, N. A. Es'kova. Moscow, AST Publ., 2015. 1008 p.
- Gorbachevich K. S. (ch. ed.). *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka. T. 2* [A Large Academic Dictionary of the Russian Language. Vol. 2]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 658 p.
- Kalenchuk M. L. [National Dictionary Fund: New Opportunities and Prospects]. *Russkaya Rech'*, 2024, no. 4, pp. 34–41. (In Russ.)
- Kasatkin L. L. (ed.). *Bol'shoi orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka: norma i ee varianty* [A large orthoepic dictionary of the Russian language. Literary pronunciation and stress of the beginning of the 21st century: the norm and its variants]. M. L. Kalenchuk, L. L. Kasatkin, R. F. Kasatkina. Moscow, AST-PRESS SCHOOL Publ., 2017. 1024 p.
- Korobeynikova T. N. [Accentuation of monosyllabic nouns with *-a* and *-ja* endings in phraseological units and free phrases]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2025, vol. 49, no. 1, pp. 77–95. (In Russ.)
- Kuznetsov S. A. (ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg, Norint Publ., 1998. 1534 p.
- Lopatin V. V., Ivanova O. E. (eds.). *Russkii orfograficheskii slovar'* [Russian spelling dictionary]. L. K. Cheltsova, I. V. Nechaeva, V. V. Lopatin. Moscow, AST-PRESS Publ., 2020. 896 p.
- Morkovkin V. V. (ed.). *Bol'shoi universal'nyi slovar' russkogo yazyka* [Large universal dictionary of the Russian language]. Moscow, AST-PRESS Publ., 2017. 1472 p.
- Ozhegov S. I. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, State Publishing House of Foreign Languages and the National Dictionary, 1960. 900 p.
- Reznichenko L. V. *Slovar' udarenii russkogo yazyka* [Dictionary of stresses of the Russian language]. Moscow, AST-PRESS Publ., 2017. 943 p.

Х того или *ку-ку*?

Опыт лексико-семантической дифференциации экспрессивных эвфемизмов (на материале ассоциативного эксперимента)

Мария Романовна Мирошниченко, Самарский государственный социально-педагогический университет (Россия, Самара), mr.miroshnichenko@sgspu.ru

DOI: 10.7868/S3034592826030027

аннотация: В статье рассматриваются особенности функционирования разговорных эвфемизмов *того* и *ку-ку*, используемых для обозначения психических отклонений или нетипичного поведения. Эти широко употребительные слова традиционно воспринимаются как синонимичные, однако в действительности иллюстрируют ключевое положение лингвистической теории о том, что язык как системное образование не терпит абсолютных дублетов и даже в пределах лексической синонимии стремится к смысловой и функциональной дифференциации единиц. Целью исследования становится выявление семантических и стилистических различий между словами *того* и *ку-ку*. В эмпирической части используется ассоциативный эксперимент с элементами интерпретационно-назывных задач. В результате обработки 708 анкет демонстрируется, что единица *того* имеет более нейтральный или высокий стилистический регистр, но тем не менее обладает устойчивой негативной ассоциацией у носителей русского языка и соотносится с образом человека, отклоняющееся поведение которого воспринимается как общественно опасное и вызывает отторжение. Напротив, слово *ку-ку* используется для называния

безобидного чудака, к поведению которого окружающие проявляют снисхождение. Представленные результаты подтвердили гипотезу о неравноправии исследуемых выражений в структуре языкового сознания и, кроме того, продемонстрировали наличие нюансов восприятия рассматриваемых слов в разных возрастных группах. Результаты эксперимента также свидетельствуют о развитии у слова *того* новых значений в современном русском дискурсе, еще не зафиксированных существующими толковыми словарями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лексическая синонимия, эвфемизмы, семантическая дифференциация, ассоциативный эксперимент, язык как система, разговорные слова

для цитирования: Мирошниченко М. Р. *X того или ку-ку?* Опыт лексико-семантической дифференциации экспрессивных эвфемизмов (на материале ассоциативного эксперимента) // Русская речь. 2026. № 3. С. 17–33. DOI: 10.7868/S3034592826030027.

Issues of Modern Russian Language

Is *X Togo* or Is *X Ku-Ku*? An Attempt at Lexico-Semantic Differentiation of Expressive Euphemisms (Based on Associative Experiment Data)

Maria R. Miroshnichenko, Samara State University of Social Sciences and Education
(Russia, Samara), mr.miroshnichenko@sgspu.ru

ABSTRACT: The article examines the functional characteristics of the colloquial euphemisms *togo* and *ku-ku*, which are used to refer to mental disorders or atypical behavior. These two widely used expressions are traditionally perceived as synonymous. However, the analysis of these linguistic units

illustrates a key principle of linguistic theory: language, as a systemic structure, does not tolerate absolute duplicates and tends to semantically and functionally differentiate even within the domain of lexical synonymy. The aim of the study is to identify semantic and stylistic differences between the words *togo* and *ku-ku*. The empirical part of the research is based on an associative experiment that includes elements of interpretative and naming tasks. Based on the processing of 708 questionnaires, the study shows that *togo* tends to occupy a more neutral or elevated stylistic register, yet it consistently carries a negative connotation and is associated with a person whose deviant behavior is perceived as socially threatening and evokes rejection. In contrast, the word *ku-ku* is used to refer to a harmless eccentric whose behavior is met with indulgence by others. The findings confirm the hypothesis that the two expressions are not fully equivalent in the structure of linguistic consciousness and also reveal perceptual nuances across different age groups. Moreover, the results indicate that *togo* is acquiring new meanings in contemporary Russian discourse, which have not yet been recorded in existing explanatory dictionaries.

KEYWORDS: lexical synonymy, euphemisms, semantic differentiation, associative experiment, language as a system, colloquial words

FOR CITATION: Miroshnichenko M. R. Is X *Togo* or Is X *Ku-Ku*? An Attempt at Lexico-Semantic Differentiation of Expressive Euphemisms (Based on Associative Experiment Data). *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2026. No. 3. Pp. 17–33. DOI: 10.7868/S3034592826030027.

«Так называемая синонимичность средств языка, если иметь дело не с лингвистической абстракцией, а с живым и реальным языком, с тем языком, который фактически существует в истории, является просто-напросто фикцией»

Винокур Г. О. Проблемы культуры речи // *Русский язык в советской школе*. № 5. М., 1929. С. 85.

1. Введение

Внутренняя организация языка как системного образования подчиняется строгим законам разграничения функций и значений. Языковая система характеризуется тенденцией к устранению избыточных элементов, не выполняющих уникальной функциональной или семантической нагрузки. Полное дублирование языковых единиц оказывается

избыточным. Эта идея утверждалась научными усилиями многих корифеев отечественной русистики [Апресян 1995; Виноградов 1975; Звегинцев 1962; Мокиенко 1999; Панов 1966; Реформатский 1996]. Признание за языковой системой особой «селективности» с отсутствием в ней дублирующих элементов породило дискуссии по проблеме лексической синонимии, см., напр., в работах [Апресян 1995; Иванников 1966; Ульман 1964; Шмелев 1968].

Весьма симптоматичны в свете обсуждаемой темы синонимические отношения в подсистеме эвфемизмов (т. е. слов и выражений, «употребляемых взамен других, которые по каким-либо причинам неудобно или нежелательно произнести» [Евгеньева 1984: т. 4, 746]) русского языка. Современные лингвисты отмечают, что эвфемизм — явление преимущественно речевое и ситуационно обусловленное, а не статичная языковая единица [Петрянина, Ревина 2023]. Смягчающая функция эвфемизма реализуется только в конкретном контексте через «контекстуально обусловленное варьирование» исходного значения слова [Фомина, Дружинин 2023]. Синонимические отношения внутри группы эвфемизмов становятся особенно ощутимыми тогда, когда носитель языка оказывается в ситуации непосредственной встречи с несколькими компонентами синонимического ряда [Иванян 2022; Кацев 1976; Маслов 1998; Москвин 2017]. Такой контакт мы попытались воссоздать экспериментальным путем, используя языковую интуицию респондентов для нюансировки значений двух слов (*того* и *ку-ку*), которые нередко употребляются для номинации ‘ненормального, сумасшедшего человека, с психическими отклонениями’.

Ранее проведенное лексикографическое портретирование знаменательного слова *того* выявило у него наличие шести устойчивых значений, среди которых не только указание на ментальные отклонения, но и такие значения, как ‘неблагополучное положение дел’, ‘о неудовлетворительном состоянии’, ‘для обозначения пьяного’, ‘для обозначения сексуальных отношений’, а также в значении ‘мертвый, умер’, см. подробнее в [Мирошниченко 2025]. Слово *ку-ку* имеет пять значений, два из которых — ‘неблагополучное состояние дел, пропаша, провал’, ‘сумасшедший, ненормальный, со странностями в поведении’ — синонимичны двум значениям слова *того*. Таким образом, обзор лексикографических источников позволил установить фактически тождество толкований отдельных значений обозначенных слов. Приведем эти значения:

Того — 4. В знач. прил. Разг. простор. перен., мин. ст. эвф. вм. с психическими отклонениями, сумасшедший [Иванян 2021].

Куку (на голову) — Разг. простор. перен., фикс. как эвф. с нач. XXI в. вм. со странностями, с психическими отклонениями [Иванян 2021].

Того — 2. в функц. сказ. Насмешл. Употребляется в качестве намека для иронической оценки чьего-л. состояния: *глупый, нетрезвый, странный; ненормальный* [Химик 2004].

Ку-ку — 2. межд., в функц. сказ. *Сумасшедший, ненормальный, со странностями в поведении* [Химик 2017].

Ку-ку — снижен. Указание на то, что кто-либо является сумасшедшим, часто сопровождающееся жестом поворачивания говорящим указательного пальца около своего виска [Баранов, Добровольский 2020].

Словари [Баранов, Добровольский 2020; Иванян 2021] фиксируют *того* и *ку-ку* как синонимичные эвфемистические обозначения психического неблагополучия, располагая их в одном ряду с такими устойчивыми выражениями, как *с приветом, не в себе, не все дома*.

Мы расцениваем единицы *того* и *ку-ку* как эвфемизмы разговорной речи. Их главная функция — завуалировать прямое значение ситуативно не приемлемого слова: вместо прямого указания на безумие используются слова с завуалированным значением. Тематическая мишень эвфемизации — интеллект и психическое состояние человека — традиционно относится к главным сферам, где возникают эвфемизмы, об этом пишут [Долженко, Макеева 2022; Кацев 1976; Крысин 1994].

Отметим, что *того* в значении ‘сумасшедший, ненормальный, с психическими отклонениями’ претерпевает любопытные изменения, нуждающиеся в отдельном комментарии. Лингвисты отмечают, что эвфемизмы со временем могут утрачивать эвфемистическую окраску и превращаться в прямые наименования [Крысин 1994; Иванян 2022]. Низкостилевые эвфемизмы, по наблюдению А. М. Кацева, особенно подвержены этому процессу [Кацев 1976]. В случае с *того* мы наблюдаем именно такой сдвиг: бывший эвфемизм постепенно теряет завуалированность и становится обыденным обозначением умственного расстройства. На этом фоне особенно актуальным становится сопоставление слов *того* и *ку-ку*, позволяющее понять, насколько они близки по значению и по особенностям употребления в речи.

Целью описанного в статье эксперимента являлось выявление особенностей восприятия и интерпретации значений слов *того* и *ку-ку* носителями языка, а также выяснение, насколько эти слова близки по значению и по своим речевым функциям. В фокусе исследования находилось не столько оценивание возможности взаимозаменяемости рассматриваемых слов, сколько анализ интерпретаций, актуализирующихся в сознании респондентов. Такая постановка задачи позволила зафиксировать спонтанные ассоциативные реакции и выявить, в какой мере данные единицы воспринимаются как тождественные по значению, а также какие ассоциации и оценочные компоненты с ними соотносятся.

2. Эксперимент. Метод

Для реализации целей эксперимента была разработана анкета, состоящая из семи вопросов четырех подсекций¹:

- I группа: установочные вопросы (вопросы № 1 и 2);
- II группа: вопрос, в котором респондентам предлагалось выбрать один из трех вариантов ответов с целью разграничить лексемы *того* и *ку-ку* по их значению (вопрос № 3);
- III группа: вопросы с открытым ответом, в которых респонденты должны были предложить 2-3 ассоциации для слов *того* и *ку-ку* (вопросы № 4, 5, 6);
- IV группа: вопрос интерпретационно-назывного типа, в котором респондентам предлагалось осуществить выбор слова (*того* или *ку-ку*) для визуальной сцены (вопрос № 7).

Сбор данных осуществлялся дистанционно с использованием онлайн-платформы Yandex Forms. В опросе приняли участие 708 респондентов из разных регионов проживания и различных областей профессиональной деятельности (студенты, научные сотрудники, учителя, представители правоохранительных органов, медицинские работники, менеджеры, предприниматели, домохозяйки и др.). На вопросы анкеты ответили 670 женщин и 38 мужчин; наибольшее количество анкет получено от респондентов в возрасте 32–37 лет (269 анкет), наименьший возраст участников опроса — 14 лет (1 анкета), наибольший — 60 лет (1 анкета). Заполненные анкеты в части вопросов групп I, II и IV были автоматически просчитаны сервисом обработки данных онлайн-платформы Yandex Forms. Отметим, что проверочный подсчет ответов на равной выборке (38 женщин / 38 мужчин) показал совпадение основных тенденций, что позволяет считать гендерное соотношение выборки несущественным для результатов исследования. Данные, полученные при ответах на вопросы группы III, были вручную систематизированы в таблице формата Excel и проанализированы автором исследования.

3. Обсуждение и результаты

Что касается индивидуального восприятия различий в значении эвфемизмов в выражениях *X того* и *X ку-ку*, большинство респондентов воспринимают значения слов как тождественные (445 человек; 62,85%). Только 263 человека, что составляет 37,15% от общего количества респондентов, считают рассматриваемые слова различающимися по значению. Распределение статистики (разница почти в 2 раза) говорит о том, что

¹ Ознакомиться с разработанным опросным листом можно в приложении к настоящей статье.

предлагаемый респондентам контекст *X того* и *X ку-ку* запускает процесс нейтрализации семантических различий между словами: *того* и *ку-ку* большинством носителей русского языка воспринимаются как слова одинаковые по значению. Результаты по данному вопросу представлены в табл. 1.

Таблица 1. Статистика по восприятию значений эвфемизмов *того* и *ку-ку* в выражениях *X того* и *X ку-ку* (в % от общего количества ответов)

Table 1. Statistics on the perception of the meanings of the euphemisms *togo* and *ku-ku* in the expressions *X is togo* and *X is ku-ku* (as % of total responses)

Вопрос, варианты ответа	Одинаков ли смысл выражений « <i>X того?</i> » и « <i>X ку-ку?</i> »			
	Одинаков	Не одинаков	Могут объяснить разницу значений	Не могут объяснить разницу значений
Количество респондентов, %	445 человек	263 человека	225 человек, % от 263	38 человек, % от 263
	62,85	37,15	85,55	14,45

Современные отечественные лингвисты активно обращаются к поколенческому аспекту изучения языка, см. работы [Борисова 2022; Ильясова, Дадаева 2023]. В этом направлении в рамках предложенной У. Штраусом и Н. Хоузом теории поколений [Strauss, Howe 1991] особенности функционирования языковых единиц исследуются в зависимости от возрастных групп носителей языка: ~59–82 года («бумеры»), ~42–59 лет («поколение X»), ~26–42 года («миллениалы, или поколение Y»), ~15–26 лет («зумеры, или поколение Z») и ~15 лет и младше («альфа, или поколение A»).

Анализ взаимосвязи двух переменных — ‘возраст респондента’ и ‘восприятие различий в значении’ показал, что респонденты **в возрасте 26 лет и моложе («зумеры и альфа»)** склонны считать выражения не тождественными (68 человек, 100% от количества респондентов в данной возрастной группе). Респонденты **в возрасте старше 26 лет («миллениалы, поколение X и бумеры»)** в большинстве (445 из 640 респондентов данной группы, 69,5%) считают слова *того* и *ку-ку* тождественными и взаимозаменяемыми.

Выявленные различия в интерпретации предлагаемых слов обусловлены как лингвистическими, так и социологическими факторами. Исследователи подчеркивают, что поколению «зумеров» и «альфа» свойственны словотворчество, эмоциональность и оценочность речи, включение в письменную речь визуальных элементов (мемов, эмодзи), так называемое клиповое мышление [Борисова 2022]. Вероятно, данные особенности обуславливают и высокую метаязыковую чувствительность молодого

поколения. Для поколения «зумеров» и «альфа» характерны практичность: «Им интересны новые знания сугубо прикладного характера» [Мухаметзянова, Степанова 2021: 47]. Практичность формирует внимание к внешнему облику слова и установку на то, что за формальным различием должно следовать различие содержательное, а иначе в чем смысл и польза слова? При этом, как видно из анализа ответов, молодые респонденты затрудняются сформулировать различия в значении обсуждаемых слов. Таким образом, формальная сторона языковой единицы оказывается для поколения «зумеров» и «альфа» определяющей: разная форма задает ожидание разного содержания.

Люди в возрасте 26+ лет характеризуются социологами как более гибкие, готовые к изменениям, предприимчивые, терпимые [Мухаметзянова, Степанова 2021: 47]. Полагаем, что из этого следует сочетание интуитивного и аналитического восприятий слова, меньшая категоричность в вопросах соответствия знака и значения, что отразилось в результатах нашего опроса в оценке данным поколением слов *того* и *ку-ку* как синонимичных и взаимозаменяемых.

Перейдем к анализу данных интерпретационно-назывного вопроса № 7. На этапе составления опросного листа с помощью ресурсов искусственного интеллекта были сгенерированы иллюстрации по заданным сценариям:

- 1) один из гостей званого ужина ведет себя неопрятно, находясь за общим столом;
- 2) на фоне зимнего мороза молодой человек в шортах бодро шагает по парку среди других прохожих, одетых по сезону;
- 3) невозмутимо шагая через оживленную магистраль, молодой человек игнорирует потоки несущихся по дороге машин;
- 4) во время театрального представления в заполненном зрителями зале мужчина шумно надувает пузырь из жевательной резинки.

В основу выбора сюжетов был заложен принцип создания таких ситуаций, в которых нарушение норм поведения либо влияет на окружающих и мешает им (ситуации № 1, 3 и 4), либо выглядит странным, но не представляет для них реальной угрозы (ситуация № 2). В качестве рабочей гипотезы при выборе иллюстраций было выдвинуто предположение, что различие между словами *того* и *ку-ку* заключается не в сфере референтной отнесенности (в обоих случаях подразумевается ментальное отклонение), а в степени выраженности и социальной допустимости отклоняющегося поведения. Диаграммы распределения ответов приведены на рис. 1.

Полученные данные выявили следующую тенденцию: в ситуациях № 1, 3 и 4, в которых нарушение норм поведения вызывает дискомфорт у окружающих, респонденты выбирали слово *того* несколько чаще, чем

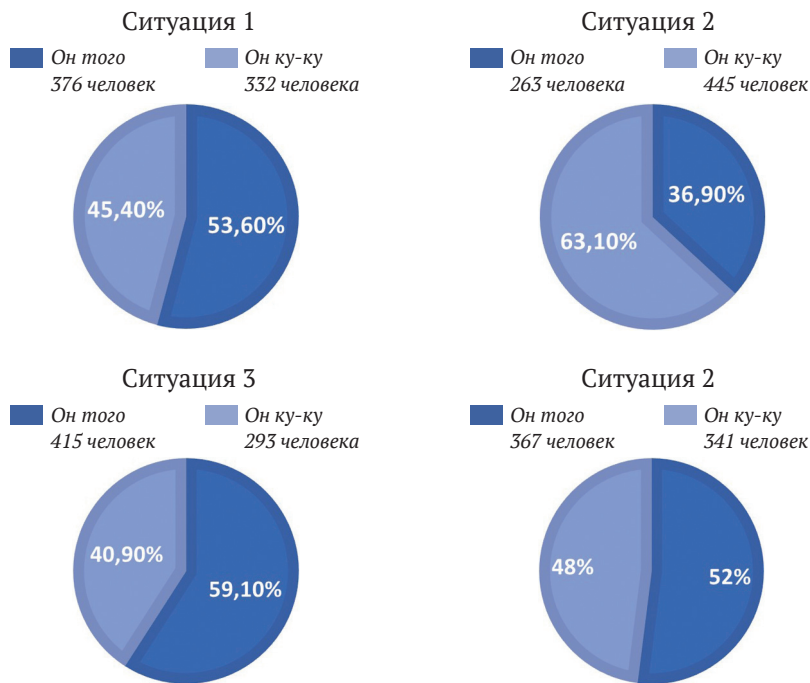

Рисунок 1. Диаграммы статистики распределения ответов по вопросу № 7

Figure 1. Charts showing the distribution of responses to question no. 7

ку-ку (376 человек (53,6%) против 332 (45,4%); 415 человек (59,1%) против 293 (40,9%) и 367 человек (52%) против 341 (48%)), тогда как в случае странного, но безвредного поведения респонденты в основном предпочитали выражаться *X ку-ку* (ситуация № 2 — 445 человек (63,1%) против 263 (36,9%)). При этом сопоставление результатов по выделенным ранее возрастным группам показало, что различия между ними носят статистически не значимый характер и не влияют на общую направленность выявленной тенденции.

Вопросы № 4, 5 и 6 располагались до ситуационных иллюстраций и предполагали возможность «открытых» ответов, в которых респондентам предлагалось указать 2–3 ассоциации для слов *того* и *ку-ку*, а также попытаться сформулировать различия в значении эвфемизмов. Общим для рассматриваемых эвфемизмов является значение ‘ненормальный, странный, сумасшедший’. Однако анализ устойчиво повторяющихся ключевых слов в ассоциативных рядах для *того* и *ку-ку* выявил неожиданные и концептуально значимые различия в значении рассматриваемых слов.

Представим в таблице семантизированные значения и выражающие их ключевые слова из анкет респондентов (отмечены курсивом), см. табл. 2.

Таблица 2. Семантизированные значения и их ключевые слова для эвфемизмов *того* и *ку-ку*
Table 2. Semantized meanings and their keywords for the euphemisms *togo* and *ku-ku*

Того	Ку-ку
‘человек с диагностированными психическими отклонениями’ <i>кретин, шизофреник, олигофрэн, нездоровый, психобольной, деменция, психически не здоровый, аутист, диагноз, патология, есть медицинские показания психического нездоровья, медицинский диагноз</i>	‘глуповатый, душевнобольной (часто с оттенком набожности)’ <i>блаженный, чудаковатый, не от мира сего, экзальтированно верующий</i>
‘человек с агрессивным или опасным поведением’ <i>агрессивный, беспредельщик, опасный, злой, бешеный, ошалел, ведущий себя недружелюбно, борзеющий, превышающий полномочия, может нести вред окружающим, девиантное поведение, в тюрьме, негатив</i>	‘инфантильный человек’ <i>дети, игра с маленьким ребенком, инфантильный, легкомысленный, недальновидный, прятки, летящий, безобидный для окружающих, не несет опасности, дурашливый, не понимающий последствий, рассеянный, забывчивость</i>
‘ярый приверженец каких-либо непопулярных общественных движений’ <i>спортсмен, веган, ботаник, кошатник, зациклен на какой-то теме, иных взглядов на жизнь, непопулярных взглядов на жизнь, на другой волне, неформальный, в госдуме, на пп, экстрасенс, на своей волне, фрик</i>	‘человек с неординарным поведением’ <i>эксцентричный, непредсказуемый, неординарный, интеллигентный, раскованный, нестандартно мыслящий, экспрессивный, необычный, авантюрный</i>
‘человек нетрадиционной сексуальной ориентации’ <i>гей, бисексуал, нетрадиционной ориентации, непопулярной ориентации, заднеприводный, *нецензурное</i>	
‘человек, находящийся в измененном состоянии сознания под действием веществ или алкоголя’ <i>наркоман или с какой-то зависимостью, пьяный, обдолбанный, в замутненном состоянии, без сознания, в алкогольном опьянении</i>	
‘мертвый человек’ <i>умер, погибший, окочурившийся, готов к смерти или близок к ней, мертвый</i>	

Как видно из таблицы, количество семантизированных значений эвфемизма *того* значительно превосходит количество значений слова *ку-ку*, что соответствует как лексикографическим данным, так и результатам оценки респондентами степени полисемантической рассматриваемых слов.

Ассоциации, предложенные для эвфемизма *ку-ку*, были представлены словами с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*дурачок, странный, глупенький*) или суффиксом неполной степени признака (*чудаковатый, странноватый, туповатый*). Поскольку *ку-ку* и *того* в рассматриваемых контекстах выражают признаковую семантику, критерий степени проявления признака становится первой «ступенью» для их разграничения. Как представляется, ассоциации, связанные с ребячеством, детскостью и блаженностью, можно считать базовыми для последующего наращивания значений у слова *ку-ку*. Таким образом, эвфемизм *ку-ку* актуален для названия безобидного, чудаковатого человека, в чем-то даже привлекательного своей неординарностью, вызывающего снисходительную улыбку.

Ассоциации, предложенные для эвфемизма *того*, нередко содержали нецензурную лексику и медицинские термины психических заболеваний. Значимым результатом анализа можно назвать выявление фактически трех значений слова, которые еще не фиксируются в существующих толковых словарях, а только формируются в сознании носителей современного русского языка. Можно говорить о начале кристаллизации в современном русском языке таких значений *того*, как: ‘ярый приверженец каких-либо непопулярных общественных движений’, ‘человек нетрадиционной сексуальной ориентации’, ‘человек с агрессивным или опасным поведением’. Представляется, что эти значения напрямую не соотносятся со значением ‘сумасшедший, ненормальный’ и лишь ассоциативно входят в его смысловое поле. Кроме того, анализ ключевых слов позволяет отметить наличие устойчивой негативной ассоциации у данного эвфемизма. Таким образом, слово *того* чаще применяется для обозначения человека, поведение которого кажется окружающим неприятным и потенциально опасным для общества.

4. В качестве заключения

Сопоставление двух исследуемых слов в условиях языковой рефлексии оказалось для респондентов задачей, требующей интерпретации употребления *того* и *ку-ку* в речевых ситуациях, что воспринималось как сложное и неожиданное задание, о чем свидетельствуют следующие комментарии участников:

«Очень интересно, с каждым вопросом становилось интереснее и больше вопросов в своей голове, возвращалась исправлять первоначальные ответы»

«Было о чем задуматься!)))»
«Понравилось! Никогда не задумывалась!»
«Я запуталась, но думаю, в этом и суть. Вроде, как одинаково, в начале ответила, а потом, если копнуть — то не совсем»

Слова *того* и *ку-ку*, нередко воспринимаемые как тождественные, при более глубоком лингвистическом рассмотрении демонстрируют немало различий в значении и ситуациях употребления. Полученные в ходе эксперимента результаты выявили не просто различия, но — и это особенно ценно — во многом системную противопоставленность этих единиц. Слово *того* обладает большим числом значений, имеет устойчивые негативные ассоциации у носителей русского языка и используется для называния человека, в целом производящего неприятное впечатление, представляющего угрозу для общества, характеризующегося разного рода отклонениями в поведении. Эвфемизм *ку-ку* обладает меньшим числом значений и соотносится с детской речью. Слово *ку-ку* может иметь положительные ассоциации, используется для называния безобидного, чудаковатого человека, в чем-то даже привлекательного своей неординарностью, вызывающего снисходительную улыбку.

Таким образом, эксперимент не только продемонстрировал возможность и продуктивность смыслового разведения синонимичных единиц, но и позволил зафиксировать устойчивые ассоциации, участвующие в формировании новых значений рассматриваемых слов в речи носителей современного русского языка. Перспективами дальнейшего исследования представляются, во-первых, привлечение данных Национального корпуса русского языка и корпусов устной речи для сопоставления экспериментальных результатов с реальными примерами употребления, подтверждающими или опровергающими выявленные смысловые различия. Во-вторых, расширение круга анализируемых эвфемизмов за счет включения таких единиц, как *с приветом*, *не в себе*.

Литература

- Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 472 с.
- Баранов А. Н., Добровольский Д. О. (ред.). Академический словарь русской фразеологии. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЛЕКСПУС, 2020. 896 с.
- Борисова Е. Г. Язык поколений. Как говорят пожилые // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2022. № 3 (47). С. 63–71.

М. Р. Мирошниченко. *X того или ку-ку?* Опыт лексико-семантической дифференциации экспрессивных эвфемизмов...

M. R. Miroshnichenko. *Is X Togo or Is X Ku-Ku?* An Attempt at Lexico-Semantic Differentiation of Expressive Euphemisms...

Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. 560 с.

Винокур Г. О. Проблемы культуры речи // Рус. яз. в советской школе. № 5. М.: Работник просвещения, 1929. С. 82–92.

Долженко Н. Г., Макеева М. А. Эвфемизмы, обозначающие людей с ограниченными возможностями здоровья (на материале региональных СМИ) // Russian Linguistic Bulletin. 2022. № 2 (30). С. 1–4. DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.30.7>

Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: В 4-х тт. Т. 4. М.: Русский язык, 1984. 792 с.

Звегинцев В. А. Новое в лингвистике. Вып. 2. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1962. 685 с.

Иванникова Е. А. Синонимические отношения между фразеологическими единицами и словами // Очерки по синонимике современного русского литературного языка. М.–Л.: Наука, 1966. С. 69–95.

Иванян Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта, 2021. 462 с.

Иванян Е. П. Эвфемизмы русского языка. Спецкурс: учебное пособие, 4-е изд., стереотип. М.: Флинта, 2022. 122 с.

Ильсова Р. С., Дадаева А. И. Использование языка в зависимости от возраста и поколения (на анализе работ зарубежных авторов) // Известия Чеченского государственного университета. Вып. 2. Грозный: Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова, 2023. С. 60–66. DOI: <https://doi.org/10.36684/12-2023-30-2-60-66>

Кацев А. М. Эвфемизмы и синонимия // Вопросы структуры германских языков. Вып. 1. Омск: Омский государственный университет, 1976. С. 164–172.

Крысин Л. П. Эвфемистические способы выражения в современном русском языке // Русский язык в школе. 1994. Вып. 5. С. 76–82.

Левикова С. И. Большой словарь молодежного сленга. М.: Фаир-пресс, 2003. 928 с.

Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1998. 272 с.

Мирошниченко М. Р. Лексикографический портрет знаменательного слова того // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25. Вып. 4. С. 414–423. https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025_25-4-414-423, EDN: MSZNUP.

Мокиенко В. М. Образы русской речи: Историко-этимологические очерки фразеологии. СПб.: Фолио-Пресс, 1999. 464 с.

Москвин В. П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. М.: URSS, 2017. 262 с.

Мухаметзянова Ф. Г., Степанова К. И. Размышления о новых поколениях обучающихся и особенности поколения альфа в глобальном образовании // Глобальная экономика и образование. 2021. № 2. С. 42–50.

Панов М. В. Русский язык // Языки народов СССР. Т. I: Индоевропейские языки / Редкол.: В. В. Виноградов и др.; АН СССР: Науч. совет по компл. пробл. «Закономерности развития нац. языков в связи с развитием соц. наций»; Ин-т языкознания. М.: Наука, 1966. С. 55–122.

- Петрянина О. В., Ревина Е. В. Особенности эвфемизации в современном экологическом дискурсе (на примере немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 16. 2023. Вып. 6. С. 1815–1821.
- Реформатский А. А. Введение в языковедение / Под ред. В. В. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
- Фомина Т. А., Друзинин А. С. Контекстуально обусловленное номинативное варьирование на оси эвфемия/дисфемия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2023. Вып. 20 (1). С. 137–155.
- Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 753 с.
- Химик В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи: в 2 т. Т. 1. СПб.: Златоуст, 2017. 736 с.
- Шмелев Д. Н. Основные процессы в лексике современных восточнославянских языков // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1968. С. 393–406.
- Howe N., Strauss W. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York: William Morrow & Company, 1991. 554 p.
- Ullmann S. *Semantics. An introduction to the science of meaning*. Oxford, 1964. 278 p.

References

- Apresjan Ju. D. *Izbrannye trudy. T. I. Leksicheskaya semantika* [Selected works. Vol. 1. Lexical semantics]. Moscow. Shkola "Yazyki Russkoi Kul'tury" Publ., Publ. House "Vostochnaya Literatura" of the Russian Academy of Sciences, 1995. 472 p.
- Baranov A. N., Dobrovolskii D. O. (eds.). *Akademicheskii slovar' russkoi frazeologii* [Academic dictionary of Russian phraseology]. 3rd ed., rev. and enl. Moscow, LEXRUS Publ., 2020. 896 p.
- Borisova E. G. [The Language of generations: how the elderly speak] *Vestnik MGPU. Seriya "Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoie obrazovanie"*, 2022, no. 3 (47), pp. 63–71. (In Russ.)
- Dolzhenko N. G. [Euphemisms denoting people with disabilities (Based on Regional Media)]. *Russian Linguistic Bulletin*, 2022, no. 2 (30). Available at: <https://rulb.org/en/archive/2-30-2022-june/10.18454/RULB.2022.30.7> (accessed: 05.08.2025).
- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols.] Vol. 4. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1984. 792 p.
- Fomina T. A., Druzhinin A. S. [Contextually conditioned nominative variation on the euphemism/dysphemism axis]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*, 2023, no. 20 (1), pp. 137–155. (In Russ.)
- Howe N., Strauss W. *Generations: The history of America's future, 1584 to 2069*. New York, William Morrow & Company Publ., 1991. 554 p.

М. Р. Мирошниченко. *Х того или ку-ку?* Опыт лексико-семантической дифференциации экспрессивных эвфемизмов...

M. R. Miroshnichenko. *Is X Togo or Is X Ku-Ku?* An Attempt at Lexico-Semantic Differentiation of Expressive Euphemisms...

Ilyasova R. S., Dadaeva A. I. [Language use by age and generation (based on the analysis of works by foreign authors)]. *Izvestiya Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2, 2023, pp. 60–66. DOI: <https://doi.org/10.36684/12-2023-30-2-60-66> (In Russ.)

Ivannikova E. A. [Synonymic relations between phraseological units and words]. *Ocherki po sinonimike sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Essays on the synonymy of the modern Russian literary language]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966, pp. 69–95. (In Russ.)

Ivanyan E. P. *Slovar' evfemizmov russkogo yazyka* [Dictionary of euphemisms of the Russian language]. Moscow, Flinta Publ., 2021. 462 p.

Ivanyan E. P. *Evfemizmy russkogo yazyka. Spetskurs* [Euphemisms of the Russian language. Special course]. Moscow, Flinta Publ., 2022. 122 p.

Katsev A. M. [Euphemisms and synonymy]. *Voprosy struktury germanskikh yazykov* [Questions of the structure of Germanic languages]. Iss. 1. Omsk, Omsk St. Univ. Publ., 1976, pp. 164–172. (In Russ.)

Khimik V. V. *Bol'shoi slovar' russkoi razgovornoj ekspressivnoi rechi* [Large dictionary of Russian colloquial expressive speech]. St. Petersburg, Norint Publ., 2004. 753 p.

Khimik V. V. *Tolkovyiy slovar' russkoi razgovorno-obikhodnoi rechi* [Explanatory dictionary of Russian colloquial-everyday speech]. Vol. 2. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 2017. 736 p.

Krysin L. P. [Euphemistic ways of expression in modern Russian]. *Russkii yazyk v shkole*, 1994, iss. 5, pp. 76–82. (In Russ.)

Levikova S. I. *Bol'shoi slovar' molodezhnogo slenga* [Large dictionary of youth slang]. Moscow, Fair-Press Publ., 2003. 928 p.

Maslov Yu. S. *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to linguistics]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1998. 272 p.

Miroshnichenko M. R. [Lexicographic portrait of the content word “togo”]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika*, 2025, no. 4, p. 414–423. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-414-423>, EDN: MSZNUP. (In Russ.)

Mokienko V. M. *Obrazy russkoi rechi: Istoriko-ètimologicheskie ocherki frazeologii* [Images of Russian speech: Historical and etymological essays on phraseology]. St. Petersburg, Folio-Press Publ., 1999. 464 p.

Moskvin V. P. *Evfemizmy v leksicheskoi sisteme sovremennogo russkogo yazyka* [Euphemisms in the lexical system of modern Russian]. Moscow, URSS Publ., 2017. 262 p.

Mukhametzyanova F. G., Stepanova K. I. [Reflections on new generations of learners and the characteristics of Generation Alpha in global education]. *Global'naya ekonomika i obrazovanie*, 2021, no. 2, pp. 42–50. (In Russ.)

Panov M. V. [Russian language]. *Yazyki narodov SSSR. T. I: Indoevropèiskie yazyki* [Languages of the peoples of the USSR. Vol. I: Indo-European languages]. Moscow, Nauka Publ., 1966, pp. 55–122. (In Russ.)

Petryanina O. V., Revina E. V. [Features of euphemization in modern environmental discourse (Based on the German language)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2023, vol. 16, no. 6, pp. 1815–1821. (In Russ.)

- Reformatskii A. A. *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to linguistics]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1996. 536 p.
- Shmelev D. N. [Main processes in the lexicon of modern East Slavic languages]. *Slavyanskoe yazykoznanie. VI Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Doklady sovetskoj delegatsii* [Slavic linguistics. VI International congress of slavists. Reports of the Soviet delegation]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 393–406. (In Russ.)
- Vinogradov V. V. *Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoj grammatike* [Selected works. Studies on Russian grammar]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 560 p.
- Vinokur G. O. [Problems of speech culture]. *Russkij yazyk v sovetskoj shkole*, 1929, no. 5, pp. 82–92. (In Russ.)
- Zvegintsev V. A. *Novoe v lingvistike* [New in linguistics]. Iss. 2. Moscow, Publ. House of Foreign Literature, 1962. 685 p.

Приложение

Опросный лист ассоциативного эксперимента

Х того или ку-ку?

В разговоре или обсуждении Вы не раз слышали, а может быть, и сами произносили в отношении кого-то такую фразу «Х того?» или такую «Х ку-ку?». Наверняка в этот момент говорящий оценивает собеседника как странного, чье поведение или образ мыслей представляются смешными, глупыми, сумасшедшими.

Вопросы, предложенные Вашему вниманию, направлены на решение интересной лингвистической задачи, которую мы сформулировали следующим образом: есть ли разница в смысле выражений «Х того?» и «Х ку-ку?».

Просим отнестись к ответам со всей ответственностью носителя русской культуры и надеемся на творческий подход к выполнению заданий опросника!

1. Укажите свой пол: М Ж
2. Укажите свой возраст _____

*Далее для обозначения выбранного варианта Вы можете ставить галочку, плюс или обводить соответствующий Вашему выбору вариант ответа.

3. Выберите один из вариантов ответов. Смысл выражений «Х того?» и «Х ку-ку?»:

- одинаков
- не одинаков, но, в чем разница, объяснить не смогу
- не одинаков, могу сформулировать разницу значений (*перейдите, пожалуйста, к вопросу № 2)

4. Напишите в поле для ответа, в чем, по Вашему мнению, разница в смысле выражений «Х того?» и «Х ку-ку?». Когда говорят о человеке, что он *того*, а когда — *ку-ку*?

Ответ: _____

5. Напишите в поле для ответа 2–3 ассоциации на слово *того*

Ответ: _____

6. Напишите в поле для ответа 2–3 ассоциации на слово *ку-ку*

Ответ: _____

7. Ниже предложены иллюстрации четырех возможных ситуаций с участием двух собеседников. Выберите, какое выражение уместнее и вероятнее прозвучит в каждой ситуации?

Ситуации(-ю), где подходит выражение «*X того?*», обозначьте буквой «А».

Ситуации(-ю), где подходит выражение «*X ку-ку?*», обозначьте буквой «Б».

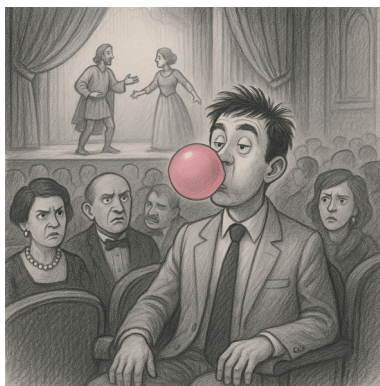
А Б

А Б

А Б

А Б

Спасибо за Ваш вклад в решение лингвистической задачи!

Стереотипы восприятия основных мономодальных вкусов в русской лингвокультуре

Татьяна Юрьевна Передриенко, Южно-Уральский государственный университет
(Россия, Челябинск), peredrienkoti@susu.ru

DOI: 10.7868/S3034592826030036

АННОТАЦИЯ: Связь вкусовых ощущений с культурными контекстами приводит к значительным различиям в вербализации этого опыта в разных языках. Люди часто сталкиваются с трудностями передачи ощущений, но задача облегчается заранее заданными представлениями о стереотипном восприятии вкусов, которые хранятся в языке в виде сравнений. Целью статьи является изучение стереотипов вкусового восприятия основных мономодальных вкусов для определения образов, с которыми они ассоциируются в русской лингвокультуре. Под основными мономодальными вкусами понимаются базовые вкусы (*горький, кислый, соленый, сладкий и умами*), которые воспринимаются рецепторами человека и являются основой для более сложных комбинаций. Материалом для анализа послужили сравнительные обороты, отобранные из Большого словаря русских сравнений, Национального корпуса русского языка и корпуса Google Books, общее количество оборотов составляет 41. Анализ материала показал, что в русской лингвокультуре репрезентируются стереотипные представления только о четырех основных вкусах. *Сладкий* и *горький* вкусы считаются антонимичными и в прямом, и в метафорическом значениях. Сферами источников образов для описания этих вкусов являются продукты питания, жидкости, растения, биологические жидкости и абстрактные понятия. *Соленый* и *кислый* в русской лингвокультуре не всегда четко дифференцируются, так как образами для стереотипного восприятия этих вкусов является один и тот же

объект (рапа). Особенностью *кислого* является сравнение его с продуктами питания, а *соленого* — с биологическими жидкостями. Изучение стереотипного восприятия вкусов через анализ сравнительных оборотов, в структуру которых они входят, позволяет понять культурные особенности, а также рассмотреть взаимосвязь языка и мышления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: стереотип, вкус, виды вкуса, перцепция, русский язык, сравнение

для цитирования: Передриенко Т. Ю. Стереотипы восприятия основных мономодальных вкусов в русской лингвокультуре // Русская речь. 2026. № 3. С. 34–46. DOI: 10.7868/S3034592826030036.

Issues of Modern Russian Language

Perception Stereotypes of Basic Monomodal Tastes in Russian Linguaculture

Tatiana Yu. Peredrienko, South Ural State University (Russia, Chelyabinsk), peredrienkoti@susu.ru

ABSTRACT: The connection of taste sensations with cultural contexts leads to significant dissimilarities in the verbalization of such experience in different languages. People often face difficulties in conveying their sensations, but the task is facilitated by predetermined ideas about the stereotypical perception of tastes which are stored in the language in the form of comparisons. The aim of the work is to study the perception stereotypes of the basic monomodal tastes in order to identify the images with which they are associated in Russian linguistic culture. Basic monomodal tastes (*bitter*, *sour*, *salty*, *sweet* and *umami*) are perceived by human receptors and serve as the basis for more complex combinations. Forty-one phrases selected from the Large Dictionary of Russian Comparisons, the Russian national corpus and the Google Books Corpus are used for the research. According to the analysis, the stereotypical ideas about only four basic tastes are represented in Russian linguaculture. *Sweet* and *bitter* are considered antonymous and

have identical spheres of image sources for describing these tastes. They are: food products, liquids, plants, biological fluids and abstract concepts. *Salty* and *sour* are not always clearly differentiated since the same objects (liquid) serve as images for the stereotypical perception of these tastes. The peculiarity of *sour* is its comparison with food products and *salty* with biological fluids. The study of the stereotypical perception of tastes through the analysis of comparisons allows us to understand cultural features, as well as to consider the relationship between language and consciousness.

KEYWORDS: stereotype, taste, types of taste, perception, Russian language, comparison

FOR CITATION: Peredrienko T. Yu. Perception Stereotypes of Basic Monomodal Tastes in Russian Linguaculture. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2026. No. 3. Pp. 34–46. DOI: 10.7868/S3034592826030036.

Введение

Вкусовое восприятие является универсальной способностью человека ощущать, распознавать и характеризовать вкус пищи. Однако из-за национально-культурной специфики передача вкусовых ощущений и вкусовых предпочтений в разных языках не идентична. Этот аспект привлекает внимание лингвистов, поскольку исследование лексической вербализации категории вкуса способствует пониманию того, как представители разных культур концептуализируют перцептивные данные.

Лексические средства, описывающие вкус и вкусовые ощущения, имеют глубокие исторические корни, но несмотря на это их количество в языке достаточно ограничено [Рузин 1994: 84; Лещинская 2008: 15; Битокова, Битокова 2020: 130]. Данное явление, по мнению А. В. Нагорной, объясняется тем, что вкус в течение долгого времени считался «низшим ощущением» из-за связи с базовыми физиологическими потребностями человека [Нагорная 2023: 80]. Переоценка значения вкусового восприятия для человека началась в начале XXI в., когда этот вид перцепции стали рассматривать в культурном контексте [Vercelloni 2016: 11].

Теперь вкусовое восприятие дифференцируется как естественный природный процесс, определяемый культурными традициями общества, в котором существует человек. О. В. Чалей отмечает, что «человек исходит из определенной культурной модели, влияние которой на отношение к пище очень сильно» [Чалей 2017: 32]. Именно оценочные суждения общества задают представления, какие вкусы считаются приятными, а какие нет.

В течение долгого времени вкус разделяли на 4 основных мономодальных вида: *сладкий, горький, кислый и соленый*, а остальные вкусовые ощущения считались комбинацией этих вкусов [Борейко 2006]. В 1980 г. ученые признали существование пятого фундаментального вкуса — *умами*. Этот вкус, получивший название от японского слова *умаи* — *вкусный, приятный*, впервые описал немецкий физиолог Адольф Фик [Благутина 2010]. *Умами* является соединением всех ранее известных вкусов, но он не может быть создан путем их смешивания. В 2000 г. ученые обнаружили на языке рецепторы, воспринимающие исключительно вкус *умами* [Miller 2009: 8]. Тем не менее природа этого вкуса остается недостаточно ясной до сих пор, что является причиной споров о принадлежности *умами* к основным вкусам [Иванова 2017: 49].

Лингвисты отмечают, что людям часто сложно выразить вкусовые ощущения из-за недостаточного развития системы «разложения на элементы этого рода восприятия» [Чалей 2017: 26]. Однако несколько облегчают задачу описания вкуса стереотипы, которые хранятся в языке в виде заранее заданных суждений или сравнений. Стереотипы дают общие представления об объектах и ситуациях, даже если человек ранее не встречался с ними. Они редко «рефлексируются сознанием и воспринимаются как нечто объективное, а потому редко подвергаются переосмыслению» [Чеснокова 2015: 2]. Стереотипы формируются относительно многих сфер человеческой жизни, и вкусовая сфера также не является исключением. Ценным материалом для исследования стереотипов вкусового восприятия являются сравнительные обороты, так как именно в них закрепляются ассоциации и формируются образы, которые сопровождают чувственное восприятие, отражая ментальные модели, которые существуют в сознании языкового коллектива [Передриенко 2023: 84].

Методология и материал исследования

Целью статьи является анализ стереотипных суждений об основных мономодальных видах вкуса в русском языке для определения образов, с которыми они ассоциируются. В соответствии с целью в работе решаются следующие задачи:

- выборка стереотипных суждений об основных мономодальных видах вкуса;
- лексикографический анализ этих стереотипных суждений;
- их корпусный анализ;
- изучение и описание образов, с которыми ассоциируются основные мономодальные виды вкуса.

Материалом для исследования послужили стереотипные суждения в виде сравнительных оборотов, в структуру которых входят лексические единицы, обозначающие основные мономодальные виды вкуса. Запросом для поиска послужили сочетания: *сладкий как**, *соленый как**, *кислый как**, *горький как** и *умами как**. Материал был получен из Большого словаря русских сравнений [Мокиенко 2008], Национального корпуса русского языка и из корпуса Google Books. Объем выборки составил 41 сравнительный оборот, отражающий традиционные вкусовые стереотипы русской лингвокультуры.

Результаты

Анализ материала показал, что самое большое количество сравнений образовано с прилагательным *сладкий* (20). *Сладкий* традиционно считается привлекательным для людей по психологическим и биологическим причинам. Ученые объясняют эту особую «гедонистическую привлекательность» тем, что углеводы являются «основным легко метаболизируемым источником энергии», а также источником глюкозы, необходимой для работы мозга [Моровец, Лукина, Золотарев 2023: 74].

Приятность *сладкого* также вербализуется в словарной дефиниции «имеющий приятный вкус», а вкусовые особенности передаются через ассоциации со вкусом таких продуктов, как сахар и мед — «свойственный сахару или меду» [Ожегов, Шведова 2006: 728]. Сравнения *сладкого* вкуса с этими же продуктами представлено в устойчивых сравнительных оборотах, зафиксированных в Большом словаре русских сравнений В. М. Мокиенко, в Национальном корпусе русского языка и в корпусе Google Books, что говорит о том, что сахар и мед являются наиболее устойчивыми образами *сладкого* в русской лингвокультуре.

Дальнейший анализ показал, что *сладкий* описывается через сравнение с фруктами (*сладкий как виноград / абрикос / финик*), с овощами (*сладкий как свекловица*), с жидкими веществами (*сладкий как сусло / патока / сироп*), с кондитерскими изделиями русской и восточной кухни (*сладкий как леденец / халва / рахат-лукум*). Сравнение с блюдами восточной кухни отражает влияние Центральной Азии и Кавказа на русскую кулинарию. Такие сладости, как халва и рахат-лукум, обладают экзотическими и насыщенными вкусами и создают яркие и запоминающиеся образы.

Сравнения *сладкого* с сахаром, медом, сиропом, патокой могут использоваться в прямом значении для положительной оценки продукта (*Вечером мы впервые получили густой и сладкий, как мед, чай с молоком*), а также в переносном значении для характеристики излишне услужливого человека, приобретая в этом значении отрицательную коннотацию (*Мерзкий*

он человек. *Вроде сладкий как патока. А прикоснешься — от этой его липкой сладости замучаешься руки отмывать*¹.

В русском языке *сладкий* сравнивается не только с продуктами, обладающими ярким и насыщенным вкусом, но и с молоком (*сладкий как молоко*), которому легкую сладость придает лактоза — натуральный сахар. Привлекательный, чуть сладковатый вкус молока вызывает приятные ассоциации, особенно в контексте детского восприятия, так как молоко является первой пищей для детей. Хорошие воспоминания создают положительную эмоциональную составляющую сравнения, что еще больше укрепляет положительное восприятие сладкого вкуса: *Сок был сладкий, как молоко мамы-матери*.

Употребление в сравнительных оборотах абстрактных существительных объясняется психологическими и эмоциональными факторами. В данных контекстах *сладкий* используется метафорически для обозначения приятных ожиданий (*сладкий как мечта*) и позитивных воспоминаний (*сладкий как сон / воспоминание / память / мелодия*): *Вдруг до слуха Ханы долетел звук песни, сладкий как сон*. Использование в сравнениях лексических единиц с отрицательной коннотацией позволяет передать предупреждение о том, что за внешней привлекательностью может скрываться нечто опасное (*сладкий как грех / змеиный яд*): *Зато он любит, наверное, этот напиток, сладкий, как змеиный яд*.

Следующей по количеству является группа сравнительных оборотов, выражающих восприятие *горького* (9). В лексикографических источниках стереотипное восприятие данного вкуса не имеет сравнений с объектами окружающего мира. Например, в Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой *горький* определяется как «*имеющий своеобразный едкий и неприятный вкус*» [Ожегов, Шведова 2006: 140]. Неприятность *горького* вкуса противопоставляется приятности *сладкого*, что говорит о том, что данные понятия можно считать антонимичными. Неприятность *горького* может быть объяснена защитным механизмом человеческого организма, который предупреждает о потенциальной угрозе вещества, имеющего такой вкус.

Ощущения от *горького* сравниваются со вкусом растений (*горький как полынь / редька / лук*), со вкусом деревьев или их части (коры) (*горький как осина / хина*), со вкусом ядовитых жидкостей (*горький как отравленное вино*) и со вкусом биологических жидкостей (*горький как желчь / слезы*). Горечь слез указывает на метафорическое значение *горького*, которое обозначает неприятные эмоции, то есть «горечь» чувств. Употребление *горького* с абстрактными существительными (*горький как одиночество*)

¹ Здесь и далее, если не указано иное, примеры приводятся из НКРЯ.

также выражает метафорическое значение неприятных эмоций. Таким образом, горький имеет отрицательную коннотацию и в прямом значении «вкус продукта» (*Хлеб выходит черно-зеленый и горький как хина*), и в переносном значении «событие, переживание» (*Была обίδα горькая как полынь в цвету*).

В группу сравнительных оборотов, выражающих стереотипное восприятие *кислого*, входит 8 сравнений. В словарных дефинициях этот вкус объясняется через остроту и ассоциации со вкусом лимона и клюквы: «*обладающий своеобразным острым вкусом, например лимона или клюквы*» [Ожегов, Шведова 2006: 274]. Лимон и клюкву можно считать наиболее устойчивыми образами кислого вкуса, так как сравнения с этими лексическими единицами зафиксированы и в словаре сравнений, и в Национальном корпусе русского языка.

Кроме лимона и клюквы, *кислый* также ассоциируется со вкусом таких фруктов, как *слива* и (*недозрелое*) *яблоко*, а также с жидкостями (*кислый как овчинный квас / укус / эссенция*). Еще одним образом для сравнений является природный раствор *рапа*, определяемый в толковых словарях как ‘вода соленых озер и лиманов, которая насыщена природными солями и используется в промышленности и медицине’ (*кислый как рапа*) [Кузнецов (ред.) 2000: 1086]. Сравнение кислого с концентрированным соленым раствором скорее передает не просто характеристику вкуса, а его максимальную интенсивность, которая вызывает физическое отторжение.

Кислый в прямом значении характеризует объект, содержащий кислоту или обладающий неприятным вкусом (*На вкус он [шашлык] должен быть кислый, как лимон, но не должен «шибать в нос», т. е. быть слишком насыщенным...*), в переносном значении в сравнениях выражается недовольство или неудовлетворенность (*Выражение лица у Глафиры Андреевны на секунду стало кислое, как лимон, но она быстро взяла себя в руки*).

Интересно отметить, что *кислый* также используется в сравнениях с диалектизмами, называющими растения, которые произрастают в различных регионах России. В Большом словаре русских сравнений В. М. Мокиенко приводит следующие обороты: *кислый как жура (журавина) / калега / кисличина / ясеница / омег* [Мокиенко 2008]. Сравнительные обороты, в состав которых входят диалектизмы, отражают особенности локального перцептивного опыта и сохраняют информацию о региональных пищевых традициях, а потому заслуживают дальнейшего глубокого специального изучения. Наша работа фокусируется на выявлении объектов для сравнения, которые используются в общеупотребительной лексике, фиксируются толковыми словарями русского языка и не имеют помет о принадлежности к диалектизмам, поэтому данные сравнения при анализе не учитывались.

Четвертую группу составляют сравнительные обороты, характеризующие вкус *соленого*. В русской лингвокультуре *кислый* и *соленый* не всегда четко дифференцируются, этим может быть объяснено сравнение данных вкусов с одинаковым объектом — рапой (*кислый как рапа* и *соленый как рапа*). Некая схожесть *соленого* и *кислого* объясняется физиологией человека. «Соленый вкус в чистом виде возникает только при потреблении поваренной соли, а другие соли, обладающие соленым вкусом, дают дополнительные ощущения», одним из которых является солено-кислый вкус [Щебелев, Сидоренко 2018: 97].

В лексикографических источниках *соленый* определяется как «содержащий соль», а сравнений с объектами окружающего мира в словарных дефинициях толковых словарей не зафиксировано [Кузнецов (ред.) 2000: 1232; Ожегов, Шведова 2006: 745]. В Большом словаре русских сравнений и Национальном корпусе русского языка присутствуют сравнения с жидкостями, содержащими соль (*соленый как морская вода / огуречный рассол*), и с биологической жидкостью (*соленый как слеза / слезы*).

В группу сравнений с компонентом *соленый* входит всего 4 сравнительных оборота, а малочисленность группы объяснена тем, что данный вкус воспринимается относительно однозначно. Прилагательное *соленый* образовано от существительного *соль*, то есть название вкуса и вещество-источник лексически тождественны, и сравнения теряют информативность. Кроме того, *соль* является усилителем вкуса других продуктов, но собственного вкуса не имеет, что создает сложность нахождения объекта для сравнения. *Соленый* может использоваться также в переносном значении для обозначения трудных моментов или печальных событий жизни: *Тут решение, близкое и соленое как слезы, пришло к нему*.

Вкус *умами* в русской лингвокультуре еще не освоен, несмотря на его открытие и описание в начале XX в. В русском языке нет эквивалента японскому названию, поэтому для обозначения этого вкуса используется русскоязычная транскрипция японского слова. О. А. Дмитриева уточняет, что в русском языке «слово *умами* часто сопровождается историческим комментарием», а именно отсылкой к имени ученого, открывшего его, дается перевод слова или поясняется химический состав [Дмитриева 2022: 10]. В словарях и в изучаемых корпусах сравнений вкуса *умами* с реалиями окружающего мира выявлено не было.

Таким образом, в русском языке вербализуются стереотипные представления только о четырех основных мономодальных вкусах. Данные о сфере источников образов, с которыми ассоциируются эти вкусы, представлены на Рисунке 1, а соотношение сравнений по видам вкусового восприятия визуализированы на Рисунке 2.

Рисунок 1. Сферы источники образов стереотипного восприятия основных мономодальных вкусов

Figure 1. Domains of origin for stereotypical perceptual images of basic monomodal tastes

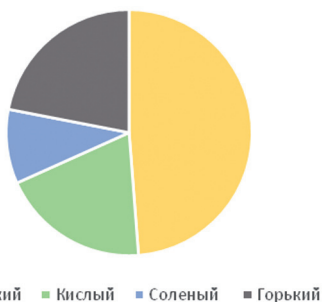

Рисунок 2. Соотношение сравнений по видам вкуса

Figure 2. Distribution of comparisons by taste type

Закключение

Проведенный анализ показал, что в русской лингвокультуре выражаются стереотипные представления только о четырех основных мономодальных вкусах, сравнений пятого вкуса *умами* с реалиями окружающего мира выявлено не было.

Сладкий вкус является самым продуктивным по образованию сравнений (20), а источниками образов стереотипного восприятия этого вкуса

выступают преимущественно продукты (фрукты, овощи, жидкости, кондитерские изделия, мед и сахар). Метафорическое восприятие *сладкого* как чего-то приятного или вкусного, но опасного представлено в сравнительных оборотах с абстрактными существительными.

Горький воспринимается как антонимический *сладкому* и в прямом, и в метафорическом значениях. В группу сравнительных оборотов с *горький* входит 9 сравнений, основой для которых стали растения, овощи и жидкости, в переносном значении этот вкус ассоциируется с неприятными эмоциями и жизненными трудностями, которые вербализуются в языке через сравнение с биологическими жидкостями и абстрактными существительными.

Группа сравнительных оборотов, выражающих стереотипное восприятие *кислого*, является следующей по количеству (8). Образами для обозначения данного вкуса послужили фрукты, ягоды и жидкости. В прямом значении сравнения характеризуют объекты, обладающие неприятным вкусом из-за содержания кислоты, а в переносном — выражают неудовольствие или неудовлетворенность.

Группа, репрезентирующая *солёный* вкус, является самой малочисленной (4), что объясняется морфологической связью названия вкуса и вещества-источника, приводящей к малой информативности сравнений. Известными образами для сравнений служат жидкости, содержащие соль. В переносном значении солёный вкус ассоциируется с трудными моментами или печальными событиями жизни.

Изучение стереотипов вкусового восприятия представляет важную область исследований когнитивной лингвистики и антропологии. Стереотипы сохраняют информацию о традициях, а также отражают культурные нормы и ценности общества. Анализ стереотипов позволяет выявить способы категоризации вкусовых ощущений и раскрыть варианты передачи перцептивного опыта. Исследование переносных значений стереотипов дает возможность объяснить метафорическое переосмысление основных мономодальных вкусов. Полученные данные способствуют более глубокому пониманию культуры, национального менталитета, а также взаимосвязи и взаимодействия языка и мышления.

Литература

- Битокова С. Х., Битокова Т. А. Перцепция вкуса в языковой картине мира // Казанская наука. 2020. № 12. С. 129–131.
- Благутина В. В. Анатомия вкуса // Химия и жизнь. 2010. № 10 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hij.ru/read/issues/2010/october/838> (дата обращения: 03.06.2025).

- Борейко Т. С.* Ситуация тактильного восприятия: способы представления в системе русского языка и в языковом сознании индивида: дис. ... канд. филол. наук / Омский гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского. Омск, 2006. 224 с.
- Димитриева О. А.* «О вкусах не спорят»: умами, умамный, умамность // Русская речь. 2022. № 3. С. 7–18.
- Иванова Е. В.* Когнитивно-прагматические аспекты синтаксической организации высказываний с цепочками перцептивных прилагательных в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук / Иркутский гос. ун-т. Уфа, 2017. 225 с.
- Красных В. В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
- Кузнецов С. А.* (ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
- Лещинская О. Г.* Представление модальностей сенсорного восприятия в народно-разговорной речи города (на материале города Омска): дис. ... канд. филол. наук / Омский гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского. Омск, 2008. 242 с.
- Мокиенко В. М.* Большой словарь русских сравнений. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. 800 с.
- Моровец В. О., Лукина Е. А., Золотарев В. А.* Сладкий вкус от рецепции к восприятию // Успехи физиологических наук. 2023. № 4 (54). С. 73–92.
- Нагорная А. В.* Метафорические средства описания вкусового ощущения в современной английской культуре // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2023. № 1 (20). С. 79–97.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.06.2025).
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
- Передриенко Т. Ю.* Перцептивные стереотипы в сравнениях русского и английского языков // Вопросы психоллингвистики. 2023. № 3 (57). С. 82–91.
- Резин И. Г.* Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // Вопросы языкознания. 1994. № 6. С. 79–100.
- Чалей О. В.* Концептуализация вкусовых ощущений в естественном языке: дис. ... канд. филол. наук / Моск. город. пед. ун-т. М., 2017. 202 с.
- Чеснокова Л. В.* Стереотипы в межкультурной коммуникации // Концепт. 2015. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://e-koncept.ru/2015/15107.htm> (дата обращения: 03.06.2025).
- Щебелев В. И., Сидоренко Ю. И.* Изучение взаимного синергизма сладкого, горького, соленого и кислого вкусов для проектирования заданного вкусового профиля // Пищевая промышленность. 2018. № 11. С. 96–100.
- Google Books [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.com/ngrams> (дата обращения: 03.06.2025).

Miller J. *Food science*. North Minneapolis: Lerner publication company, 2009. 48 p.
Vercelloni L. *The invention of taste: A cultural account of desire, delight, and disgust in fashion, food and art*. London, New York: Bloomsbury Academic, 2016. 192 p.

References

- Bitokova S. H., Bitokova T. A. [Perception of taste in the linguistic picture of the world]. *Kazanskaya nauka*, 2020, no. 12, pp. 129–131. (In Russ.)
- Blagutina V. V. [Anatomy of taste]. *Himiya i zhizn'*, 2010, no. 10. (In Russ.) Available at: <https://www.hij.ru/read/issues/2010/october/838> (accessed 03.06.2025).
- Boreiko T. S. *Situaciya taktil'nogo vospriyatiya: sposoby predstavleniya v sisteme russkogo yazyka i v yazykovom soznanii individa*. Diss. kand. philol. nauk [The situation of tactile perception: methods of representation in the Russian language system and in the linguistic consciousness of an individual. Cand. philol. sci. diss.]. Omsk, 2006. 224 p.
- Chalei O. V. *Konceptualizaciya vkusovykh oshhushhenii v estestvennom yazyke*. Diss. kand. philol. nauk [Conceptualizing taste sensations in natural language. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2017. 202 p.
- Chesnokova L. V. [Stereotypes in intercultural communication]. *Koncept*, 2015, no. 4. (In Russ.) Available at: <http://e-koncept.ru/2015/15107.htm> (accessed 04.06.2025)
- Dimitrieva O. A. ["There is no dispute about tastes": umami, umamny, umamness]. *Russkaya rech'*, 2022, no. 3, pp. 7–18. (In Russ.)
- Google Books. Available at: <https://books.google.com/ngrams> (accessed 04.06.2025).
- Ivanova E. V. *Kognitivno-pragmaticheskie aspekty sintaksicheskoi organizacii vyskazyvanii s tse-pochkami pertseptivnykh prilagatel'nykh v sovremennom russkom yazyke*. Diss. kand. philol. nauk [Cognitive-pragmatic aspects of syntactic organization of statements with chains of perceptual adjectives in modern Russian. Cand. philol. sci. diss.]. Ufa, 2017. 225 p.
- Krasnykh V. V. *Etnopsiholingvistika i lingvokul'turologiya: kurs lektsii* [Ethnopsycholinguistics and linguacultural studies: course of lectures]. Moscow, Gnozis Publ., 2002. 284 p.
- Kuznetsov S. A. (ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The Great explanatory Dictionary of the Russian language]. St. Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p.
- Leshhinskaya O. G. *Predstavlenie modal'nostei sensorogo vospriyatiya v narodno-razgovornoj rechi goroda (na materiale goroda Omska)*. Diss. kand. philol. nauk [Representation of sensory perception modalities in colloquial speech of the city (based on the city of Omsk). Cand. philol. sci. diss.]. Omsk, 2008. 242 p.
- Miller J. *Food science*. North Minneapolis, Lerner Publication Company, 2009. 48 p.
- Mokienko V. M. *Bol'shoi slovar' russkikh sravnenii* [The Big Dictionary of Russian comparisons]. Moscow, OLMA Media Group Publ., 2008. 800 p.
- Morovec V. O., Lukina E. A., Zolotarev V. A. [Sweet taste from reception to perception]. *Uspekhi fiziologicheskikh nauk*, 2023, no. 4 (54), pp. 73–92. (In Russ.)

- Nagornaya A. V. [Metaphorical means of describing taste sensation in modern English culture]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*, 2023, no. 1 (20), pp. 79–97. (In Russ.)
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru/> (accessed 04.06.2025).
- Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, OOO "A TEMP" Publ., 2006. 944 p.
- Peredrienko T. Yu. [Perceptual Stereotypes in Comparisons of Russian and English Languages]. *Voprosy psiholingvistiki*, 2023, no. 3 (57), pp. 82–91. (In Russ.)
- Ruzin I. G. [Cognitive strategies of naming: modes of perception (vision, hearing, touch, smell, taste) and their expression in language]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 1994, no. 6, pp. 79–100. (In Russ.)
- Shchebelev V. I., Sidorenko Yu. I. [Study of mutual synergism of sweet, bitter, salty and sour tastes for designing a given taste profile]. *Food industry*, 2018, no. 11, pp. 96–100. (In Russ.)
- Vercelloni L. *The invention of taste: A cultural account of desire, delight, and disgust in fashion, food and art*. London, New York, Bloomsbury Academic Publ., 2016. 192 p.

Отзвуки славянских древностей в мифониме *юда* воронежской заговорной традиции

Елена Ивановна Сьянова¹, Валентина Федоровна Филатова², Институт лингвистических исследований РАН (Россия, Санкт-Петербург)¹, Борисоглебский филиал Воронежского государственного университета (Россия, Борисоглебск)², syanovaei@mail.ru¹, filatova46@hotmail.com²

DOI: 10.7868/S3034592826030045

АННОТАЦИЯ: Авторы статьи обратились к вопросу распространения мифонима *юда* в украинских воронежских говорах, носители которых, переселенцы с юго-запада, проживают более 300 лет на территории Воронежской области. Авторы статьи исходят из того, что демонологический образ *юда* имеет более широкое ареальное распространение, чем это отмечается в работах исследователей. Данный мифологический персонаж свойствен не только болгарской и украинской гуцульской традиции, не только белорусским заговорам, он также зафиксирован при полевом сборе диалектного материала как элемент заговорного текста в воронежских говорах. Представленный в статье фрагмент эксплицирует в контексте иерархические отношения двух мифологических персонажей *юда* и *пыдьюда*. Мужской образ *юда* в зафиксированном заговоре имеет, очевидно, архаические основы, коррелируя с другими демонологическими персонажами с аналогичными именованиями в славянском диалектном пространстве. При этом безусловна, хотя и вторична, связь исследуемого демонима с образом Иуды. Прослеживается непосредственная соотнесенность с юго-западной народной традицией, в рамках которой *юда* выступает в качестве представителя нечистой силы, некоего злого духа. К сожалению, крайне трансформированный контекст, контаминация заговорных формул, мотивов не дают возможности провести полноценный анализ функционирования исследуемой лексемы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: мифоним *юда*, воронежский ареал мифонима, демони́мы *юда* и *пыдьюда*, иерархия мифологических персонажей, заговоры, воронежские говоры

для цитирования: Сьянова Е. И., Филатова В. Ф. Отзвуки славянских древностей в мифониме *юда* воронежской заговорной традиции // Русская речь. 2026. № 3. С. 47–57. DOI: 10.7868/S3034592826030045.

Issues of Modern Russian Language

Echoes of Slavic Antiquities in the Mythonym of *Yuda* in the Voronezh Conspiracy Tradition

Elena I. Syanova¹, Valentina F. Filatova², Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (Russia, Saint Petersburg)¹, Borisoglebsk branch of Voronezh State University (Russia, Borisoglebsk)², syanovaei@mail.ru¹, filatova46@hotmail.com²

ABSTRACT: The authors of the article address the issue of the distribution of the mythonym *yuda* in the dialects of settlers from the southwestern territories of the East Slavic area, living (for more than 300 years) in the territory of the modern Voronezh region. This nomination was recorded during a dialectological expedition as an element of a spell text. The authors of the article proceed from the fact that the demonological image of *yuda* has a wider areal distribution than is noted in the works of researchers. The existence of the demonym is limited by some scientists to the Bulgarian and Ukrainian Hutsul tradition; the nomination is characteristic, in particular, of Belarusian spells. The fragment presented in the article explicates in the context the hierarchical relations of two mythological characters, *yuda* and *pydjuda*. The male image of *yuda* in the recorded spell obviously has archaic foundations, correlating with other demonological characters of the same root content in the Slavic dialect space. At the same time, the connection of the studied demonym with the image of Judas is unconditional. A direct correlation with the southwestern folk tradition is traced, within which *yuda* acts as a representative

of evil spirits, a kind of an evil spirit. Unfortunately, the extremely transformed context and contamination of spell formulas and motives do not allow a full analysis of the functioning of the lexeme under the study.

KEYWORDS: mythonym *yuda*, Voronezh area of the mythonym, demonym *yuda* and *pydyuda*, hierarchy of mythological characters, conspiracies, Voronezh dialects

FOR CITATION: Syanova E. I., Filatova V. F. Echoes of Slavic Antiquities in the Mythonym of *Yuda* in the Voronezh Conspiracy Tradition. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2026. No. 3. Pp. 47–57. DOI: 10.7868/S3034592826030045.

В научной литературе представлены отдельные исследования, посвященные мифониму *юда* (см. подробнее: [Белова 2000; Валенцова 2021; Ильинский 1933; Филатова 2023; Хобзей 2002 и др.]). М. М. Валенцова указывает, что данный демоним представлен в двух славянских традициях: болгарской и украинской гуцульской [Валенцова 2021: 380]. Региональные исследования расширяют представления об ареале функционирования рассматриваемой единицы. Как показывает современный материал, записанный в полевых условиях, номинация бытует также в украинских говорах переселенцев с юго-запада, проживающих более 300 лет на территории современной Воронежской области¹.

В ходе диалектологической экспедиции 2004 г. в селе Власовка Грибановского района Воронежской области была зафиксирована лексическая единица *юда* (материалы записаны от коренной жительницы Анны Васильевны Сабининой, 1915 г. р., образование — 4 класса). Номинация встретилась в местном заговоре, или молитве². Диалектные материалы записаны нами в упрощенной транскрипции, в них лишь отчасти передаются особенности говора. Текст, безусловно, христианизирован, об этом говорит обращение к Пресвятой Богородице. Приведем полностью записанный контекст: *Она [женщина-знахарь] личила и скотыну, и тэлят, и од гадюкы. Од гадюкы и я щяс, мабудь, собразю... Она и тэлят личила, и людэј,*

¹ Данные говоры в современной отечественной лингвистике рассматриваются в рамках украинских восточнослобжанских диалектов.

² О функционировании слова *молитва* в значении «заговор» в воронежских говорах см. в [Филатова 2010: 76]. Ср. также: *Золота стрэла, одойды, сатана, от мого двора, от мого кола, от животыны, от птыци. Така е молитва* (Власовка) (если ссылка на источник отсутствует, то по умолчанию этот материал собран в ходе полевых исследований Е. И. Сьяновой). См. также о соотношении заговора и молитвы в работах [Зелинский 1897: 3–13; Левкиевская 2002; Шестеркина 2014 и др.].

и дитэй. Стоить гора, на гори змия-торопия, возьмы свое жыло-жылище и однэсы на очэрэта, на болота, дэ собаки нэ брэшуть, сонцэ нэ грие. Она, значить, если змия укусэ, то од нэй оцэ тилкы наговоры и выдавлюють из нэй, оцэ она пуска [пускает] ят. Нэ так, мабудь. Память одбыва [отбивает]. Цэ молитва: Прошу Господа Бога, Присвятую Богородицу, сылы нывэсны. Шлы два товариша: одын — юда, другый — пьдъюда. На юди — голыци³, на пьдъюди — рукавыци. Од Галькыных там глазэй, од Галькыных бровэй, од ййии русых волосэй, од ййии очей, од ййии плэчей, од ййии суставив... От чирвонной крови, от жовтой кости, тут тэби нэ стояты, там як звать... Галькыной крови нэ пыты, кости нэ ломыты..., от калдуна, калдуныци, от ярэтыка, ярытыци, от прысухы. Прошу Господа Бога, Присвятую Богородицу. И оцэ баба наша читала: на скотыни — рогы, отступить, пэрэлогы. И всэ тут помынаец'ця, всэ прытулювала⁴ [присоединяла, добавляла].

Воронежский заговор с номинацией *юда* записан не непосредственно от ведуна, а от того, кто запомнил, что читала «баба Зудиха [прозвище знахарки], или баба Хвэня [Феня⁵]», и текст зафиксирован так, как запомнился А. В. Сабининой. В памяти информанта происходит смешение заговоров «от всякой болезни», от сглаза, от перелогов (см. подробнее ниже), а также заговора, читаемого при укусе змеи. Трансформация заговорного текста и его функциональной направленности не дает возможности точно идентифицировать жанровую природу исследуемого фрагмента⁶. При этом отмечается «классический» набор формул. В качестве имени адресата обрядового действия (объекта магического воздействия — больного) информантка приводит женское имя *Галька*. Элемент «от присухы» рассматривается нами как окказиональное явление. В селе до настоящего времени сохраняется вера в приворот, сглаз, порчу. Информантка, как видим, и сама ощущает смешение разных заговоров, добавляя «и от присух тут».

В большинстве известных исследований заговоров, народных молитв и их особенностей персонаж *юда* не встречается, см.: [Виноградова 2019; Зелинский 1897; Николаева (отв. ред.) 1993; Кляус 2000; Юдин 1997 и др.]. В то же время в белорусских и украинских заговорах от перелогов⁷ Иуда

³ Говору села Власовка свойственна оппозиция *ц* — *ц'*. Мягкость [ц'] передается при помощи сочетаний *ци, ця* и знака *ц'* в глагольной форме *помынаец'ця*.

⁴ Текст впервые опубликован в [Сьянова 2015: 263–264].

⁵ Сокращенный народный вариант к полному имени Федосья. Вариант *Хвэня* обусловлен системными фонетическими особенностями говора. В говоре происходит замена звука [ф] на [хв]. Эта черта является и характерной особенностью смежных южнорусских говоров.

⁶ Мы не ставим целью определение жанровой принадлежности представленного текста, его композиции и т. п. вследствие серьезного видоизменения. Необходимы дополнительные полевые изыскания, выезды для уточнения материала.

⁷ В заговорах слово *перелог* известно в значении «болезнь скотины и лошадей» [Агапкина 2022: 254]. Ср.: *перелог* — «корчи, судороги у скота» [Гринченко 1909: 125].

и черт заменяют друг друга, *беззаконный Юда* и *Юдиха* бытуют в украинских заговорах от заломов⁸ и т. п. [Белова 2000: 354]. В украинской народной традиции *юда*, м. р.⁹ — ‘род злого духа, нечистой силы’: *Нечистый дух-юда юдит христианина, аби один другого бив* [Гринченко 1909: 531]; Н. Хобзей приводит гуцульское *юда*, м. р. ‘черт’, ‘старший черт, дьявол’ с контекстами, ссылаясь на В. О. Шухевича [Хобзей 2002: 194].

В пользу трактовки *юды* как персонажа с христианскими корнями как будто свидетельствует наличие в заговоре обращения к одной из ключевых христианских фигур — Пресвятой Богородице, но *юда* здесь — представитель антагонистов Бога. Очевидно, стоит рассматривать *юду* и *пыдь-юду* в качестве разновидностей злого духа, нечистой силы. «Сближение мифонима *юда* с именем Иуда надо признать вторичным и позднейшим» [Валенцова 2021: 391]. А. Н. Афанасьев, в свою очередь, имя Юда рассматривает в связи с выражением *чудо-юдо*: «Преданія о змеяхъ и великанахъ стоять въ самомъ тесномъ и близкомъ сродствѣ, и по свидѣтельству сказки Морской Царь принимаетъ на себя образъ змѣя. Юдо=Иуда — имя, которое в періодъ христіанства стали придавать чорту и другимъ демоническимъ существамъ» [Афанасьев 1994а: 216]. Соответственно *Юдо*, *Юда* производится ученым из Иуда. Однако в III томе своего труда Афанасьев описывает болгарских мифических дев, называемых самовилами и самодивами, соотнося эти именованья с единицей *юда*: «Самовила (самовьющая, самопряха) существенно ничѣмъ не отличается отъ сербской и словенской вилы; а самодива должна быть поставлена въ сродство съ дивами=великанами и змѣями-тучами. Какъ этимъ послѣднимъ присвоивается прозваніе юдо, такъ присвоивается оно и самовилам (“юдо-самовило!”)» [Афанасьев 1994б: 182–185]. Ср.: «*Юда* — это одно из мифологических существ, которым в Болгарии (Пиринский край, Странджа) и Македонии приписывают признаки самодив» [Раденкович 2013: 61]. Имя *Юда* Л. Раденкович относит к тем именам вил (в Македонии — самовил), в которых можно выяснить мифологическую мотивацию (большинство же из имен вил обычные женские имена) [Раденкович 2013: 60]. В верованиях и фольклоре южных славян и словаков вила (самовила, самодива) — это мифологическое женское существо с преимущественно положительными свойствами: данные образы характеризуются антропологическими

⁸ Укр. *залом, залім, завертка, завивка, завитка, завиття, закрутень, закрутка* — ‘свернутый узлом пучок стеблей стоящего на корню хлеба’. По суевырым представлениям, залом делается со злым умыслом и может вызвать болезнь у сорвавшего такой пучок или съевшего хлеб из зерен такого залама [Гринченко 1908: 14, 16, 17, 55, 59]. О лексике русских говоров, связанной с ритуальными заламываньями во ржи (локальными номинациями данного явления выступают *залом, кукла, венок, плетеночка*) с целью нанесения вреда (вызывание болезни и т. п.), см. в [Иванова 2015].

⁹ В [Трубачев (ред.) 1981: 191] *юда* ‘род злого духа, нечистой силы’ ошибочно определяется через грамматический женский род со ссылкой на работу [Гринченко 1909: 531].

чертами, при этом имеют конские, коровьи, козы ноги с копытами, скрывающиеся под платьем, обитают в горах, в недоступных скалах, пещерах, в озерах и источниках [Толстая 1995].

Этимологические изыскания позволяют возводить слав. **juda* к индоевропейскому этимону — и.-е. **ioudh-* или **iouadh-* (с учетом характера ударения славянских слов) при родственных лит. *jáudytis* ‘резвиться, буйствовать’, латыш. *jaūda* ‘(душевная) сила, разум, замысел’, др.-инд. *yodhá-* ‘воин, боец’ [Трубачев (ред.) 1981: 191]¹⁰. Исследуемое слово соотносят с лит. *jùsti* ‘начинать двигаться’, *judùs* ‘сварливый’, *judimas* ‘ссора, брань’, *judra* ‘вихрь’, что определяет юду как «существо беспокойно суетящееся, вертлявое» [Ильинский 1933: 471]; лексическая единица сопоставляется также с лит. *jauda* ‘обман, обольщение’, латыш. *jaūda* ‘сила, могущество’, также с болг. юда при балт. *jauda*, лит. *jáudinti* ‘возбуждать и поддерживать в ком-нибудь желание, страсти, обольщать’, укр. юдими [Ильинский 1933: 471]. М. Фасмер при рассмотрении наименования мифического существа юдо в сочетаниях *чудо-юдо богатыри*, *чудо-юдо рыба-кит*, а также в названиях морского царя в сказках отмечает: «Маловероятно происхождение юда из имени Иуда Искариот...» [Фасмер 1987: 528]. Сомнения Фасмера в отношении начального ю- объясняется нерегулярностью перехода ю- в у- в нефиксированном наборе слов [Зализняк 2004: 53–54] (см. [Валенцова 2021: 378]). Видимо, мифологический контекст употребления слова юда (Юда) предполагает использование дохристианской или, во всяком случае, нехристианской лексики.

Характерно, что в воронежском заговоре «два товарища» определяются как юда и пыдъюда (подъюда). Иерархичность — это одна из особенностей номинаций нечисти¹¹, что еще раз косвенно выступает доказательством древности, языческого происхождения анализируемого в статье слова. В записанном нами воронежском заговорном тексте юда выступает в образе мужского персонажа: «Шлы два товарища: одын — юда, другой — пыдъюда». Явна связь с украинской народной традицией, где юда — представитель нечистой силы, старший черт. Безусловно, единичная фиксация в заговоре не дает исчерпывающей семантической характеристики указанной номинации в исследуемых говорах. Сомнительна связь с женским персонажем юда. Не видится убедительной и параллель с образом нечистого духа-вихря: в русских говорах в этом значении фиксируется *ветреник* [Левкиевская 1999: 151–152].

¹⁰ О лит., латыш. и др. соответствиях праслав. **juda*, **juditi* см. также: [Валенцова 2021; Дукова 2015 и др.].

¹¹ В частности, Юда (как и Ирод, Анцыпар, Люципер, Старший дедушка — восточнославянское, царот на гáволите — македонское, старешина ђавола — сербское) определяется в рамках восточнославянской традиции как старший черт, который руководит бесами [Березович, Виноградова 2012: 523].

Фрагмент зафиксированного в воронежских говорах текста вписывается в круг известных восточнославянских (белорусских и украинских) заговоров от перелогов и иногда других болезней скота, построенных на основе сюжета «Три (два) персонажа делят между собой найденное; черту достаются перелого» [Агапкина 2022: 261]. Ролевая структура данного сюжета, как отмечает Т. А. Агапкина, четко поляризована: с одной стороны — христианские персонажи, священнослужители, должностные лица, служилые люди, с другой — черт (под разными именами) и другие демонологические персонажи (*черт, чертица, ураг, ворог, дьявол лукавый, черный, лихой, дідько, Юда, Ирод*). Эти персонажи идут по дороге¹²; находят три (два) предмета, которые соответственно делят между собой. Обычно первому (первым) достается что-то полезное, черту (*Юде*) — перелого. Среди таких предметов в заговорах чаще всего встречаются *рукавицы* [Агапкина 2022: 261–263]. В сознании информантки из села Власовка сохранилось лишь начало заговорного текста, на которое наложились известные ей мотивы. Смешение заговорных формул сопряжено и с ситуаций: неподготовленная неофициальная беседа с интервьюером. В тексте встречаются «черт» и «подчерт», фигура черта не является характерной для заговоров восточных славян¹³ [Агапкина 2022: 264].

Одна из функций черта — обольщение, возбуждение страсти. В свете этого кажутся логичным контаминация, наложение мотивов. Народная молитва «*от присух*», или *отсушка, отсуха*, как ее называют в Воронежском регионе, направлена на нейтрализацию «привораживания» мужчин. «Вмешивается, накладывается» в сознании информантки мотив покрывания рук, что вызывает в памяти и заговоры от присух [Филатова 2023: 549]. Непокрытые, «голые» руки так же, как и другие части тела, в славянской культуре считались доступными, открытыми для внешнего воздействия, в частности «присух» [Агапкина, Валенцова 1995]. Интересно, что в заговорах украинцев и белорусов *юда* выступает то в мужском, то в женском образе [Белова 2000: 354–355]. Предполагаем, что архаические элементы мифологических представлений эксплицитировались информанткой неосознанно при контаминации заговорных сюжетов и формул.

¹² Например: Ишов Господь, Петро й Павло (Киевская обл.); Ишов Бог с апостолами по дорози, лишить ураг на дорози; Ишло их три дорогаю: ишов войт, и чорт, и мужик (Могилевская губ.); Ишов пип и дяк, третій чорт (цит. по [Агапкина 2022: 261]).

¹³ Т. А. Агапкина объясняет функционирование черта в заговорах против перелогов (и других болезней скота), в частности, соматической соотнесенностью образов коровы и черта, что строится на основе постоянной рифмы «ноги — роги — перелого». Ср. записанный нами власовский текст: *И оц баба наша читала: на скотыни — роги, отступит, пэрэлогы*. Имеет место и вторичная мифологизация (см. подробнее в [Агапкина 2022: 264–268]).

Выводы

Мифологический образ *юда* имеет более широкое распространение, чем это отмечается в работах исследователей. Об этом говорит зафиксированный на территории современной Воронежской области в одном из украинских говоров текст народного заговора. Нами представлен единственный пример использования лексемы. Следует отметить недостаточную изученность в этом отношении до настоящего времени южнорусских говоров, в частности воронежских. Не велась целенаправленная полевая работа по сбору заговоров, бытующих в регионе, нет комплексных исследований по данной тематике в рамках названного диалектного пространства. И сами заговоры, которые рассматриваются как информация, «закрытая для непосвященных» в магическую сферу, обычно сложно собирать. Все это затрудняет решение вопроса о распространении зафиксированного мифонима.

Можно предположить, что мужской персонаж *юда* в приведенном заговорном контексте имеет архаические основы, коррелируя с другими демонологическими персонажами с аналогичными именованиями в славянском диалектном пространстве, сблизившись при этом во времени с образом Иуды.

Источники

Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская старина». Редактировал, с добавлением собственных материалов, Б. Д. Гринченко. В 4-х т. Т. 2 (З – Н). Киев: Друк. акційного товариства Н. Т. Корчак-Новицького, 1908. 573 с.; Т. 3 (О – П). Киев: Друк. акційного товариства Н. Т. Корчак-Новицького, 1909. 506 с.; Т. 4 (Р – Я). Киев: Друк. акційного товариства Н. Т. Корчак-Новицького, 1909. 563 с.

Зелинский Ф. Ю. О заговорах // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1897. Вып. X. С. 1–58.

Ильинский Г. Юда (Страничка из славянской мифологии) // Сборникъ въ честь на проф. Л. Милетичъ за седемдесетго-дишнината отъ рождението му. София: Издание на Македонския наученъ институтъ, 1933. С. 467–474.

Мансикка В. Представители злого начала в русских заговорах // Живая старина. 1909. Вып. 4. С. 3–30.

Литература

Агапкина Т. А. Белорусские и украинские заговоры от *перелогов*: межжанровые переключки // Studia Litterarum. 2022. Т. 7. № 4. С. 254–275.

- Агапкина Т. А., Валенцова М. М.* Гольй, непокрытый // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. С. 517–518.
- Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу. В 3-х т. Т. 2. Репринт издания 1868 года. М.: Индрик, 1994. 788 с.; Т. 3. Репринт издания 1869 года. М.: Индрик, 1994. 840 с.
- Белова О. В.* Иуда Искариот: от евангельского образа к демонологическому персонажу // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М.: Индрик, 2000. С. 344–360.
- Березович Е. Л., Виноградова Л. Н.* Черт // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М.: Международные отношения, 2012. С. 519–527.
- Валенцова М. М.* Еще раз о демониме *юда* // Балто-славянские исследования – XXI: Сб. науч. трудов. М.: [б. и.], 2021. С. 377–395.
- Виноградова Л. Н.* Антропонимический код в украинской демонимии // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 2. С. 69–84.
- Дукова У.* Наименования демонов в болгарском языке. М.: Индрик, 2015. 248 с.
- Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. Второе издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.
- Иванова А. А.* «На Ивана Купалу колдуньи ходят заламывать хлеба...» // Живая старина. 2015. № 2 (86). С. 42–46.
- Кляус В. Л.* Сюжетика заговорных текстов славян в сравнительном изучении. К постановке проблемы. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. 192 с.
- Левкиевская Е. Е.* Духи атмосферные // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 150–153.
- Левкиевская Е. Е.* Славянский оберег: Семантика и структура. М.: Индрик, 2002. 336 с.
- Николаева Т. Н.* (отв. ред.). Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. М.: Наука, 1993. 240 с.
- Раденкович Л.* Личные имена мифологических существ // *Ethnolinguistica Slavica*. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого. М.: Индрик, 2013. С. 59–72.
- Суперанская А. В.* Словарь русских личных имен. М.: Эксмо, 2003. 544 с.
- Сьянова Е. И.* Народная демонология, верования, поверья (на материале русско-украинских говоров Воронежской области) // Языки. Культуры. Перевод. М.: Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2015. С. 256–268.
- Толстая С. М.* Вила, самовила, самодива // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. С. 369–371.
- Трубачев О. Н.* (ред.). Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 8 (*ха – јьвьга). М.: Наука, 1981. 252 с.

- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. Т. 4 / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987. 864 с.
- Филатова В. Ф. Магический дискурс / Борисоглебский государственный педагогический институт. Воронеж: [б. и.], 2010. 338 с.
- Филатова В. Ф. Об одном малоизвестном мифониме воронежских заговоров // Эпистемологические основания современного образования: актуальные вопросы продвижения фундаментального знания в учебный процесс. Материалы III Международной научно-практической конференции. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2023. С. 547–555.
- Хобзей Н. Гуцульская міфологія: етнолінгвістичний словник. Львів: [б. и.], 2002. 216 с.
- Шестеркина Н. В. Соотношение народной молитвы и заговора // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 18 (704). С. 96–108.
- Юдин А. В. Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре. М.: МОНФ, 1997. 319 с.

References

- Афанасьев А. *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu* [Slavs' poetic views on nature]. In 3 vols. Vol. 2. Reprint of the 1868 edition. Moscow, Indrik Publ., 1994. 788 p.; Vol. 3. Reprint of the 1869 edition. Moscow, Indrik Publ., 1994. 840 p.
- Agapkina T. A. [Belarusian and Ukrainian Charms Against Perelogi: Inter-genre Rollcalls]. *Studia Litterarum*, 2022, vol. 7, no. 4, pp. 254–275. (In Russ.)
- Agapkina T. A., Valentsova M. M. [Naked, uncovered]. *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheski slovar'* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic dictionary]. Vol. 1. Ed. by N. I. Tolstoi. Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 1995, pp. 517–518. (In Russ.)
- Belova O. V. [Judas Iscariot: from the Evangelical Image to a Demonological Character]. *Slavyanskii i balkanskii fol'klor. Narodnaya demonologiya* [Slavic and Balkan folklore. Folk demonology]. Moscow, Indrik Publ., 2000, pp. 344–360. (In Russ.)
- Berezovich E. L., Vinogradova L. N. [Damn]. *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheski slovar'* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic dictionary]. Vol. 5. Ed. by N. I. Tolstoi. Moscow, 2012, Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., pp. 519–527. (In Russ.)
- Dukova U. *Naimenovaniya demonov v bolgarskom yazyke* [Names of demons in the Bulgarian language]. Moscow, Indrik Publ., 2015. 248 p.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. In 4 vols. Vol. 4. Moscow, Progress Publ., 1987. 864 p.
- Filatova V. F. [About one little-known mythonym of Voronezh conspiracies]. *Epistemologicheskie osnovaniya sovremennogo obrazovaniya: aktual'nye voprosy prodvizheniya fundamental'nogo znaniya v uchebnyi protsess. Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Epistemological bases of modern education: topical issues of promoting fundamental knowledge in the educational process. Materials of the III International Scientific and Practical Conference]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2023, pp. 547–555. (In Russ.)

- Filatova V. F. *Magicheskii diskurs* [Magical discourse]. Voronezh, [s. n.], 2010. 338 p.
- Ivanova A. A. ['On Ivan Kupala witches go to break bread...']. *Zhivaia starina*, 2015, issue 2 (86), pp. 42–46. (In Russ.)
- Khobzei N. *Gutsul'skaya mifologiya: etnolingvistichnii slovník* [Hutsul mythology: an ethnolinguistic dictionary]. L'vov, [s. n.], 2002. 216 p.
- Klyaus V. L. *Syuzhetika zagovornykh tekstov slavyan v sravnitel'nom izuchenii. K postanovke problemy* [Plots of Slavic conspiratorial texts in comparative study. To the statement of the problem]. Moscow, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Nasledie Publ., 2000. 192 p.
- Levkievskaya E. E. [Atmospheric perfume]. *Slavyanskíe drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic dictionary]. Vol. 2. Ed. by N. I. Tolstoi. Moscow, 1999, Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., pp. 150–153. (In Russ.)
- Levkievskaya E. E. *Slavyanskii obereg: Semantika i struktura* [Slavic amulet: Semantics and structure]. Moscow, Indrik Publ., 2002. 336 p.
- Nikolaeva T. N. (resp. ed.). *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoi dukhovnoi kul'tury. Zagovor* [Studies in the field of Balto-Slavic spiritual culture. Conspiracy]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 240 p.
- Radenkovich L. [Personal names of mythological creatures]. *Ethnolinguistica Slavica. K 90-letiyu akademika Nikity Il'icha Tolstogo* [Ethnolinguistica Slavica. To the 90th anniversary of Academician Nikita Ilyich Tolstoy]. Moscow, Indrik Publ., 2013, pp. 59–72. (In Russ.)
- Shesterkina N. V. [Correlation of folk prayer and conspiracy]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2014, issue 18 (704), pp. 96–108. (In Russ.)
- Superanskaya A. V. *Slovar' russkikh lichnykh imen* [Dictionary of Russian personal names]. Moscow, Eksmo Publ., 2003. 544 p.
- S'yanova E. I. [Folk Demonology, Beliefs, Beliefs (on the material of Russian-Ukrainian colloquialisms of Voronezh region)]. *Yazyki. Kul'tury. Perevod* [Languages. Cultures. Translation]. Moscow, Higher School of Translation (Faculty), Lomonosov Moscow State University Publ., 2015, pp. 256–268. (In Russ.)
- Tolstaya S. M. [Vila, samovila, samodiva]. *Slavyanskíe drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic dictionary]. Vol. 1. Ed. by N. I. Tolstoi. Moscow, 1995, Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., pp. 369–371. (In Russ.)
- Trubachev O. N. (ed.). *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksicheskii fond* [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic lexical fund]. Vol. 8. Moscow, Nauka Publ., 1981. 252 p.
- Valentsova M. M. [One more time about the yuda demon]. *Balto-slavyanskíe issledovaniya – XXI* [Balto-Slavic Studies – XXI]. Moscow, [s. n.], 2021, pp. 377–395. (In Russ.)
- Vinogradova L. N. [Anthroponymic Code in Ukrainian Demonymy]. *Voprosy onomastiki*, 2019, vol. 16, no. 2, pp. 69–84. (In Russ.)
- Yudin A. V. *Onomastikon russkikh zagovorov. Imena sobstvennye v russkom magicheskome fol'klore* [Onomasticon of Russian conspiracies. Proper names in Russian magical folklore]. Moscow, MONF Publ., 1997. 319 p.
- Zaliznyak A. A. *Drevnevgorodskii dialekt* [Drevnevgorodian dialect]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Khul'tury, 2004. 872 p.

Терминологический бум в языке СМИ начала XXI в.¹

Татьяна Дмитриевна Четверикова, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), tchetverikova@mail.ru

DOI: 10.7868/S3034592826030059

аннотация: В статье рассматривается новая терминологическая лексика как одна из ярких особенностей языка российских СМИ начала XXI в. Отмечается, что язык современных российских средств массовой информации переживает настоящий терминологический бум, т. е. быстрое, стихийное появление новой терминологической лексики, еще не успевшей войти в какую-либо терминосистему, а также не успевшей составить новую формирующуюся и еще не упорядоченную терминосистему. Выделяются и рассматриваются основные языковые тенденции, характерные для терминологического бума. Во-первых, активное заимствование англоязычных терминов, которое, заполняя языковые лакуны (*гироскутер, абьюз*), одновременно порождает семантическую избыточность (*дополнительные бонусы, внутренний инсайдер*) и создает барьеры для понимания (*лайнп, саундчек*). Во-вторых, выход узкоспециальных терминов (*вирулентность, сатурация*) за пределы своей терминосистемы и свободное функционирование их вне рамок специального текста. В-третьих, активное терминотворчество, результатом которого становятся как новые термины (*онлайн-платформа, медиахолдинг*), так и экспрессивные терминоподобные единицы (*инфоцыгане, фотожаба*). Обращается внимание на то, что одна из приметных черт современного газетного текста — насыщенность, а порой

¹ Краткие тезисы данной статьи были представлены автором в виде доклада на Международном научно-практическом форуме «Язык. Культура. Перевод: от живой речи до цифровых моделей», состоявшемся 20 февраля 2025 г. в Одинцовском филиале МГИМО МИД России (<https://mgimo.ru/about/news/departments/forum-language-culture-translation-02-25/>).

и перегруженность сложными (двух- и более компонентными) терминологическими (и терминоподобными) единицами. Подчеркивается, что такое явление, как терминологический бум, чаще всего наблюдается в переломный период, когда происходят научные открытия, меняется в целом научная парадигма, особенно в XXI в., когда общество переходит в цифровую эпоху.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: терминологическая лексика, узкоспециальный термин, заимствованная лексика, язык СМИ

для цитирования: Четверикова Т. Д. Терминологический бум в языке СМИ начала XXI в. // Русская речь. 2026. № 3. С. 58–70. DOI: 10.7868/S3034592826030059.

Issues of Modern Russian Language

Terminological Boom in the Media Language at the Beginning of the 21st Century

Tatyana D. Chetverikova, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), tchetverikova@mail.ru

АБСТРАКТ: The article deals with the new terminological vocabulary as one of the striking features of the language of the Russian media at the beginning of the 21st century. It is noted that the language of modern Russian mass media is experiencing a real terminological boom, that is, the rapid, spontaneous emergence of a new terminological vocabulary that has not yet managed to infiltrate any terminological system, nor to constitute a new emerging and not yet ordered terminological system. The main linguistic trends characteristic of the terminological boom are highlighted and considered. First, the active borrowing of English-language terms, which, while filling lexical gaps (*gyroscooter*, *abuse*), simultaneously creates semantic redundancy (*extra bonuses*, *internal insider*) and creates barriers to comprehension (*lineup*, *sound check*). Second, the migration of highly specialized terms (*virulence*,

saturation) beyond scientific discourse and their free functioning outside the framework of specialized texts. Third, active term formation, which results in both new terms (*online platform, media holding*) and expressive term-like units (*info-Gypsies, photozhaba*). It is emphasized that one of the noticeable features of the modern newspaper text is saturation, and sometimes overload with complex (two- and more-component) terminological (and term-like) units. This phenomenon, which is called a terminological boom, is most often observed during a critical period when scientific discoveries occur and the scientific paradigm as a whole is changing, especially in the 21st century, when society is moving into the digital age.

KEYWORDS: terminological vocabulary, highly specialized term, borrowed vocabulary, media language

FOR CITATION: Chetverikova T. D. Terminological Boom in the Media Language at the Beginning of the 21st Century. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2026. No. 3. Pp. 58–70. DOI: 10.7868/S3034592826030059.

Новая терминологическая лексика — одна из ярких особенностей языка российских СМИ начала XXI в. Рост этой лексики, как утверждают многие ученые, только увеличивается [Солганик 2001; Лейчик 2012; Шелов, Лейчик 2012; Гринев-Гриневиц, Сорокина 2018 и др.]. И это не удивительно. Переход общества в цифровую эпоху сопровождается изменениями во всех сферах жизни, что приводит к появлению новых областей знания, сфер деятельности, направлений и связанных с ними новых понятий, которые требуют номинации. Так, быстрое, стихийное возникновение новой терминологической лексики, еще не успевшей войти в какую-либо имеющуюся терминосистему или составить новую терминосистему, порождает явление, названное терминологическим бумом, см. подробнее [Рычкова 2008]. Попытаемся определить и описать основные тенденции, характерные для этого явления в языке современных СМИ.

Ввиду того что для новых научных областей и сфер деятельности терминология только формируется, трудно спрогнозировать, войдет ли та или иная лексема в какую-либо терминосистему в качестве термина или нет, грань между термином и нетермином довольно размыта. В связи с этим мы разделяем позицию С. Д. Шелова о том, что «традиционную понятийную дихотомию “термин — нетермин” естественно изменить и трансформировать в более гибкое и относительное понятие терминологичности» [Шелов 2003: 12]. По С. Н. Виноградову, терминологичность —

«способность слова или словосочетания восприниматься в качестве термина» [Виноградов 2014: 24]. Так, исходя из сказанного, в нашей работе под *термином* подразумевается лексическая единица, обладающая терминологичностью. (Слова *термин* и *терминологическая единица* далее в статье будут употребляться как синонимы.)

Наше исследование опиралось на большую выборку терминологической лексики из современной прессы, систематизированной по разным критериям и представленной в ряде научных работ [Воеводина 2011; Захарова-Саровская 2016; Славкин 2016; Гуляева, Денисенко, Никитина 2021; Громенко 2021, Громенко 2023, Громенко 2024; Куликова 2024; Маринова 2023, Маринова 2024; Меркулова 2024]. Чтобы не повторяться в примерах, в статье мы постараемся приводить новые терминологические единицы, выборочно отобранные нами из газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) за период с 2000 по 2024 г.

1. Не вызывает сомнения, что один из активных источников пополнения газетного текста новой терминологической лексикой — англоязычные заимствования. Средства массовой информации всегда были трансляторами заимствованных терминов и проводниками этой лексики в общелитературный язык. Безусловно, заимствования закономерны — новое явление, возникающее в западноевропейском мире, быстро распространяется и неизбежно достигает нашего общества, а вместе с ним приходит и его название. Так в русский язык попали слова *трансгендеры*, *чайлдфри* и недавно появившееся в газетных публикациях слово *квадробер*. Несмотря на то что эти слова уже вполне адаптировались в русском языке, нельзя утверждать, что в будущем они закрепятся в лексиконе специалистов и станут полноценными членами какой-либо терминосистемы. Такие слова, которые дают всплеск употребления в текстах СМИ, а потом исчезают, некоторые ученые называют словами с «мерцающей частотой» [Громенко 2023: 33] или лексическими единицами, обозначающими ту или иную «текущую кризисную ситуацию» [Иконникова 2024: 46].

1.1. С одной стороны, заимствованные термины замещают языковые лакуны, позволяя дать однословное, точное и четкое название новому предмету, например техническому изобретению (*гироскутер*, *дрон*, *сегвей* и др.). Заимствованный термин может послужить названием и уже существующему в России явлению, еще не имеющему терминологического обозначения. В связи с этим уместно привести примеры использования зарубежных юридических терминов, которые пока не включены в российское законодательство, из газетных статей:

*Есть еще **неглект** (от английского neglect — пренебрежение), **газлайт** — манипулятивное поведение, которое должно уверить человека в нереальности происходящего, и **селфхарм** — стремление причинить*

себе вред. Еще один популярный термин — **виктимблейминг**: обвинение самой жертвы в случившейся личной драме [Дмитрий Саркисов. Одеяло угнетало, обижала простыня // lenta.ru, 09.04.2016]; **Харассмент, абьюз или домогательства**. Как не запутаться в новых отношениях полов. Депутат Госдумы Оксана Пушкина впишет понятие **харассмента** в российское законодательство [Харассмент, абьюз или домогательства // Известия, 03.03.2018].

Как известно, однословные термины имеют преимущество перед описательными, поэтому, по справедливому замечанию Л. П. Крысина, «если иноязычное слово, в том числе и специальный термин, заменяет исконный описательный оборот, то у него есть шансы закрепиться в языке» [Крысин 2014: 53]. Возможно, некоторые из перечисленных юридических терминов действительно войдут не только в российское законодательство, но и в словарный состав русского языка.

1.2. С другой стороны, нельзя не отметить тот факт, что увлечение новыми терминологическими лексемами приводит к семантической избыточности². Приведем примеры столкновения одинаковых по значению лексем (иными словами, плеоназма):

*Но **буллинг, травля** по отношению к педагогам гораздо реже становится предметом изучения [Параллели. Учитель как жертва, кибербуллинг, тролли, ненависть, хейтеры, травля, что делать // Новая газета, 16.11.2018]. Буллинг — это и есть травля, только первое — это заимствованный термин, а второе — общеязыковое слово. В коллекцию вошли футболки, майки, боди, комбинезоны, шорты, легинсы, **свитишоты, толстовки, ветровки, слипоны, обувь для бокса, бега и зала** [Elisabetta Franchi оденет женщин в спортивные боди // lenta.ru, 26.06.2017] и др. Слова **свитишот** и **толстовка** имеют одно и то же значение.*

Можно предположить, что авторы текстов сами неточно понимают смысл неологизмов, потому ставят рядом русский аналог.

*По словам специалиста, **внутреннему инсайдеру** не обязательно обладать всей полнотой информации [Эксперт: взломщикам банковских систем обычно помогают сообщники-инсайдеры // Парламентская газета, 2017.03.20]. **Инсайдер** — ‘лицо, имеющее доступ к внутренней информации’; **Клиенты стараются воспользоваться спецпредложениями, чтобы получить дополнительные бонусы** [Александр Зюзяев. В июле будут выгодными вклады в рублях // Комсомольская правда, 10.07.2007]. **Бонус** — это и так ‘**дополнительное вознаграждение**’ и др. Думается, что в данном случае такую семантическую избыточность порождает неуверенность*

² Подр. об избыточности в языке см. в работе [Воейкова (ред.) 2010].

пишущего в том, что читатель правильно поймет заимствованный термин, поэтому последний дополняется избыточными распространителями.

Для последних двух десятилетий характерен еще один вид плеоназма, который наблюдается в терминах, сочетающих в себе аббревиатуры: одно из слов, уже содержащееся внутри аббревиатуры, добавляется для понятности, например *IT-технологии* (IT — Information Technology — ‘информационные технологии’), *SMS-сообщение* (SMS — Short Message Service — ‘служба коротких сообщений’ и т. п.). На начальном этапе, когда новые иноязычные аббревиатуры еще неясны, добавление родового русскоязычного слова компенсирует смысловую неясность. Позже такие плеонастические сочетания становятся клише.

1.3. Отметим другую крайность — вместо понятного описания использование коротких новомодных, но пока не вошедших в активный словарь носителей русского языка терминологических единиц⁵.

Например, *Билеты на фестиваль можно приобрести здесь, а посмотреть полный лайнап и расписание выступлений — здесь* [Олег Соболев. «Мне не постичь истину» // lenta.ru, 09.08.2019]. *Лайнап* — ‘Заявленный для участия в концерте состав исполнителей или групп’ [Шагалова 2017: 226]; *Левица Светлана Сурганова провела саундчек перед выступлением на празднике выпускников «Алые паруса»* [Сурганова провела саундчек перед выступлением на «Алых парусах» // Известия, 27.06.2020]. *Саундчек* — ‘Проверка работы и настройка звукового оборудования перед концертом, выступлением’ [Шагалова 2017: 353] и др.

Надо сказать, что у читателей, владеющих английским языком на высоком уровне, понимание данных неологизмов не вызывает трудностей, однако большинство носителей русского языка могут испытывать сложности в понимании их смысла (см. подр. [Гуляева, Денисенко, Никитина 2021: 150]).

2. В современных газетных публикациях узкоспециальные термины, которые ранее были известны только специалистам той или иной области знания, все чаще можно встретить в рубриках, не посвященных научным открытиям или техническим достижениям. Например, в период пандемии узкоспециальные медицинские термины вышли за рамки своей терминосистемы и благодаря СМИ пополнили активный словарный запас неспециалистов (речь идет о таких словах, как *антиген*, *вирулентность*,

⁵ В работе [Гуляева, Денисенко, Никитина 2021: 150] можно ознакомиться с результатами эксперимента, целью которого было «определить, носители русского языка какого возраста лучше других ориентируются в потоке англицизмов, употребляемых в современных СМИ, а следовательно, точнее интерпретируют новостные сообщения, содержащие заимствования» (напр., *билль*, *брэжзит*, *бэкстоп*, *шатдаун*).

контагиозность, коронавирус⁴, пульсоксиметр, сатурация и др.). Принято считать, что термин, употребляемый вне сферы научного дискурса, подвергается детерминологизации (т. е. переходу в разряд общеязыковых слов, сопровождающемуся семантическими и прагматическими изменениями), но так происходит не всегда. Некоторые узкоспециальные термины в целом употребляются в том же значении, что и в научном дискурсе⁵, что превращает газетный текст в полунаучный. Е. С. Громенко справедливо говорит «об уподоблении публицистического стиля научному стилю, о тяготении языка СМИ в XXI в. к терминологическому наименованию явлений» [Громенко 2024: 32].

3. Активный процесс терминотворчества в языке СМИ приводит к созданию как новых терминологических номинаций, так и новых терминоподобных единиц. В данном случае основанием для отнесения той или иной единицы к терминологической лексике для нас будет наличие в составе термина специфических для такой лексики элементов, а именно терминоподобных элементов (понятие ввел Д. С. Лотте). Нам близко понимание терминоподобного элемента В. П. Даниленко, которая писала, что терминоподобным элементом она считает «широкое понятие, включающее в себя на равных основаниях производящую основу, словообразующую морфему, слово в составе терминологического словосочетания, символы, цифры, графические знаки, включаемые в особый тип символов-слов (γ -частица, β -распад, V-образный)» [Даниленко 1977: 107]. Как отмечает Е. В. Маринова, «для отнесения единицы к ТЭ (терминоподобному элементу. — Т. Ч.) важен фактор ее воспроизводимости, регулярности использования для создания новых терминологических номинаций» [Маринова 2024: 61].

3.1. Сразу оговоримся, что мы не ставили перед собой задачу проанализировать и систематизировать все виды терминоподобных элементов, характерных для современного терминотворчества, тем более что в ряде научных работ эта тема рассмотрена довольно подробно. Например, М. В. Захарова-Саровская, рассматривая сложные неологические термины в прессе, распределяет их по сферам функционирования и делает выводы о продуктивных типах словосложения: «Среди терминов-новообразований особо

⁴ Термин *коронавирус* в общелитературном языке воспринимается как новый только потому, что ранее он был известен лишь медикам. В целом *коронавирусы* впервые были открыты в 1960-х гг. и получили такое название из-за ворсинок на оболочке вируса, которые по форме напоминают солнечную корону во время затмения.

⁵ Об этом см. подробнее в работе [Куликова 2024], где рассматриваются когнитивные термины (*гештальт*, *концепт*, *картина мира*, *фрейм* и др.), функционирующие в текстах современных СМИ. От себя заметим, что термин *гештальт* в языке СМИ воспринимается как новый (неологизм), потому что он вышел за рамки специального текста. Однако специалистам он известен давно, так же как и *гештальт-терапия*, и *гештальт-метод*, который был разработан психотерапевтом доктором Фрицем Перлзом еще в середине XX в.

С помощью этого термиоэлемента создаются неологизмы с общим значением 'отрицательное отношение к кому- или чему-либо с проявлением нетерпимости к какому-либо явлению', а конкретизация значения содержится в начальном компоненте. Приведем целую серию «политических фобий», в основе которых лежит топоним: *кавказофобия*, *китаефобия*, *украинофобия* и др. К серии «политических фобий» можем отнести и такие, как *исламофобия*, *нефтефобия*, *терактофобия* и др. Отдельно выделим окказиональную единицу, встретившуюся только в одной публикации: *Впрочем, навстречу волне обожания поднялась «откатная» волна «ди-каприофобии»* [Как убить Леонардо Ди Каприо? // Аргументы и факты, 2001.03.26]. Судя по многочисленным примерам, можно предположить, что подобные лексические единицы будут только множиться, отражая состояние всевозможных страхов и неприязней в обществе. Что касается удобства такой словообразовательной модели, то, по-видимому, здесь сыграл важную роль фактор, который А. В. Суперанская, Н. В. Подольская и Н. В. Васильева называют «рядностью» терминов [Суперанская, Подольская, Васильева 2012: 81], что означает их единообразие в терминологической парадигме (ср. с уже существующими терминами социологии — *руссофобия* — 'боязнь и неприятие всего русского', а также терминами психологии — *арахнофобия* — 'боязнь пауков' и др.). Такое «фоновое, стилистическое наполнение медиапространства специальной лексикой без ее дальнейшего усвоения узусом» Е. С. Громенко назвала «терминологическим шумом» [Громенко 2024: 34].

В целом язык современных СМИ ярко отражает общую языковую тенденцию, заключающуюся в перемещении термина с периферийной сферы языка в центр системы [Земская 2001]. Новая терминологическая лексика становится одной из наиболее характерных особенностей языка современных средств массовой информации. Можно сказать, что язык современных российских СМИ переживает настоящий терминологический бум, сопровождающийся быстрым стихийным введением новой терминологической лексики в газетный текст, рассчитанный на широкую аудиторию. Иными словами, язык СМИ характеризуется, на наш взгляд, следующими языковыми особенностями: 1) многочисленными заимствованиями терминологической лексики, в основном англоязычной; 2) использованием узкоспециальных терминов, вышедших за пределы своей терминосистемы и свободно функционирующих вне рамок специального текста; 3) результатами терминотворчества. Терминологический бум чаще всего наблюдается в переломный период, когда происходят научные открытия, меняется в целом научная парадигма. Это свойственно и нашему времени, когда общество переходит в цифровую эпоху.

Литература

- Виноградов С. Н.* К вопросу о точности оценки терминологичности // Терминология и знание. Вып. IV. Материалы IV Международного симпозиума (Москва, 6–8 июня 2014 г.) / Отв. ред. С. Д. Шелов. М.: Вест-Консалтинг, 2014. С. 24–32.
- Воеводина Г. А.* Язык современных СМИ: Новые слова: учеб. пособие. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2011. 63 с.
- Воейкова М. Д.* (отв. ред.). Избыточность в грамматическом строе языка. СПб.: Наука, 2010. 462 с.
- Гринев-Гриневиц С. В., Сорокина Э. А.* Перспективные направления развития терминологических исследований // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 5. С. 18–28.
- Громенко Е. С.* К проблеме дискурсивной миграции терминов в русском языке XXI века (на материале периодической печати) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2021. № 5 (104). С. 72–82.
- Громенко Е. С.* О явлении «терминологического шума» в языке современных массмедиа // Русская речь. 2023. № 6. С. 24–37.
- Громенко Е. С.* QR-код: от термина к разговорному слову // Русский язык в школе. 2024. Т. 85. № 1. С. 89–99.
- Гуляева Е. В., Денисенко М. В., Никитина И. С.* Употребление заимствований в современных СМИ: коммуникативные риски // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2021. Т. 20. № 1. С. 146–157.
- Даниленко В. П.* Русская терминология: опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 246 с.
- Захарова-Саровская М. В.* Функционально-стилистические особенности композитов-сложных слов (на материале прессы начала XXI века) // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2016. Т. 6. № 2. С. 86–91.
- Земская Е. А.* Активные процессы в русском языке последнего десятилетия XX века // 14 января 2001 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://gramota.ru/journal/stati/nauka/aktivnye-protsessy-v-russkom-yazyke-poslednego-desyatiletiya-khkh-veka> (дата обращения: 23.03.2025).
- Иконникова В. А.* Особенности составления глоссариев формирующихся терминологий // Слово и термин. Вып. II. Отв. ред. С. Д. Шелов. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2024. С. 45–52.
- Крысин Л. П.* «Свое» и «чужое» в терминологических системах (тезисы доклада) // Терминология и знание. Вып. IV. Материалы IV Международного симпозиума (Москва, 6–8 июня 2014 г.) / Отв. ред. С. Д. Шелов. М.: Вест-Консалтинг, 2014. С. 52–55.
- Куликова В. А.* Медиатизация когнитивных терминов: корпусное исследование // Медиалингвистика. 2024. № 11 (2). С. 162–180. [Электронный ресурс]. URL: <https://medialing.ru/mediatizaciya-kognitivnyh-terminov-korpusnoe-issledovanie> (дата обращения: 23.03.2025).

- Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Изд. 5-е, испр. и доп. М.: Книжный дом «Либроком», 2012. 264 с.
- Маринова Е. В. Тенденция к аналитизму в терминообразовании XXI в. (на материале терминов лингвистики) // Терминология и знание. Материалы VI Международного симпозиума (Москва, 8–10 июня 2018 г.) / Отв. ред. С. Д. Шелов, Е. Цисун. М., 2018. С. 168–178.
- Маринова Е. В. Терминотворчество в русскоязычном дискурсе о «цифре» // *Terra Linguistica*. 2023. Т. 14. № 3. С. 61–79.
- Маринова Е. В. Терминоэлементы в процессах номинации и в словаре (на материале терминологии цифрового общества) // Слово и термин. Вып. II. Отв. ред. С. Д. Шелов. М.: Вест-Консалтинг, 2024. С. 60–66.
- Меркулова И. А. Какие они, слова нашего времени? // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2024. № 3 (54). С. 48–58.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 23.03.2025).
- Рычкова Л. В. Терминология в обществе знания // Вторые чтения, посвященные памяти профессора В. А. Карпова, Минск, 28 марта 2008 г.: сб. материалов. Минск: Изд. центр БГУ, 2008. С. 8–13.
- Солганик Г. Я. Стилистика текста: учеб. пособие. М.: Флинта, Наука, 2001. 256 с.
- Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология. Вопросы теории / Отв. ред. Т. Л. Канделаки. Изд. 6-е. М.: Книжный дом «Либриком», 2012. 248 с.
- Шагалова Е. Н. Словарь новейших иностранных слов. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2017. 576 с.
- Шелов С. Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения. СПб.: Филологический фак-т СПбГУ, 2003. 280 с.
- Шелов С. Д., Лейчик В. М. Терминология и профессиональная лексика: состав и функции: Учеб. пособие. СПб.: СПбГУ, РИО. Филологический фак-т, 2012. 96 с.

References

- Danilenko V. P. *Russkaya terminologiya: opyt lingvisticheskogo opisaniya* [Russian terminology: the experience of linguistic description]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 246 p.
- Grinev-Grinevich S. V., Sorokina E. A. [Promising areas of terminological research development]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*, 2018, no. 5, pp. 18–28. (In Russ.)
- Gromenko E. S. [On the problem of discursive migration of terms in the Russian language of the 21st century (based on the material of the periodical press)]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, no. 5 (104), pp. 72–82. (In Russ.)
- Gromenko E. S. [On the phenomenon of “terminological noise” in the language of modern mass media]. *Russkaya rech*, 2023, no. 6, pp. 24–37. (In Russ.)
- Gromenko E. S. [QR code: from a term to a spoken word]. *Russkii yazyk v shkole*, 2024, vol. 85, no. 1, pp. 89–99. (In Russ.)

- Gulyaeva E. V., Denisenko M. V., Nikitina I. S. [The use of borrowings in modern media: communicative risks]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 146–157. (In Russ.)
- Ikonnikova V. A. [Features of compiling glossaries of emerging terminologies]. *Slovo i termin*. Issue 2nd. Ed. by S. D. Shelov. Moscow, Vest-Konsalting Publ., 2024, pp. 45–52. (In Russ.)
- Krysin L. P. [“One’s own” and “someone else’s” in terminological systems (theses of the report)]. *Terminologiya i znanie. Tom 4. Materialy 4 Mezhdunarodnogo simpoziuma* [Terminology and knowledge. Issue IV. Proceedings of the IV International Symposium]. (Moscow, June 6–8, 2014). Ed. by S. D. Shelov. Moscow, Vest-Konsalting Publ., 2014, pp. 52–55. (In Russ.)
- Kulikova V. A. [Mediatization of cognitive terms: a corpus study]. *Medialingvistika*, 2024, no. 11 (2), pp. 162–180. (In Russ.) Available at <https://medialing.ru/mediatizaciya-kognitivnyh-terminov-korpusnoe-issledovanie> (accessed 23.03.2025).
- Leichik V. M. *Terminovedenie: Predmet, metody, struktura* [Terminology: Subject, methods, structure]. Moscow, Libricon Book House Publ., 2012. 264 p.
- Marinova E. V. [The trend towards analyticism in the terminology of the 21st century. (based on the terms of linguistics)]. *Terminologiya i znanie. Tom 6. Materialy 6 Mezhdunarodnogo simpoziuma* [Terminology and knowledge. Issue VI. Proceedings of the VI International Symposium]. (Moscow, June 8–10 2018). Ed. by S. D. Shelov, E. Tsisun. Moscow, Vest-Konsalting Publ., 2018, pp. 168–178. (In Russ.)
- Marinova E. V. [Terminology in the Russian-language discourse on “digital”]. *Terra Linguistica*, 2023, vol. 14, no. 3, pp. 61–79. (In Russ.)
- Marinova E. V. [Terminological elements in nomination processes and in the dictionary (based on the terminology of the digital society)]. *Slovo i termin* [Word and term]. Issue 2nd. Ed. by S. D. Shelov. Moscow, Vest-Konsalting Publ., 2024, pp. 60–66. (In Russ.)
- Merkulova I. A. [What are the words of our time?]. *Aktual'nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki*, 2024, no. 3 (54), pp. 48–58. (In Russ.)
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru/> (accessed 23.03.2025).
- Rychkova L. V. [Terminology in the knowledge society]. *Vtorye chteniya, posvyashchennye pamyati professora V. A. Karpova, Minsk, 28 marta 2008 g.: sb. materialov* [Second readings dedicated to the memory of Professor V. A. Karpov, Minsk, March 28, 2008: collection of materials]. Minsk, Publishing House of the BSU Center, 2008, pp. 8–13. (In Russ.)
- Shagalova E. N. *Slovar' noveishikh inostrannykh slov* [Dictionary of the latest foreign words]. Moscow, AST-PRESS BOOK Publ., 2017. 576 p.
- Shelov S. D. *Termin, Terminologichnost'. Terminologicheskie opredeleniya*. [The Term, Terminology. Terminological definitions]. St. Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg State University Publ., 2003. 280 p.
- Shelov S. D., Leichik V. M. *Terminologiya i professional'naya leksika: sostav i funktsii* [Terminology and professional vocabulary: composition and functions]. St. Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg State University Publ., 2012. 96 p.

- Solganik G. Ya. *Stilistika teksta: ucheb. posobie* [Stylistics of the text: textbook]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2001. 256 p.
- Superanskaya A. V., Podol'skaya N. V., Vasil'eva N. V. *Obshchaya terminologiya. Voprosy teorii* [General terminology. Questions of theory]. Ed. by T. L. Kandelaki. Moscow, Libricon Book House Publ., 2012. 248 p.
- Vinogradov S. N. [On the issue of the accuracy of terminology assessment]. *Terminologiya i znanie. Tom 4. Materialy 4 Mezhdunarodnogo simpoziuma* [Terminology and knowledge. Issue IV. Proceedings of the IV International Symposium]. (Moscow, June 6–8, 2014). Ed. by S. D. Shelov. Moscow, Vest-Konsalting Publ., 2014, pp. 24–32. (In Russ.)
- Voeikova M. D. (resp. ed.). *Izbytochnost' v grammaticheskom stroe yazyka* [Redundancy in the grammatical structure of language]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010. 462 p.
- Voevodina G. A. *Yazyk sovremennykh SMI: Novye slova* [The language of modern mass media: New words]. Yelets, I. A. Bunin YSU Publ., 2011. 63 p.
- Zakharova-Sarovskaya M. V. [Functional and stylistic features of composites-compound words (based on the material of the press of the beginning of the 21st century)]. *Inter-ekspo Geo-Sibir'*, 2016, vol. 6, no. 2, pp. 86–91. (In Russ.)
- Zemskaya E. A. [Active processes in the Russian language of the last decade of the 20th century]. 14.01.2001. Available at: <https://gramota.ru/journal/stati/nauka/aktivnye-protsessy-v-russkom-yazke-poslednego-desyatiletia-khkh-veka> (accessed 23.03.2025).

Из истории русского языка

Откуда берут начало молочные реки и кисельные берега?

Любовь Леонидовна Крючкова, Благовещенский государственный педагогический университет (Россия, Благовещенск), llkr@mail.ru

DOI: 10.7868/S3034592826030062

АННОТАЦИЯ: В статье описываются истоки фразеологизма *молочные реки* [и] *кисельные берега* <с *кисельными берегами*> ‘о сытой, привольной жизни’, этимология которого объясняется сюжетом русских народных волшебных сказок, рассказывающих о реках из молока, пива или сыты с берегами из киселя, или сюжетом из Библии. Но в них выражение употребляется в виде готовых формул, по всей видимости уже сложившихся в фольклоре. Фразеологизм имеет два ключевых слова: *молочные* (реки) и *кисельные* (берега). Слово *молочные* может быть связано с обрядами, направленными на прибавление молока. В магических действиях использовалась символика текущей воды, которая ассоциировалась с молоком. Хотя кисель был обрядовым блюдом, историю слова изначально можно объяснить природным ландшафтом: многие реки текут по заболоченной местности, поэтому вязкая почва ассоциировалась с киселем. В русских волшебных сказках произошло переосмысление образа: если реки молочные, то берега кисельные, то есть кисель стал восприниматься как кушанье, а выражение *молочные реки* [и] *кисельные берега* <с *кисельными берегами*> стало обозначать сытую, благополучную жизнь.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: фразеологизм, диалектный словарь, этнолингвистический словарь, этимологический словарь, обычай, обряд, молочные (реки) и кисельные (берега)

для цитирования: Крючкова Л. Л. Откуда берут начало молочные реки и кисельные берега? // Русская речь. 2026. № 3 С. 71–78. DOI: 10.7868/S3034592826030062.

From the History of the Russian Language

Where Did Milk Rivers and Kissel Banks Come From?

Lyubov L. Kryuchkova, Blagoveshchensk State Pedagogical University (Blagoveshchensk, Russia),
llkr@mail.ru

ABSTRACT: The article examines the origins of the phraseological unit “milk rivers [and] kissel banks” (<with kissel> banks) meaning ‘a well-fed, free life’. Its etymology has traditionally been explained by plots of Russian folk fairy tales depicting rivers of milk, beer and banks of kissel, or by a Biblical motif. However, in these sources the expression is used as a ready-made formula, apparently already established in folklore. The phraseological unit contains two key words: milk (rivers) and kissel (banks). The word “milk” may be associated with rituals aimed at increasing milk yield. In magical rites the symbolism of flowing water was employed and associated with milk. Although kissel was a ritual dish, the origin of the word may initially be explained by features of the natural landscape: many rivers flow through marshy areas, and the viscous soil was therefore associated with kissel. In Russian fairy tales, the image was reinterpreted: if the rivers are milky, then the banks are kissel, that is, kissel came to be perceived primarily as a dish, and the expression “rivers of milk and kissel banks” started to denote a well-fed, prosperous life.

KEYWORDS: phraseological unit, dialect dictionary, ethnolinguistic dictionary, etymological dictionary, custom, ritual, milk (rivers) and kiselny (shores)

FOR CITATION: Kryuchkova L. L. Where Did Milk Rivers and Kissel Banks Come From? Russian Speech = Russkaya Rech'. 2026. No. 3. Pp. 71–78. DOI: 10.7868/S3034592826030062.

В одном из вариантов русской народной сказки «Три царства — медное, серебряное и золотое» есть такие строки: «В то давнее время, когда мир Божий наполнен был лешими, ведьмами да русалками, когда реки текли молочные, берега были кисельные, а по полям летали жареные куропатки, в то время жил-был царь по имени Горох с царицею Анастасьей Прекрасною» [Афанасьев 2019: 142]. Действительно, именно в русских народных сказках сохранился образ молочных рек и кисельных берегов. Самая известная из них — «Гуси-лебеди»: «Стоит молочная речка, кисельные берега. “Молочная речка, кисельные берега, куда гуси полетели?” — “Съешь моего простого киселика с молоком, скажу”» [Афанасьев 2009: 120]. В. П. Аникиным приведена шутка, заимствованная из докучных сказок:

Как в нашей-то Москве
Берега кисельные,
Реки текут хмельные,
На деревьях растут пряники,
А на кустах-то — пироги
Да поклеванники [Аникин 2004: 638].

Многочисленные примеры употребления фразеологизма в фольклоре, художественной литературе, публицистике собраны в книге В. М. Мокиенко «Образы русской речи. Историко-этимологические очерки фразеологии» [Мокиенко 1999: 322–323].

Фразеологизм *молочные реки и кисельные берега* в значении ‘о сытой, привольной жизни’ [Евгеньева (ред.) 1999: 294], имеет варианты употребления: *молочные реки [и] кисельные берега, молочные реки с кисельными берегами*. Во фразеологических словарях оно объясняется как ‘сказочно привольная, полностью обеспеченная жизнь’ [Федоров 1997: 194]; 1) ‘сказочное изобилие, сытая и привольная жизнь, символ достатка и благополучия’ и 2) ‘символ необычного, невероятного’ [Бирих, Мокиенко, Степанова 2007: 594]; ‘неисчерпаемое, почти сказочное изобилие всего желаемого, требуемого. Часто подразумевается идеал, о котором можно только мечтать, но невозможно достичь его в действительности. Имеется в виду ситуация, характеризующаяся говорящим как сытая, обеспеченная, беззаботная, привольная жизнь. Часто говорится с иронией’ [Телия (отв. ред.) 2009: 385].

Первоисточником фразеологизма *молочные реки [и] кисельные берега*, считаются сказки («из русских народных сказок, рассказывающих о реках из молока, пива или сыты с берегами из киселя»), хотя обращается внимание на то, что «сам сюжет о молочных или медовых реках интернационален,

он бытовал в устных традициях разных народов» [Бирих, Мокиенко, Степанова 2007: 594]. В. М. Мокиенко вопрос о национальном и интернациональном объяснял тем, что «сам фольклорный образ молочной, медовой, нектарной и т. п. реки универсален — это символ материального достатка и беззаботной, привольной жизни у многих народов» [Мокиенко 1999: 326]. Авторы «Большого фразеологического словаря» со ссылкой на «Исторические корни волшебной сказки» В. Я. Проппа и «Образы русской речи. Историко-этимологические очерки фразеологии» В. М. Мокиенко приводят примеры образа молочных рек, подчеркивая его древность: «...по наблюдению английского антрополога Дж. Фрэзера, в полинезийской культуре встречается подобный мотив, но с реками из масла кокосового ореха. В “Метаморфозах” Овидия упоминается выражение *Flumina jam lactis, jam flumina nectaris ibant* “Реки текли молоком и нектаром”. В Библии Господь обещает пророку Моисею вывести израильский народ из Египта и привести его “в землю хорошую и пространную, где течет молоко и мед”» (Исх 3:8) [Телия (отв. ред.) 2009: 385–386]. Еще один яркий пример приведен В. М. Мокиенко: «По хронике пражского летописца Козьмы, праотец Чех привел славянское племя именно в такую обетованную землю — на берега реки Влтавы» [Мокиенко 1999: 325].

Вопрос о заимствовании фразеологизма из Библии является сложным. В. М. Мокиенко, отмечая широкую распространенность, самобытность этого оборота в русском народном творчестве и в фольклоре других народов, признавал его исконность, независимость от библейского источника: «в русском языке этот оборот не заимствование, а исконное выражение» [Мокиенко 1999: 326]. Этот вывод отражен в словаре «Русская фразеология. Историко-этимологический словарь», где акцентируется внимание на самобытной образности фразеологизма и подчеркнуто шутивным или ироническим характере, хотя и не исключается возможность появления русской сказочной формы под влиянием Библии [Бирих, Мокиенко, Степанова 2007: 594]. По нашему мнению, точка зрения В. М. Мокиенко об исконно русском выражении *молочные реки и кисельные берега* достаточно убедительна. Не отрицая значения молока, меда (нектара), сыты, пива, символизирующих достаток, обеспеченную жизнь, стоит обратить внимание на то, что молоко было объектом мифологических верований, магических ритуалов и защиты [Голстой (ред.) 2004: 284]. В поисках русских корней образов стоит обратиться к той стороне жизни общества, на которую обратил внимание В. П. Аникин: «Когда мир Божий наполнен был лешими, ведьмами да русалками», огромную роль играли обряды, и «ранний фольклор как феномен первоначальной культуры был включен в быт и соединен с обрядами» [Аникин 2004: 49]. В. Я. Пропп считал, что волшебная сказка сохранила следы очень многих обрядов и обычаев: многие мотивы только через сопоставление с обрядами получают свое генетическое

объяснение, поэтому «сказку нужно сопоставлять с обрядами и обычаями с целью определения, какие мотивы восходят к тем или иным обрядам и в каком отношении они к ним находятся» [Пропп 2000: 12].

Изучение обычаев и обрядов окажется тем «ключиком», который даст возможность предложить еще одну историю появления фразеологизма. Он состоит из двух частей. Первая из них — *молочные реки*. У русского народа существовали обряды, направленные на прибавление молока, так как материнское молоко как «генетический» продукт наделялось сакральным значением и осмыслялось как питательный источник, дарующий человеку здоровье и жизненные силы [Толстой (ред.) 2004: 284; Телия (отв. ред.) 2009: 385–386]. В магических действиях, направленных на повышение удоев молока, широко использовались уподобление молока воде и символика текущей воды. Например, архангельские крестьяне, когда в Вербное воскресенье первый раз выгоняли скот вербовыми ветками, эти ветки затем опускали в реку или ручей, чтобы у коровы было больше молока, а пастух с той же целью прятал в воду свой «отпуск». В Вятском крае, подбив корову через кольцо или процедив молоко через дырку, выливали его в реку, где течение сильное, и трижды говорили: «Как эта вода бежит, так у коровы Пеструшки молочко бежит» [Толстой (ред.) 2004: 284–288]. Подобные обряды существовали у всех славян, в представлении которых проточная вода также соотносилась с молоком, поэтому словаки поили ею коров для увеличения надоев; брызгали такой водой на грудь кормящих матерей для сохранения молока; роженицы, у которых пропало молоко, шли к текущей воде, купались в ней, брызгали себе на грудь со словами: «Пусть моему ребенку молоко течет, как вода в реке». В Болгарии сразу после родов плаценту роженицы бросали в реку, чтобы было больше молока [Толстой (ред.) 2009: 418]. Об этом же говорит пожелание, сохранившееся в диалектной речи: в Ярославской губернии говорили *река молока*. Это было приветствием при дойке коровы, пожеланием хорошего удоа [Филин (гл. ред.) 1982: 236; Сороколетов (гл. ред.) 2001: 45].

Вторая часть фразеологизма — *кисельные берега*. Современное значение слова *кисель* — ‘студенистое кушанье, сваренное из ягодного или фруктового сока, молока и т. п. с добавлением крахмала’ [Евгеньева (ред.) 1999: 51]. В древности его готовили из запаренной кипятком муки (чаще всего из овсяной, реже — из пшенной или пшеничной), подслащенной и оставленной сбраживаться, или «кваситься», в тепле, затем процеженной и упаренной в печи. Ели кисель холодным, разрезая на куски, с медом, маслом или молоком [Толстой (ред.) 1999: 496]. Издревле кисель был обрядовым блюдом, преимущественно поминального и жертвенного характера, распространенным у восточных славян и в восточных районах Польши и Словакии [Толстой (ред.) 1999: 496; Телия (отв. ред.) 2009: 386]. Кисель варили во

время постов, в Чистый четверг перед Пасхой. Были и специальные ритуалы. Например, в Костромской губернии в пятницу на первой неделе Великого поста зятя угощали родителей своих жен киселем с маслом. Кисель также встречался среди угощений на свадебном столе, на крестинах ребенка. Овсяным киселем русские отмечали день Натальи Овсяницы, когда в одних местах начинали, а в других — заканчивали уборку овса [Толстой (ред.) 1999: 496–497]. Казалось бы, историю слова *кисельные* (берега) можно связать с обрядами и ритуалами. Но зададимся вопросом: почему слово *кисельные* связано со словом *берега*? *Кисельные берега, с кисельными берегами*, то есть похожи на кисель? О таком метафорическом переосмыслении слова свидетельствует сказка «Беспамятный зять», записанная русским этнографом-фольклористом Н. А. Иваницким на Вологодчине:

«Пришел зять к теще в гости. Тёща угостила его киселём.

Зять съел кисель и спрашивает:

— Это что за кушанье?

— Кисель.

Зятю кисель очень пришёлся по вкусу; думает он: “Дома непременно заставлю жену сварить, только бы не забыть, как зовётся”.

Вот пошёл он домой и твердит про себя: “Кисель, кисель, кисель!”

Случилась на дороге канава. Хотел зятёк перескочить через неё, да поскользнулся и упал. Встал — и забыл, что ел у тёщи. Думал, думал — никак не может вспомнить.

Едет мимо барин на шестёрке и видит: мужик бродит в канаве.

Остановился и спрашивает:

— Что потерял, мужичок?

— Сто рублей.

— Кучер, поди поищи, — говорит барин, — а найдёшь — разделим пополам.

Кучер подошёл к канаве и говорит:

— Вишь как взболтал грязь-то в канаве, словно кисель!..

— Нашёл, нашёл! — закричал зять, выскочил из канавы и со всех ног пустился домой, а сам всё кричит:

— Кисель, кисель!» [Иваницкий 2019: 114].

Переносное значение слова сохранилось в современном русском литературном языке в значении ‘какая-либо вязкая, полужидкая масса’ [Евгеньева (ред.) 1999: 51]. Но народными географическими терминами *киселица*, *кисель* в Псковской области называют топкую грязь, *кислицина* — топкое непроходимое болото [Мурзаев 1984: 275 — со ссылкой на В. М. Мокиенко], деревня Киселиха в Горьковской (ныне Нижегородской) области, Кисельня в Ленинградской области [Мурзаев 1984: 275] также названы по признаку ‘топкая грязь’. Вполне допустимо, что берега многих

русских рек, текущих по заболоченной местности, в русском языковом сознании ассоциировались с киселем.

Таким образом, фразеологизм *молочные реки [и] кисельные берега* <с кисельными берегами> состоит из двух ключевых слов: *молочные* (реки) и *кисельные* (берега). Слово *молочные* может быть связано как с символической материальной достатка, сытой, привольной жизни, так и с обрядами, направленными на прибавление молока. В магических действиях использовалась символика текущей воды, которая ассоциировалась с молоком. Хотя кисель был обрядовым блюдом, историю слова можно объяснить природным ландшафтом: многие реки текут по заболоченной местности. Признак 'топкая грязь' сохранился в народных географических терминах (киселица, кисель и др.) и в топонимах. В русских волшебных сказках произошло переосмысление образа: если реки молочные, то берега кисельные, то есть кисель стал восприниматься как кушанье, а выражение *молочные реки [и] кисельные берега* <с кисельными берегами> стало обозначать сытую, благополучную жизнь.

Литература

- Аникин В. П. Русское устное народное творчество: Учеб. для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 2004. 735 с.
- Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: в 5 т. Т. 1. М.: Терра – Книжный клуб, 2008. 320 с.
- Бирх А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Около 6000 фразеологизмов. 4-е изд. М.: АСТ АСТРЕЛЬ, 2007. 926 с.
- Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 / АН СССР, Ин-т рус. яз. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1982. 736 с.
- Иваницкий Н. А. Сказки, легенды, перегады из собрания Н. А. Иваницкого // Полное собрание русских сказок. Т. 17 / Под ред. И. Н. Кузнецова. Иваново: Роша, 2019. 164 с.
- Мокиенко В. М. Образы русской речи. Историко-этимологические очерки фразеологии. СПб.: Фолио-Пресс, 1999. 464 с.
- Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.
- Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.
- Сороколетов Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 35. Л.: Наука; Ленинградское отделение, 2001. 360 с.
- Теля В. Н. (отв. ред.). Большой фразеологический словарь русского языка. 4-е изд. М.: АСТ ПРЕСС-КНИГА, 2009. 784 с.
- Толстой Н. И. (ред.). Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. 702 с.; Т. 3. М.: Международные отношения, 2004. 697 с.; Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. 649 с.

- Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. В 2 т. Т. 2. М.: Цитадель, 1997. 396 с.
- Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 18. Л.: Наука; Ленинградское отделение, 1982. 367 с.

References

- Afanasyev A. N. *Narodnye russkie skazki: v 5 t.* [Folk Russian fairy tales: in 5 vols] Vol. 1. Moscow: Terra – Book Club Publ., 2008. 320 p.
- Anikin V. P. *Russkoe ustnoe narodnoe tvorchestvo* [Russian oral folk art]. 2nd ed. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 2004. 735 p.
- Birikh A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. *Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskii slovar'. Okolo 6000 frazeologizmov* [Russian phraseology. Historical and etymological dictionary. About 6000 phraseological units]. 4th ed. Moscow, AST ASTREL Publ., 2007. 926 p.
- Evgenieva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. Vol. 2. 2nd ed. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1982. 736 p.
- Fedorov A. I. *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka. V 2 t.* [Phraseological dictionary of the Russian literary language. In 2 vols]. Vol. 2. Moscow, Tsitadel' Publ., 1997. 396 p.
- Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Iss. 18. Leningrad, Nauka Publ. Leningrad Branch, 1982. 367 p.
- Ivanitsky N. A. *Skazki, legendy, peregudy iz sobraniya N. A. Ivanitskogo. Polnoe sobranie russkikh skazok. T. 17* [Fairy tales, legends, and quirks from the collection of N. A. Ivanitsky. Complete Collection of Russian Fairy tales Vol. 17]. Ed. by I. N. Kuznetsov. Ivanovo, Roscha Publ., 2019. 164 p.
- Mokienko V. M. *Obrazy russkoi rechi. Istoriko-etimologicheskie ocherki frazeologii* [Images of Russian speech. Historical and etymological essays on phraseology]. St. Petersburg, Folio-Press, 1999. 464 p.
- Murzaev E. M. *Slovar' narodnykh geograficheskikh terminov* [Dictionary of folk geographical terms]. Moscow, Mysl' Publ., 1984. 653 p.
- Propp. V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [Historical roots of a fairy tale]. Moscow, Labirint Publ., 2000. 336 p.
- Sorokoletov F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Iss. 35. Leningrad, Nauka Publ.; Leningrad branch, 2001. 360 p.
- Teliya V. N. (ed.). *Bol'shoi frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Great phraseological Dictionary of the Russian language]. 4th ed. Moscow, AST PRESS-BOOK Publ., 2009. 784 p.
- Tolstoy N. I. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvistikicheskii slovar': v 5 t.* [Slavic antiquities: an ethnolinguistic dictionary: in 5 vols]. Vol. 2. Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 1999. 702 p.; Vol. 3. Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 2004. 697 p.; Vol. 4. Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 2009. 649 p.

Из истории русского языка

Лексические особенности рассказа о власти в Московском государстве в русско-церковнославянском переводе Атласа Блау

Наталья Владимировна Николенкова, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва), natanik2004@mail.ru

DOI: 10.7868/S3034592826030076

аннотация: В середине XVII в. в Москве был переведен географический трактат «Theatrum orbis terrarum, sive Atlas novus», известный как Атлас Блау. Среди описаний отдельных государств Европы в нем содержатся три главы, посвященные Московскому царству. Большой фрагмент в первой из них, а именно рассказ о верховной власти в Московии, восходит к известному сочинению Джайлса Флетчера «Of the Russe Common Wealth» (1591), точнее к его переложению на латинский язык «Russia seu Moscovia itemque Tartaria» (1630). В статье показано, как лексическая организация текста Флетчера, который широко включает в английский текст русизмы, сохранилась в латинских переложениях этого сочинения и повлияла на осуществленный в Москве в самом начале 1650-х годов перевод. Главы о Москве, переведенные Епифанием Славинецким, ориентированы на отражение русских культурных реалий и опираются на русскую лексику. Это отличает их от перевода других томов Атласа Блау. Главы о Москве не включены в беловик полного перевода Атласа Блау, и одной из причин мы предлагаем считать не только содержание глав, дающих негативную информацию о Москве и ее жителях, но и понимание учеными-переводчиками ее

лингвистических особенностей: в отличие от ориентированного на церковнославянский язык перевода Атласа Блау, перевод глав о Москве можно назвать только русско-церковнославянским, при этом русификация осуществлялась в этих главах на лексическом уровне, который для переводчиков Атласа Блау был самым важным.

ключевые слова: литературный язык Московской Руси XVII в., переводы с латинского, Джэйлс Флетчер, Атлас Блау, Епифаний Славинецкий, domestикация

для цитирования: Николенкова Н. В. Лексические особенности рассказа о власти в Московском государстве в русско-церковнославянском переводе Атласа Блау // Русская речь. 2026. № 3. С. 79–90. DOI: 10.7868/S3034592826030076.

From the History of the Russian Language

Lexical Features of the Narration about Political Power in the Russian-Church Slavonic Translation of the Atlas Blaeu

Natalia V. Nikolenkova, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow), natanik2004@mail.ru

ABSTRACT: In the middle of the 17th century, the geographical treatise “Theatrum orbis terrarum, sive Atlas novus”, known as the Atlas Blaeu, was translated in Moscow. Among the descriptions of individual European states, it contains two chapters on the Moscow Kingdom. A large fragment in the first of them, namely the story of the supreme power in Moscow, dates back to the famous work of Giles Fletcher “Of the Russe Common Wealth” (1591), or rather to its translation into Latin “Russia seu Moscovia itemque Tartaria” (1630). The article will show how the lexical organization of Fletcher’s

text, which broadly includes Russian vocabulary in the English text, was preserved in Latin translations of this work and influenced the translation carried out in Moscow in the early 1650s. Russian vocabulary is used in the chapters on Moscow, translated by Epiphany Slavinetsky, which are based on Russian cultural realities and thus differ significantly from the translation of the main text of the Atlas Blaeu. The Moscow chapters are not included in the whitelist of the complete Blaeu Atlas translation, and we suppose one of the reasons is not only the content of chapters that include negative information about Moscow and its inhabitants, but also the understanding of its linguistic features by the scientific translators. Unlike the Church Slavonic-oriented translation of the first volumes of the Blaeu Atlas, the translation of chapters about Moscow can be named only as Russian-Church Slavonic, while Russification was carried out in these chapters at the lexical level, which was the most important for the translators of Atlas Blaeu.

KEYWORDS: literary language of Moscow Russia of the 17th century, translations from Latin, Giles Fletcher, Atlas Blaeu, Epiphany Slavinetsky, domestication

FOR CITATION: Nikolenkova N. V. Lexical Features of the Naration about Political Power in the Russian-Church Slavonic Translation of Atlas Blaeu. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2026. No. 3. Pp. 79–90. DOI: 10.7868/S3034592826030076.

В XVI–XVII вв. в Москве возрастает интерес к географическим (космографическим) сочинениям, содержащим описания разных стран, частью вообще неизвестных московским читателям. Переводится «География» Помпония Мелы, Хроника Мартина Бельского, космография Ортелиуса; в 1637 г. сделано переложение Атласа Меркатора [Барандеев 2010]. В них среди прочего содержались сведения о самой Московии, основанные на разнообразных сочинениях послов и путешественников, побывавших в Москве. Эти главы часто переводились первыми — московским книжникам хотелось узнать, что пишут иностранцы об их стране.

В середине XVII в. в Москве был переведен лучший на тот момент географический трактат «Theatrum orbis terrarum, sive Atlas novus», который издавался в 1645–1650 гг. в типографии голландских книжников Виллема и Яна Блау. Перевод с общим названием «**Позорнице всея вселенныя**

или *Атласъ новый*» осуществлен в 1652–1653 гг. образованными киевскими книжниками, приглашенными в Москву Алексеем Михайловичем, — Епифанием Славинецким (1-й том) и Арсением Сатановским (2-й том). Два выпускника Киевской братской школы, преподаватели классических языков в ней, в Москве они уже в 1650 г. на основе словаря А. С. Калепина составили латино-славянский и славяно-латинский лексиконы [Німчук 1973]. Перевод Атласа Блау был следующим этапом работы книжников над текстом на латинском языке, при этом они не только опирались на свои предыдущие переводческие решения, но и предлагали новые.

Главы «*Moscovia sive Russia Alba*», «*Moscoviae pars sept. et orient*», «*Moscoviae pars avstraliior*» содержатся в первом томе Атласа Блау [Blaeu 1645: 17–18v, 20–22v]. Именно они были переведены Славинецким в первую очередь, причем черновик не дошел до нашего времени, а переписанный московским писцом набело текст не вошел в беловик первого тома (рукопись из собрания ГИМ Син. 19), но оказался вплетен в черновик (рукопись ГИМ Син. 779, текст на лл. 46–57об, 95–99об). О возможных причинах такого решения мы будем говорить ниже.

1. Источники глав о Москве

Одним из первых на перевод Атласа Блау обратил внимание Ф. И. Буслаев. Он включил два фрагмента главы о Москве в свою «Историческую хрестоматию церковнославянского и древнерусского языков» [Буслаев 1861: 1185–1190], сопроводив публикацию рассуждением, что «въ свѣдѣніяхъ о Россіи, заимствованныхъ изъ Флетчера и другихъ иностранныхъ путешественниковъ, помѣщено въ Космографіи много предосудительнаго о нравахъ и обычаяхъ древней Руси» [Буслаев 1861: 1189]. Вероятнее всего, Ф. И. Буслаев еще хорошо помнил недавнюю «скандальную» историю: в 1848 г. О. М. Бодянский подготовил для июльской книги «Чтений в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете» перевод сочинения Джайлса (Джилса) Флетчера «*Of the Russie common wealth*» (1591 г.), однако это издание не было одобрено властями. Книга «Чтений» была конфискована, а самому Бодянскому было предложено перевестись из Москвы в Казанский университет [О государстве: V]. Действительно, записки англичанина Флетчера, который был направлен в Москву в 1588 г. для заключения дружеского союза и восстановления торговых отношений с Россией, содержали столь много неблагоприятной информации, что английские купцы опасались: содержащиеся в них сведения могут помешать торговле с Россией, поэтому убедили английского министра Сесилия запретить книгу и истребить

тираж [О государстве: XVI–XVII]. Сообщение в хрестоматии Буслаева фактически предлагало интерпретировать факт отсутствия перевода главы о Москве в беловике Атласа Блау так же — считать это проявлением недовольства властей содержанием текста.

Наше исследование текста Атласа Блау позволяет сегодня предложить и иную версию — лингвистическую.

Отметим, что Блау не использовали при подготовке текста книгу Флетчера, написанную на английском языке, — они опирались на изданную в 1630 г. в голландском издательстве династии Эльзевиров латинскую компиляцию «*Russia seu Moscovia itemque Tartaria*», в основу которой был положен текст Флетчера и «Записки о Московии» Сигизмунда Герберштейна (*Sigismundi liberi baronis in Herberstain Rerum Moscovitarum commentarii, Anno 1556*) [Кошелева 2021: 460–461¹]. Латинский оригинал Атласа Блау представляет собой не только оригинальный текст, но и обширное цитатное пространство, опирающееся на предшествующие космографические труды, в которые Блау смело помещали новые произведения [Николенкова 2025].

Опора на «*Russia seu Moscovia itemque Tartaria*», а следовательно, и на сочинение Флетчера в первую очередь оказалась отражена в исторических фрагментах², в частности при описании структуры власти в Московии (Син. 779, лл. 48–53об).

2. Доместикация как общая стратегия перевода глав о Москве

Особенность работы с московскими главами заключается в том, что иностранные источники описывали малоизвестные им культурные реалии, которые, напротив, были хорошо знакомы Славинецкому. В книге Флетчера, а след за ней и в «*Russia seu Moscovia*», и в Атласе Блау курсивом вводятся русизмы — слова, которые англичанин запомнил и захотел передать в «русском обличи», познакомить с ними европейского читателя. Славинецкий верно восстанавливает их: quos *dyaks* vocant [Blaeu 1645: 18a; *Russia* 1630: 79³] → ихъ же дѣлками зовѣтъ (49); *Zabore* ipsis dicitur (18a; 80) → Соборъ ѿ ныхъ именьѣтса (49об); qui *stollie* ipsis dicitur (18a; 81) → еже столъ ими глѣтса (49об); quos vocant *mausicks* (18c; 84) → иже глѣтъ мъжики (51об); quos vocant *Sina Boiaresky* (18c; 84) → иже

¹ Сведения о латинских источниках глав о Москве в данной публикации принадлежат И. В. Дубровскому.

² Для полноты и точности географической информации Блау использовали трактат немецкого географа Филиппа Клувера: *Philippi Cluveri introductionis in universam geographiam, tam veterem quam novam*, изданный в 1624 г.

³ Далее в примерах по порядку указаны листы обоих латинских изданий.

нарцадотса дѣти вогарские (51об); *Quarta denique Cassauski Dworets* (18с; 85) → **четвертаа же казанскіи дворець** (52); *quales sunt Gubnoy staretz* (18с; 86) → **каковы сътъ гѣбные старосты** (52об)⁴.

Наличие множества русизмов в латинском оригинале повлияло на стремление Славинецкого к доместикации как главной стратегии перевода, то есть к осознанному использованию русизмов. Составляя лексиконы, киевские книжники использовали и русизмы, и церковнославянизмы, не делая между ними различий⁵. Сопоставление перевода глав о Москве с основными томами Атласа Блау демонстрирует, что в рассказах о Европе, Азии, Африке и Америке книжники изменяют подходы: произойдет отказ от русизмов, текст перевода будет опираться на церковнославянскую лексику, переводчики начнут использовать заимствования и создавать авторские композиты [Николенкова 2025: 218–240].

Особенно ярко эти различия проявляются в области общественной терминологии.

3. Верховный правитель Московского государства

В латинском оригинале Атласа Блау правитель Московии называется *Princeps*, что в латино-славянском лексиконе было переведено «кня(з), вождь, пе(р)ви(й), влѣ(д)ка» [Німчук 1973: 330]. Вариант «князь» будет далее выбран Славинецким для номинации правителей большинства европейских стран [Николенкова 2025: 367]). И только в рассказе о Москве на месте *Princeps* всегда используется «царь» — в середине XVII в. этот титул уже давно закреплен за главой Московского государства. В славяно-латинском лексиконе для «Царь» были даны латинские аналоги «*Rex. Magnus dux. Regnator*» [Німчук 1973: 535].

В московских главах отмечаем: *Russici principis regimen* [Blaeu 1645: 17d⁶] → **Рѣскаго цѣрѣ владѣніе** (48); *Principale regimen* (17d) → **Цѣрѣст-венное владѣніе** (48об); *Principis decreto* (18a) → **Цѣрѣскимъ велѣніемъ** (49) и под. Славинецкий может нарушить принцип пословного перевода, добавив титул в том случае, если он опущен в оригинале: *Licet sub Theodoro, in quo stirps principalis defecit* (18a) → **Дце за цѣрѣ Феофора [на емъ же родъ цѣрѣскій ѡста {скончася}]** (49об). В соответствии с московскими реалиями передан такой латинизм: *Imperatrix* (18a) → **цѣрѣца** (49об), *Imperator* (18a) → **Цѣрѣ** (49об).

⁴ В английском издании Флетчера эти слова также выделены курсивом [Fletcher 1591: 20, 22–24, 27, 29, 31].

⁵ В данном случае речь идет не об этимологии лексемы, а о восприятии ее читателями середины XVII в.

⁶ Далее латинский текст цитируется по изданию [Blaeu 1645] с указанием листа и столбца издания.

Добавления титула не происходит в следующем контексте: Superiori autem seculo *Ioannes Basilides*, ut supremam hanc vitae necisque potestatem ostentaret, ita *tyrannice* eadem est abusus, ut quocumque procederet, si quem aut liberius se intuentem aut alioquin sibi displicentem offendisset, statim capite plecti, et *miseri* caput ante pedes suos proiici mandaret⁷ (18a) → **В** **ми** **мош**едша **таже** **лѣта** **Иванъ** **Василевичъ** **дабы** **кранинѣю** **сѣю** **живота** **или** **смерти** **власть** (!) **показалъ**, **только** **мѣчителски** **ѣа** **зав** **оупотреби**, **такъ** **идѣже**, **либо** **ходъ** **твораше**, **аще** **кого** **или** **безстѣднѣ** **на** **са** **смотряща** **или** **нѣкакѣ** **сѣбѣ** **не** **навидима** **ѣсмотряше** **абіе** **главою** **казнити** **и** **ижаиннаго** **главѣ** **пред** **ноги** **своа** **повреши** **повелеваше** (49–49об). Можно предположить, что переводчик не хотел использовать лексему при описании негативного поведения правителя, тем более что жесткое описание латинского оригинала в переводе немного трансформировано. Так, *tyrannice* передано **мѣчителски** (как в лексиконах [Німчук 1973: 406]⁸). Для *miser* в лексиконе предлагались «wкая(н)ни(й), бѣдни(й)» [Німчук 1973: 270]; здесь выбрано первое, имевшее в русском книжном языке значение не только ‘несчастный, жалкий’, но и ‘безбожный, безнравственный, низкий’ [Шмелев (гл. ред.) 1987: 320].

Лексема «князь» для *Princeps* используется также для номинации высшей знати: Principes, qui *Udelney Kasey*, id est, exempti et privilegiati Duces appellantur (18b) → **Кнѣзи** **иже** **оудѣльныи** **сирѣчь** **избранныи**, **и** **грамотами** **ѣкрѣплѣнныи** **кнѣзи** **имѣнѣютсѣа** (51), где она дана также для передачи *dux* и опускается в ошибочно скопированном издателями книги «Russia seu Moscovia» (л. 83) и повторенном Блау русизме (сам Флетчер пишет *Udelney Knazey* [Fletcher 1591: 22, 24]). Далее читаем: quorum potestas primum a *Principibus*, Russiae multum imminuta, ad extremum a *Ioanne Basillide* penitus sublata fuit⁹ (18b) → **и** **хѣже** **власть** **первѣе** **ѣ** **кнѣжат** **рѣскихъ** **много** **оумаленна**, **потом** **же** **ѣ** **Иоанна** **Василевича** **в** **конецъ** **же** **искорененна** **высть** (51), где выбрана редкая форма «княжа, княжата», фиксирующаяся в русских текстах с середины XVI в. [Филин (гл. ред.) 1980: 202]. В примере *Itaque Principes Ecclesiasticos homines multis immunitatibus et honoribus*

⁷ В переводе: «В предыдущем столетии Иоанн [Васильевич], чтобы продемонстрировать эту верховную власть над жизнью и смертью, так тиранически злоупотреблял ею, что, куда бы он ни пошел, если бы кто-либо открыто смотрел на него или иным образом его оскорблял, он немедленно приказывал отрубить ему голову, и голову несчастного бросить к его ногам».

⁸ Прилагательное «тиранский» использовано Славинецким в объяснении, что «у тиранической власти нет крепче уз, чем благоговение народа» [Кошелева 2021: 470], в этом контексте описание абстрагировано от конкретного правителя русского государства: **видѣще** **никоже** **крѣпшии** **союзъ** **были** **тиранскаго** **гдѣрствованіа**, **іакоже** **самодышленіа** **народнаго** (49).

⁹ В переводе: «их власть была сначала значительно ограничена русскими князьями, а затем полностью упразднена Иоанном [Васильевичем]».

cumulant¹⁰ (17d) → **Сего ради людей црковныхъ много свободами и почести украшаютъ** (49) Славинецким сознательно не допускается появления сочетания «*князи церковные» как не характерного для православной церкви.

Отдельно следует отметить наличие в главах о Москве полного титула Московского царя¹¹. Он почерпнут из легенды к карте Хесселя Геррица 1614 г. «Tabula Russiae ex autographo, quod delineandum curavit Foedor filius Tsaris Boris desumta... ac Magno Domino, Tzari et Magno Duci Michaeli Foedrowits omnium Russorum Autocratori Wolodimeriae» [Кошелева 2021: 460], перепечатанной у Блау внутри главы «Moscovia sive Russia Alba». В этом фрагменте мы встречаемся с латинской транслитерацией титула «царь», переводчики лишь восстанавливают его: *Ipse Moscoviae Dux his titulis insigniri solet, Magno Domino, Tzari, et Magno Duci Michaeli Foedrowits, <...> Tzari, Astracaniae, Tzari Siberiae, <...> et Groesinae Tzari, etc.* (17b) → **Гамъ Црь Московскін сими Тытлы оукрачатиса обыче. Великомъ Гдрю Црю, и Великомъ Кнзю Михаилъ Ѳедоровичъ, <...> Црю Казанскомъ¹², Црю Астраханскомъ, црю Сибирскомъ, <...> и гръзинскомъ црю и прочаъ** (45об–46). Передача *Magno Duci Smolenscoviae, Magno Duci Novogardiae inferioris* → **великомъ князю Смоленскомъ, великомъ князю Новгорода низовские земли** точно передает московский титул правителя, который, без сомнения, известен Славинецкому, ставшему с 1652 г. одним из приближенных патриарха Никона. Передача *inferior* (ср. ст. от *inferus*, в лексиконе «нижши(й)» [Німчук 1973: 235]) как **низовские земли** в других контекстах невозможна.

Отметим также орфографию слова «тытлы». Московский писец, переписывающий главы о Москве, имел еще мало опыта в устранении юго-западнорусских орфографических черт; позже, приступая к созданию беловиков 1-го и 2-го томов Атласа Блау, он приобретет опыт и станет исправлять такие примеры, приводя орфографию к московским нормам.

4. Московские вельможи

Высшая знать в Московском государстве передается в латинском оригинале как *nobiles*. Лексема «nobilitas, nobilis» — это одно из сложных слов для поиска русско-церковнославянского соответствия, так как привилегированное сословие Европы не имело полной аналогии в Русском государстве XVII в. [Глускина 1954: 212–216]. В лексиконах Славинецким

¹⁰ В переводе: «Поэтому князи Церкви даруют людям множество льгот и почестей».

¹¹ У Флетчера приводится титул царя Федора Иоановича [Fletcher 1591: 19].

¹² Переводчик восстановил пропущенное в латинском оригинале прилагательное «казанский» (оно есть на карте у Блау).

и Сатановским предлагались варианты «бл̑горо(д)ни(й), славни(й), изящни(й), че(с)тни(й)» [Німчук 1973: 281]. В основном массиве Атласа переводчики трансформировали первое из прилагательных в существительное с суффиксом -ец («благородец», чаще во мн. ч. «благородцы»), причем исключений практически нет [Николенкова 2025: 234–235]. Отсутствие такого существительного в главах о Москве еще раз подчеркивает, что этот раздел был переведен первым, до начала основной работы над Атласом.

В «Москве» *nobiles* передаются вариативно. Славинецкий мог использовать прилагательное: *non modo vulgus, sed et nobilitatem* (17d) → не точію простыхъ, но и бл̑городныхъ (48об); I. *Nobiles, qui quatuor sunt generum* (18b) → первѣе бл̑городни ихъ сѣтъ четыре роды (51); *Hi tres nobilium ordines* (18b) → Сѣн три бл̑городныхъ чына (51об) и под.; *et ad nobiles pertinere existimat* (17b) → и бл̑городнѣишимъ належати разѣмѣетъ (46об), где в переводе использована форма превосходной степени, не опирающаяся на латинскую.

Но с учетом желания переводчика ввести номинации, связанные с культурными реалиями Московии, в тексте появляются «бояре» и «дворяне». Первая лексема используется в латинском оригинале (куда она перешла из сочинения Флетчера): *Boiarens, nimirum illi quos Princeps praeter nobilitatis titulum, consiliariorum munere dignatur* (18b¹³) → Бояре се естъ ихже цр̑ь кромѣ бл̑городства титла совѣтникомъ достоинствомъ почествѣетъ (51). Она же появляется в ряде случаев для передачи *nobiles*: *Interesse solent primo Imperator ipse, secundo nobiles ut plurimum viceni* (18a) → выгитже тамъ обыкоша первіе цр̑ь потомже бояре и бл̑городнѣишіе (!) домногаже два десятъ (49об); *Imperator citat nobiles* (18a) → цр̑ь призываетъ бояръ (49об). Чаще выбирается лексема «дворяне»: *Idem et nobilibus nonnullis* (18a) → тонже и дворяномъ нѣкимъ (49об), *Princeps thronum occupant, et iuxta illum quadratæ mensæ ... assident Patriarcha et praecipui e nobilitate et clero, cum duobus scribis (dumnoy dyacks vocant)* (18ab) → цр̑ь престолъ занимаетъ, и возлѣ его четвероуголнѣ столъ...прѣсѣдатъ Патриарха и изащнѣишин ѿ дворянъ и канра с двѣма писари [ихъ же дѣмными дѣки наричѣтъ] (50), *quas Princeps nobilibus suis aliisque attribuit, cum stipendio annuo D rubl.* (18ab) → ихже цр̑ь дворяномъ своимъ дарствѣетъ сѣверокомъ ф̑ рубле(н) (50).

Лексема «бояре» введена для передачи латинского «*Senatus*», при этом нарушается точность перевода (мн. ч. вместо ед. ч.): *Princeps et Senatus* (17d) → Цр̑ь и бояре (48об), *Ab ipso solo et Senatu regitur* (17d) → ѿ него самого и ѿ бояръ управлема естъ (48об), *Ad aulicum Senatum* (17d) →

¹³ То же в [Russia 1630: 83], в [Fletcher 1591: 29] в контексте «of the *Udelney Knazey*, nor of the *Boiarens*». В переводе: «Те, кому [царь] в дополнение к дворянскому титулу дарует должность советника».

Къ великимъ богаромъ (48об); однократно отмечено использование лексемы «бояре» как синонима русизма «дума»: *A Principe et Senatu* (18с) → **Ѡ Црѣа и дѣмы или богаръ** (52).

Латинское *Senatus* может заменяться грецизмом: *ad principalem Senatut* (18с) → к црѣскомѣ **синклитѣ** (52); этот вариант предлагался книжниками еще при работе над лексиконами: «*senat(us)*, си(н)кли(т), совѣтъ» [Німчук 1973: 368]. Широкое использование грецизмов — яркая языковая черта Славинецкого и Чудовской книжной школы, но в московских главах их число невелико, при этом грецизм «синклит» используется и для перевода других латинизмов: *prius ad supremum Senatut et aulam Principis* (18а) → **первіе великимъ богаромъ и синклитѣ црѣскомѣ** (49), *Principe cum suis proceribus adventante* (18b) → **црѣю съ синклитомъ своимъ приходѣщи** (50).

5. Приказы

Рассказ Флетчера о системе организации высшей власти в Московии заканчивается небольшим описанием органов управления, которые отвечают за государственные дела: *Russiae principatus omnis dividitur in quatuor partes sive tetrarchias, quas ipsi Chedfirds appellant* (18с) → **Русское црѣство все делится на четыре части или господства каже они четверты именуютъ** (51об). В оригинале Флетчера читаем: *The whole countrie of Russia... is diuided into foure parts, which they call Chetfirds, or Tetrarchies* [Fletcher 1591: 29], так что слово надо считать искаженной передачей русского «четверть».

Сначала Славинецкий использует вариант «четверть»: *Prima tetrarchia vocatur Pososki Chedfird, sive iurisdictio muneris legatorum* (18с) → **Первая четверть зовется посолская или оуправа дѣла посолскихъ** (51об–52), где переводчик опускает потенциальный повтор; *Secunda dicitur Roseradney Chedfird* (18с) → **Вторая четверть (!)** (52). Но этого названия нет в русской системе органов власти.

Именно поэтому Славинецкий вводит русизм, не использованный Флетчером: *Tertia vocatur Pomestnoy Chedfird* (18с) → **Третья именуется помѣстнын приказъ** (52), что еще раз подчеркивает желание книжника максимально приблизить свой перевод к передаче известных ему и потенциальному читателю реалий.

6. Выводы

Нет никаких сомнений, что главы о Москве из Атласа Блау были переведены первыми. Работа над остальными частями началась позже, и переводчики совместно вырабатывали общие принципы подхода

к передаче общественной терминологии в рассказах об иностранных государствах; они отказались от использования русизмов, перенесли акцент на введение маркированной церковнославянской лексики, заимствований, широко использовали грецизмы, создавали авторские композиты [Николенкова 2025].

В результате уже переведенные московские главы оказываются лингвистически противопоставлены основному переводу Атласа. Помещение их в беловик могло бы разрушить целостность всего тома, чего не мог не видеть филолог такого высокого уровня, как Епифаний Славинецкий. Сегодня три главы о Москве в переводе Епифания Славинецкого надо рассматривать как отдельное сочинение этого замечательного русского книжника XVII в.

Источники

Атлас Блау, т. 1. Рукопись ГИМ Син. 779. Черновик (автограф) Епифания Славинецкого, западнорусская скоропись, 4⁰, 605 л., сер. XVII в.

Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. М., 1861. 840 с.

Кошелева О. Е. Главы о Московском государстве в «Новом Атласе» Блау в переводе Епифания Славинецкого. Введение Н. А. Болдыревой (§ 1) и О. Е. Кошелевой (§ 2), подготовка текста О. Е. Кошелевой // Русский Сборник: Исследования по истории России: архивные находки и источниковедение / Ред.-сост. О. Р. Айрапетов, Ф. А. Гайда, И. В. Дубровский, М. А. Колеров, Б. Меннинг, А. Ю. Полунов. Т. XXX. М.: Модест Колеров, 2021. С. 444–499.

Німчук В. В. Лексикон словено-латинський Е. Славинецького та А. Корецького–Сатановського. Київ: Наукова думка, 1973. 540 с.

О государствѣ русскомъ, сочиненіе Флетчера. Издание третье. СПб.: изданиіе А. С. Суворина, 1906. 138 с.

[Fletcher G.] Of the Russe Common Wealth. Or, Maner of Governement by the Russe Emperour (commonly called the Emperour of Moskouia) with the manners, and fashions of the people of that Countrey. Printed by T.D. for Thomas Charde, 1591. 117 p.

Russia seu Moscovia itemque Tartaria. Lugd. Batavorum Leiden: Ex officina Elzeviriana, 1630. 345, 19 p. ill.

Theatrum orbis terrarum, sive Atlas novus in quo tabulae et descriptions omnium Regionum. Editae a Guiljele et Ioanne Blaeu. Amsterdami. Anno 1645. [Электронный ресурс]. URL: <http://bdh-rd.bne.es/> (дата обращения 01.07.2025).

Литература

- Барандеев А. В. Русские космографии XVI–XVII вв. // История географических названий: Русская топонимия в терминах. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. С. 26–40.
- Богатова Г. А. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 16. М.: Наука, 1990. 298 с.
- Глушкина С. М. Общественная терминология в Космографии 1637 г. // Ученые записки Псковского педагогического института. Вып. II: Сб. статей. Псков: Псковская правда, 1954. С. 186–243.
- Николенкова Н. В. Лингвистические особенности ученого регистра церковнославянского языка второй половины XVII в. (на материале Атласа Блау): дис. ... д-ра филол. наук / Моск. гос. ун-т имени М. В. Ломоносова. М., 2025. 414 с.
- Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. М.: Наука, 1980. 403 с.
- Шмелев Д. Н. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 12. М.: Наука, 1987. 386 с.

References

- Barandeev A. V. [Russian cosmographies of the 16th–17th centuries]. *Istoriya geograficheskikh nazvaniy: Russkaya toponimiya v terminakh* [History of geographical names: Russian toponymy in terms]. Moscow, “Librokom” Publ. House, 2010, pp. 26–40. (In Russ.)
- Bogatova G. A. (ch. ed.). *Slovar’ russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th c.]. Iss. 7. Moscow, Nauka Publ., 1990. 403 p.; Iss. 16. Moscow, Nauka Publ., 1990. 298 p.
- Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar’ russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th c.]. Iss. 7. Moscow, Nauka Publ., 1980. 403 p.
- Gluskina S. M. [Social terminology in the Cosmography of 1637]. *Uchenye zapiski Pskovskogo pedagogicheskogo instituta* [Scientific notes of the Pskov Pedagogical Institute. Collection of articles]. Iss. II. Pskov, Pskovskaya Pravda Publ., 1954, pp. 186–243. (In Russ.)
- Nikolenkova N. V. *Lingvisticheskie osobennosti uchenogo registra cerkovnoslavjanskogo yazyka vtoroj poloviny XVII v. (na materiale Atlasa Blau)*. Diss. doct. filol. nauk [Linguistic features of the scholarly register of Church Slavonic in the second half of the 17th century (based on the Blaeu Atlas). Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2025. 414 p.
- Shmelev D. N. (ch. ed.). *Slovar’ russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th c.]. Iss. 2. Moscow, Nauka Publ., 1975. 319 p.

Метафора *потерянный рай* в русской поэзии: происхождение и бытование (XVIII–XX вв.)

Дмитрий Николаевич Жаткин¹, Вера Владимировна Сердечная²,
Пензенский государственный технологический университет (Россия, Пенза)¹, Кубанский государственный
университет (Россия, Краснодар)², ivb40@yandex.ru¹, rintra@yandex.ru²

DOI: 10.7868/S3034592826030083

аннотация: Статья посвящена изучению употребления метафоры *потерянный рай*, восходящей к названию поэмы Дж. Мильтона, в отечественной поэзии XVIII–XX вв. Задача исследования — проанализировать направления метафоризации представлений русских поэтов о потерянном рае. В рамках мифологической топологии этот образ указывает на рай (в стихотворениях В. А. Жуковского, Я. П. Полонского, З. С. Давыдова, у Д. С. Мережковского — через мир Данте), может обозначать Италию (Г. В. Иванов), монастырь (М. А. Лохвицкая), утраченную родину духа (М. Ю. Лермонтов, Н. Шапошников), весну (Д. С. Мережковский). В психологическом аспекте метафора трактуется прежде всего как образ детства (М. А. Лохвицкая, Н. И. Басовский) и потерянной любви (М. А. Лохвицкая, В. А. Меркурьева, Ф. К. Сологуб, В. В. Маяковский, Г. С. Семенов, Е. А. Шварц, Л. Н. Чертков), манящего прошлого (Д. И. Кленовский), человеческого единства (М. Н. Айзенберг). Встречается образ собственно книги Мильтона (у В. В. Маяковского — осуждаемо религиозной, у В. Т. Шаламова — как поэтического достижения, у И. Л. Лиснянской — знака мечтательности). Есть пародийные указания на потерянный рай как мир наивных идеалов (Л. А. Мей, А. М. Жемчужников, В. С. Соловьев). Психологическая трактовка метафоры углубляется

при использовании образа как знака изначального состояния души (В. Г. Тепляков), бесплодно искомого (К. И. Чуковский, Ф. К. Сологуб). Потерянный рай получает метафизические трактовки: цели творчества (И. М. Зданевич), исходной точки труда (Е. Ю. Кузьмина-Караваева), конечной точки жизни (Ю. К. Терапиано), мистического опыта (А. Л. Величанский). У метафоры *потерянный рай* возникают и устойчивые политические толкования: монархическое прошлое Италии (П. М. Карабанов); упущенные социально-культурные возможности, которые должен вернуть себе русский пролетариат (Т. И. Рагозин, А. Б. Гатов); наконец, дореволюционная Россия, а затем и Россия как таковая (И. А. Бунин, С. М. Соловьев, А. П. Ладинский, Ю. М. Кублановский, Н. Е. Горбаневская, Н. И. Басовский). Можно говорить о широкой семантической вариативности метафоры *потерянный рай* в русской поэзии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: потерянный рай, Мильтон, метафора, образ, топос, русская поэзия XVIII–XX вв., русская рецепция Мильтона

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Жаткин Д. Н., Сердечная В. В. Метафора *потерянный рай* в русской поэзии: происхождение и бытование (XVIII–XX вв.) // Русская речь. 2026. № 3. С. 91–107. DOI: 10.7868/S3034592826030083.

БЛАГОДАРНОСТИ: Статья подготовлена в рамках реализации работ по гранту Российского научного фонда (проект № 25-18-00010 «Русский Мильтон: переводы, исследования, библиография. Создание научно-информационной базы данных»).

The Language of Fiction

The *Paradise Lost* as a Metaphor in Russian Poetry of the XVIII–XIX Centuries: Origin and Existence

Dmitry N. Zhatkin¹, Vera V. Serdechnaia², Penza State Technological University (Russia, Penza)¹, Kuban State University (Russia, Krasnodar)², ivb40@yandex.ru¹, rintra@yandex.ru²

ABSTRACT: The article is devoted to the study of the metaphor *Paradise Lost*, which goes back to John Milton's poem title, in Russian poetry of the XVIII–XX centuries. The objectives of the study are to analyze the specifics of metaphorization of the phrase 'lost paradise' in Russian poetry. Within mythological topology, the image points to paradise (in the poems of Zhukovsky, Polonsky, Davydov, in Merezhkovsky's — through Dante's world), it can denote Italy (G. V. Ivanov), a monastery (Lokhvitskaya), the lost spirit homeland (Lermontov, Shaposhnikov), spring (Merezhkovsky). In the psychological aspect, the metaphor is interpreted as an image of childhood (Lokhvitskaya, Basovsky) and lost love (Lokhvitskaya, Merkuryeva, Sologub, Mayakovsky, Semenov, Schwartz, Chertkov), the alluring past (Klenovsky), human unity (Eisenberg). The image of Milton's book itself is encountered (Mayakovsky sees it as condemnedly religious, Shalamov — as a poetic achievement, Lisnyanskaya — as a sign of dreaminess). There are parodic references to paradise lost as a world of ideals (Mey, Zhemchuzhnikov, V. S. Solovyov). The psychological interpretation of the metaphor deepens when using the image as a sign of the original state of the human soul (Teplyakov), fruitlessly sought (Chukovsky, Sologub). Paradise lost receives sublime interpretations: the goal of creativity (Zdanevich), the starting point of labor (Kuzmina-Karavaeva), the end point of life (Terapiano), mystical experience (Velichansky). The metaphor of paradise lost has also political interpretations: the monarchical past of Italy (Karabanov), the missed socio-cultural opportunities of Russian proletariat (Ragozin, Gatov); finally, pre-revolutionary Russia, and then Russia as such (Bunin, S. M. Solovyov, Ladinsky, Kublanovsky, Gorbanevskaya, Basovsky). Thus, the article draws a conclusion about the wide semantic variability of the metaphor in Russian poetry is logical.

KEYWORDS: Paradise Lost, Milton, metaphor, image, topos, Russian poetry of the 18th–20th century, Russian reception of Milton

FOR CITATION: Zhatkin D. N., Serdechnaia V. V. The *Paradise Lost* as a Metaphor in Russian Poetry of the XVIII–XIX Centuries: Origin and Existence. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2026. No. 3. Pp. 91–107. DOI: 10.7868/S3034592826030083.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study has been carried out with financial support of the Russian Science Foundation (fund № 25-18-00010 "Russian Milton: Translations, Studies, Bibliography. Creation of a Scientific-Informational Database").

Образ утраченного рая в русской литературе восходит к Библии, однако выражение *потерянный рай* закрепилось в языке под влиянием переводов поэмы Джона Мильтона «Paradise Lost» (1667). А. Г. Строганов назвал свой так и оставшийся ненапечатанным перевод «Погублённый рай» (1745)¹, но уже у первых изданных переводов название было «Потерянный рай» [Мильтон 1777; Милтон 1780], и в дальнейшем оно стало общепринятым [напр., Мильтон 1795; Мильтон 1871; Мильтон 1878].

Есть различные мнения о статусе синтагмы *потерянный рай* в русском языке и культуре. Ее называют «мифологемой» [Шевцова 2016], «архетипическим мотивом» [Паринова 2019], «концептом» [Матушкин 2021], «цитатой-реминисценцией» и «интертекстемой» [Павлова, Ермакова 2020], «мифообразом» [Гарипова 2023]. В большинстве фразеологических словарей выражение не представлено, за редкими исключениями [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2008: 229]. Мы остановимся на термине «метафора», поскольку в поэтических текстах *потерянный рай*, как правило, упоминается метафорически.

До сих пор не было предпринято попытки охарактеризовать историю бытования этого выражения в художественных текстах. Исследования касались лишь творчества отдельных авторов: Ф. М. Достоевского [Матушкин 2021], рок-поэтов С. Намина, В. Цоя, В. Бутусова, С. Сургановой [Павлова, Ермакова 2020].

В центре нашего поиска находилось выражение *потерянный рай*; его варианты и синонимы — *погубленный рай*, *потерянный эдем* и т. п. — требуют отдельного исследования.

Особого внимания заслуживает сочинение Ивана Владыкина «Потерянный и приобретенный рай. Поема» [Владыкин 1776]. Эта пространная поэма с аллюзиями из Мильтона вызывала у современников иронию. Так, сочинитель рукописной сатиры «Обед Мидасов» (1781)² писал:

Владыкин смело взял одну с Мильтоном тему,
По-русски написал чертовскую поэму;
Он попил в ней рай, род смертных погубил,
Читателей терзал и в ад их посадил.
(цит. по [Николаев, Степанов 1988: 163])

¹ Пространные фрагменты из перевода (книги I и IX «Погубленного рая») увидели свет только в конце XX в. [Мильтон 1996].

² По предположению В. П. Степанова, автором рукописной сатиры мог быть Александр Иванович Арсеньев (1751–1840) [Муратова (ред.) 1978: 139].

Первые упоминания о потерянном рае в русской поэзии XIX в. — цитирования названия поэмы Мильтона в поэтических переводах (см. перевод Н. И. Гнедича из III книги «Потерянного рая» под заголовком «Милтон, сетующий на свою слепоту» (1805) [Гнедич 1956: 76], а также перевод фрагментов поэмы А. Я. Галинковским (1807) [Милтон 1807]). Однако уже в начале XIX в. наблюдаются и факты употребления выражения *потерянный рай* в оригинальных сочинениях. Так, П. М. Карабанов приводит его в стихотворении «Мнимая вольность, равенство и самодержавная власть» в контексте воспоминания о великой Италии, которая была захвачена французами: «Народов просвещеньем славных / Потерянный навеки рай» [Карабанов 1801: 70]. Потерянному раю здесь метафорически уподобляется монархическое прошлое Италии. Вероятно, это первый случай самостоятельного употребления метафоры в русской поэзии.

Выражение используется В. А. Жуковским в его стихотворной «повести» «Пери и ангел» (1821), переводе поэмы «Paradise and the Peri» из «Лаллы Рук» Томаса Мура (1817). У Жуковского рассуждения о потерянном рае звучат в начале поэмы: «Однажды Пери³ молодая / У врат потерянного рая / Стояла в грустной тишине» [Жуковский 1849: 267]; в оригинале Мура образа потерянного рая нет [Moore 1819: 142], хотя ранее, в прозаическом введении, и сказано о том, что пери утратили рай [Moore 1819: 141]. «Потерянный рай» у Жуковского, таким образом, обозначает мифологический топос рая, перенесенный из зоны христианской мифологии в ориентальную.

В. Г. Тепляков в «Пятой фракийской элегии» (1829) использует рассматриваемый образ для обозначения удела смертных — скорби земного существования:

...Скорбь земная
Стоит пред радужным дворцом,
Все входы сердцу возбраняя,
Как страж потерянного Рая,
Архангел с огненным мечом!..
[Гинзбург (ред.) 1972: 631]

Земная Скорбь (состояние падшего, материального человека) сравнивается с архангелом-стражем, стоящим на пути человека к духовной родине.

М. Ю. Лермонтов, вступая в творческий диалог с Мильтоном, использует его образ в вариантах поэмы «Демон» (1830–1831): здесь ангел назван «послом потерянного рая» [Лермонтов 2014: 494], а при обращении

³ Образу пери в русской поэзии посвящено одно из недавних исследований (см. [Жаткин, Долгов 2007: 3–8]).

к демону рассказчик восклицает: «Не воскресив душевной чистоты, / Ты не найдешь потерянный свой рай!» [Лермонтов 2014: 496].

Л. А. Мей, переводивший фрагменты «Потерянного рая» [Мей 1887: 109–120], в «Деревне» (1848–1849) использует метафору иронически, через грибоедовскую цитату «деревня летом — рай!» [Мей 1972: 96], противопоставляя Мильтоновы космические просторы уютной пасторальной реальности:

...о прежнем вспоминая,
Я умственно не отводил бы глаз
От оных мест потерянного рая
(Не Мильтона — могу уверить вас!),
Где услаждали молодость не книги,
А лес да луг с живою змейкой Скниги.
[Мей 1972: 97]

Здесь *потерянный рай* становится топологической метафорой книжной, условной местности.

Я. П. Полонский в стихотворении «В потерянном раю» (1876) создает самостоятельный сюжетный эпизод по мотивам поэмы Мильтона. Он рисует сцену встречи Сатаны и Евы после грехопадения, где праматерь поражает злого духа праведным гневом, и он видит в ее взоре «грозы божественной сверканье» [Полонский 1896: 288].

Социальная трактовка образа потерянного рая представлена в эпиграмматическом стихотворении А. М. Жемчужникова «О чести» (из цикла «Современные заметки», 1890), где через этот образ обозначается былое процветание дворянства и крепостное право:

Он, честь дворянскую ногами попирая,
Сам родом дворянин по прихоти судьбы,
В ворота ломится потерянного рая,
Где грезятся ему и розги, и рабы.
[Жемчужников 1901: 204]

Использование лексики с негативной семантикой заостряет социально-ироническую трактовку образа.

Анализируемое выражение также употреблено Жемчужниковым в его «отрывке» «Идеалисты и практики» (1857), где говорится о мечтателях: «Мы встретим / Их первых представителей у врат / Потерянного рая» [Жемчужников 1857: 435]. Так охарактеризован бесплодный ностальгический идеализм.

Как видим, в отечественной поэзии XIX в. выражение *потерянный рай* употреблялось как для описания библейского топоса (Жуковский, Полонский, пародийно — Мей, Жемчужников), так и в различных вариантах

метафорического переноса: для обозначения монархического прошлого Италии (Карабанов), для характеристики утраченного состояния человеческой души (Тепляков) и как образ покинутой родины (Лермонтов).

В эпоху Серебряного века метафора потерянного рая осмысливается в широком интертекстуальном поле. Так, в стихотворении Д. С. Мережковского «Франческа Римини» (1885) этот образ усиливает мотив отказа влюбленных от эдема ради своей страсти: «И нам не жаль потерянного рая, / И муки в рай любовь преобразила» [Мережковский 2001: 163]. Метафорой ушедшей весны потерянный рай становится в стихотворении «Ноябрь» (1895): «Блещет небо, догорая, / Как волшебная земля. / Как потерянного рая / Недоступные поля» [Мережковский 2001: 498].

Рассматриваемую метафору активно использовала М. А. Лохвицкая. В ее стихотворении «В монастыре» (1890) под потерянным раем понимается монастырь: «И заботы, и радости жизни земной / Заменяли б потерянный рай!» [Лохвицкая 1900а: 27]; в «Сонете VII» (1892) дается аллюзия на перевод Жуковского из Мура: «Как Пери льнет к потерянному раю, / Так о тебе тоскует вновь она» [Лохвицкая 1900а: 169]; в стихотворении «Что ищем мы в бальном сиянии...» (1893) потерянный рай соотносится с «волшебным неведомым краем» [Лохвицкая 1900а: 73], грезами и восторгами; в стихотворении «Весны утраченные дни...» (1893) метафора передает робкие знаки влюбленности [Лохвицкая 1900а: 87]; в «Триолете» (1896–1898) «вздых потерянного рая» означает воспоминание о детстве [Лохвицкая 1900б: 15]. Лохвицкая также приводит цитату из Мильтона как эпиграф к стихотворению «Искуситель» (1902–1904).

Психологическую трактовку метафоры использует в стихотворении «Вы помните — ночью, в углу разоренном...» (1916) В. А. Меркурьева, указывая на обманчивость идеализации былой любви: «Потерянный рай лишь нам видится раем — / Он не был тогда им, но станет теперь им» [Меркурьева 2007: 430].

Образ потерянного рая характерен для поэзии В. С. Соловьева. Как ироническое указание на вымышленный топос он употребляется в пьесе «Белая Лилия, или Сон в ночь на Покрова» (1878–1880), когда герой по имени Неплюй-на-стол кричит: «За мной — к потерянному раю!» [Соловьев 1974: 237]. В сатирическом стихотворении «Душный город стал несносен...» (1892) потерянный рай символизирует утраченные надежды на сельский покой [Соловьев 1974: 152–153]. Подобная пасторальная трактовка используется автором и в басне «Эфиопы и бревно» (1894), где условное место действия обозначено так: «В стране, где близ ворот потерянного рая / Лес девственный растет» [Соловьев 1974: 162].

У К. И. Чуковского в стихотворении «Памяти Толстого» (1902) *потерянный рай* становится метафорой творческой неуспокоенности великого писателя: «И в поиски потерянного рая всю душу страстную влагая, /

Ты мечешься во тьме и стонешь, и зовешь, / Отчаянье надеждой заменяя» [Чуковский 2013: 60].

Потерянный рай иногда трактуется как топос определенной местности. Так, в стихотворении Г. В. Иванова «Италия! твои Амуры имя пишут...» (1913–1914) объектом сравнения становится Италия: «Но, как отверженный к потерянному раю, / Душой к тебе стремлюсь» [Иванов 1994: 58]. Более абстрактно использует метафору как топологическое указание З. С. Давыдов в стихотворении «Угрюмо, тяжко спят граниты...» (1914). Поэт одушевляет городские камни, у которых «крылья перебиты», и рассуждает о том, что их «родимая сестра», необработанная порода, лежит «у врат потерянного рая, / У обретенного костра» [Давыдов 2011: 20].

Ф. К. Сологуб также пишет о потерянном рае: в стихотворении «Ты ко мне приходила не раз...» (1897) — как о топосе истинной любви («вокруг нас — потерянный рай» [Сологуб 2014: 423]); в стихотворении «Растревожил рану, а зачем?..» (1926) — как о знаке безысходности человеческой судьбы («Темен мир, и глух к тебе, и нем, / Не найдешь потерянный твой рай» [Сологуб 2020: 460]). В последнем контексте возвращение трактовки метафоры к байроническому ощущению мировой скорби связано с революционными переломами в жизни общества.

Таким образом, обращение к *потерянному раю* в поэзии Серебряного века продолжает служить указанием на мифологический топос (З. Давыдов), иногда в новых контекстах (например, в контексте Данте — у Мережковского). Вместе с тем объектами метафоризации становятся Италия (Г. Иванов), монастырь (Лохвицкая), весна (Мережковский), детство (Лохвицкая), утраченные наслаждения любви (Лохвицкая, Меркурьева, Сологуб), недостижимое — то, что живет только в мечтах (Чуковский, Сологуб). Метафора также употребляется как иронически сниженная — для обозначения ностальгического идеализма (В. С. Соловьев).

Очевидно, что исторический перелом повлиял на использование метафоры в послереволюционный период.

Метафора потерянного рая дважды встречается в поэзии В. В. Маяковского. В построенной по модели Евангелия поэме «Человек» (1916–1917), в части «Вознесение Маяковского», этот образ связан с утраченной любовью: «...распластался в моленьи / о моем потерянном рае» [Маяковский 2022: 83]. В «Мистерии-буфф» (1918) название поэмы Мильтона появляется в общем перечне религиозных книг: «Нам написали Евангелие, / Коран, / “Потерянный и возвращенный рай” / <...> / Каждая — радость загробную сулит, умна и хитра» [Маяковский 1956: 169].

В лирике И. А. Бунина образ потерянного рая возникает также лишь дважды — в период революционных потрясений [Бердникова 2008]. В стихотворении «О радость красок! Снова, снова...» (1917) лирический

герой выражает надежду на то, что Бог вернет ему снова радость своего присутствия [Бунин 2014: 175]. В 1919 г. поэт пишет стихотворение «Потерянный рай», где изгнанным из узорчатого рая оказывается русский народ [Бунин 2006: 184].

В поэзии рубежа 1910–1920-х гг. распространена метафорическая трактовка дореволюционной России как потерянного рая. Так, в элегическом «Послании епископу Трифону» (1918–1919) С. М. Соловьев размышляет о том, что вернуть эдем прошлой жизни, пусть и ненадолго, помогают стихи: «Стиха логическая власть, / Ты мне даешь упиться властью / Красой [утраченного] потерянного рая» [Соловьев 2024: 275].

Однако встречаются и более метафизические трактовки образа. Например, Н. Шапошников в стихотворении «Четвертая ступень» (1920) рассуждает о недостижимой родине человеческого духа: «Мы проснувшись вздыхаем / о потерянном рае. / Так идут входы в страну изначальную» [Шапошников 1921: 176].

Появляется и революционно-богоборческая трактовка потерянного рая как метафоры утраченной социальной справедливости. Т. И. Рагозин использует это выражение как указание на мир процветания, из которого народ изгнан и который нужно вновь завоевать: «Все ко мне! Я — ключ к свободе, / Дверь потерянного рая / Жизни» (цит. по [Саянский 1925: 214]). Как метафору украденных у пролетариев возможностей трактует потерянный рай и А. Б. Гатов в стихотворении «О доме, о дереве, о революции» (1935): у него столяр «разглаживал корни с отбитой корой, / Мечту о потерянном рае лелея» [Гатов 1935: 123].

Однако метафора библейского происхождения не приживается в советской поэзии, получая дальнейшее развитие в поэзии русского зарубежья.

У поэтов-эмигрантов можно проследить развитие трактовки образа потерянного рая не только как дореволюционной России, но и как России в целом. В подобном контексте употребляется метафора у А. П. Ладинского в стихотворении «У окна» (1933): «Так неутешны люди в церкви были, / Когда им пели там о небесах, / И о потерянном навеки рае» [Ладинский 2008: 243]. Появляются и философские прочтения образа потерянного рая, например, в стихотворении Ильязда (И. М. Зданевича) «Напрасно трепетный схватив перо...» (1941), где метафора обозначает цель творчества:

Напрасно трепетный схватив перо
пытается поэт листы марая
вернуть века потерянного рая
навек запрещенное добро.

[Ильязд 2004: 68]

В поэме-псалме Е. Ю. Кузьминой-Караваевой «Похвала труду» (между 1939 и 1942 г., опубл. в 1947 г.) образ утраченной духовной родины («Когда Адамом был потерян рай...» [Кузьмина-Караваева 2001: 265]) становится исходной точкой для размышлений о том, что человек в значительной мере искупает грешную участь трудом.

В лирике Ю. К. Терапиано из сборника «Странствие земное» (1944–1949) потерянный рай осмысливается как место, куда вернется душа после смерти (в «Психее»: «Прозреет Психея земная, / Вернется в потерянный рай» [Терапиано 1951: 18]), а также как символ драматического напряжения («Кот» [Терапиано 1951: 23]).

В стихотворении Д. И. Кленовского «Потому, что в этой жизни надо...» (1957) метафора обозначает обманчивое впечатление перспектив жизни:

Не бреду ли просто я, теряя
Свой же давний, полустертый след,
Тусклый луч потерянного рая
Принимая за грядущий свет.
[Кленовский 2011: 187–188]

Немногие стихотворения советской эпохи, в которых возникал образ потерянного рая, начали приходить к читателю в перестройку или в постсоветское время. Так, в «Возвращении» (опубл. в 1994 г.) из цикла «Колымские тетради» (1937–1956) В. Шаламова лирический герой задумывается о том, что настоящее творчество — всегда результат тяжелейших испытаний:

Вулканом трещины застонут,
И лава хлынет через край,
Тогда чертит рука Мильтона
Потерянный и возвращенный рай.
[Шаламов 2013: 68]

В послании Л. Черткова «Как в неземном высоком храме...» (1961–1962, опубл. в 1987 г.⁴) образ используется как метафора утраченной любви: «К вратам потерянного рая / Влача бессонную мечту» [Чертков 1987: 42]. В стихотворении Г. Семенова «Адам» («Когда синкопирует сердце, когда...», между 1962 и 1968, опубл. в 1988 г.) сочетаются темы любви и творчества, и метафора возвращается в контекст библейского сюжета: «Вместе бы в сад / и яблоки рвать бы, как все человеки»; «И ты мне ребро возвращаешь...» [Семенов 2004: 355].

⁴ Автор эмигрировал из СССР в 1974 г. Сборник с первой публикацией стихотворения вышел в Кельне.

Н. Горбаневская в 1965 г. пишет цикл «Потерянный рай». В нем мильтоновский образ упоминается в стихотворении «Ни элегий, ни од, ни эклог...» и знаменует расставание с прошлым:

Мой потерянный рай, засыпай,
засыпай, как звереныш слепой,
я захлопнула дверь за собой.
[Горбаневская 1969: 86]⁵

Потерянный рай возникает и в более позднем эмигрантском произведении Н. Горбаневской «Вот он идет навстречу мне в плаще-болонье...» (между 1983 и 1985) как знак утраченной возможности мирной жизни: «ладонь рождала вид потерянного рая»; «Одни болонки в том раю и нет овчарок» [Горбаневская 1986: 15].

В стихотворении Ю. Кублановского «Памяти друга» (1983) картины скудного социалистического быта оказываются чертами покинутой родины: «Мною нарочно потерянный рай: / хлеб под рогожей, под толем сарай» [Кублановский 1985: 17]⁶.

У Е. Шварц топос потерянного рая распространяется и на любимый героиней город: «А для меня его название — мой рай, потерянный мой рай» («Как эта улица зовется...» из сборника «Корабль», 1982, опубли. в 1985 г.⁷) [Шварц 1990: 55], и причиной ощущения потери становится утрата любви: «С “Славянкой” падает с обрыва мой Парадиз» [Шварц 1990: 55].

М. Айзенберг в стихотворении «В ту пятницу, а может, в ту субботу...» (1984)⁸ использует метафору *потерянный рай* для выражения пасторально-хиппианского единения людей на фоне позднесоветских реалий («пасынок убит в Афганистане», «на дверях ни одного замка»):

и уголки потерянного рая,
где по двое и по трое сидят,
гитара плачется и нежную траву
тихонько щиплет, слов не выбирая.
[Айзенберг 1993: 29]

В стихотворении И. Лиснянской «Зря таксист на клаксон нажимает...» (1983) состояние опьянения погружает героя в иллюзорный мир, где даже

⁵ Первая публикация стихотворения осуществлена в книге, выпущенной в ФРГ издательством «Посев».

⁶ Стихотворение написано Ю. Кублановским в период эмиграции.

⁷ Опубликовано в Париже, в газете «Русская мысль» от 27 декабря 1985 г. (№ 3601).

⁸ В советское время поэт не публиковался. Стихотворение было включено в его первый сборник стихов «Указатель имен», вышедший в 1993 г.

оживленная дорога кажется «тропочкой рая», однако после вмешательства милиционера

...Мильтон выронен в майскую лужу,
В майской луже — «Потерянный рай».
[Лиснянская 1984: 79]⁹

А. Величанский в стихотворении «Так пышат златом купола...» (1984) актуализирует теологическое содержание образа, связывая метафору с первым кровопролитием, идущим за грехопадением, и с опытом мистического откровения:

так на устах не крови вкус —
потерянного рая —
что испытал терновый куст,
горевший не сгорая?
[Величанский 1990: 192]¹⁰

Вероятно, первая (с 1930-х гг.) публикация нового стихотворения с метафорой *потерянный рай* состоялась в СССР в альманахе «День поэзии» (1986). У Н. Басовского («Посреди ежедневных забот...», 1986) потерянный рай ассоциируется с детством, ощущаемым ностальгически:

мне напомнит потерянный рай
громким пенем бессмертный трамвай
на крутом повороте.
[Басовский 1986: 201]

О. Мартынова в стихотворении «На сквозняке Европы» (1993–1997) ассоциирует метафору с великим прошлым:

Как будто бы Европа, умирая,
Скатилась в сад потерянного рая...
[Мартынова 1998: 9]

У Т. Щербини актуализируется оксюморонное звучание метафоры: дверь в запертый ад (упомянут Данте) ошибочно трактуется героиней как предопределенность дороги к потерянному раю, которую можно обрести «силою <...> оголтелой любви» («Я, наверно, потомок Колумба...», 1996) [Щербина 1997: 54–55].

⁹ В 1980-е гг. в течение семи лет И. Лиснянская, вышедшая из Союза писателей в знак протеста против исключения из него в 1979 г. Виктора Ерофеева и Евгения Попова, публиковалась только за рубежом. Стихотворение включено в сборник, напечатанный в 1984 г. в США.

¹⁰ Произведения А. Величанского со второй половины 1960-х гг. распространялись в самиздате. Первые поэтические сборники, включавшие стихи 1966–1975 гг., были изданы на средства автора в 1989 г. Стихотворение «Так пышат златом купола...» вошло в сборник «Времени невидимая твердь» (1990).

Таким образом, в русской поэзии XX в. после 1917 г. образ потерянного рая обретает несколько новых трактовок. В стихах советских авторов метафора библейского происхождения употребляется редко, в лирике русского зарубежья — значительно более активно. Наряду с традиционной тематикой утраченной любви (Маяковский, Семенов, Елена Шварц, Чертков), прошлого и детства (Басовский), встречается осмысление книги Мильтона (у Маяковского — осуждаемо религиозной, у Шаламова — как высокого поэтического достижения, у Лиснянской — как знака неуместной мечтательности). Потерянный рай получает метафизические, возвышенные трактовки: родины человеческого духа (Шапошников), цели творчества (Зданевич), исходной точки труда (Кузьмина-Караваева), конечной точки земного странствования (Терапиано), манящего прошлого (Кленовский), человеческого единства (Айзенберг), мистического опыта (Величанский).

Исторические трагедии XX в. приводят к формированию в русской поэзии двух новых трактовок метафоры. Первая из них, в богоборческом духе, определяет потерянный рай как упущенные социально-культурные возможности, которые должен вернуть себе пролетариат (Рагозин, Гатов). Вторая — осознание в качестве утраченного рая дореволюционной России, а затем и России как таковой (Бунин, С. М. Соловьев, Ладинский, Кублановский, Горбаневская, Басовский).

Источники

Айзенберг М. Н. Указатель имен: Стихи. М.: Гендальф, 1993. 160 с.

Басовский Н. Посреди ежедневных забот... // День поэзии 1986. М.: Советский писатель, 1986. С. 200–201.

Бунин И. А. Стихотворения: в 2 т. Т. 2. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Вита Нова, 2014. 544 с.

Величанский А. Л. Времени невидимая твердь. М.: Современник, 1990. 207 с.

Владыкин И. Потерянный и приобретенный рай. Поэма. СПб.: Артиллерийский шляхетный и кадетский корпус, 1776. 250 с.

Гатов А. О доме, о дереве, о революции // Красная новь. 1935. № 3. С. 123–124.

Гинзбург Л. Я. (ред.). Поэты 1820–1830-х годов: в 2 т. Т. 1. Л.: Советский писатель, 1972. 792 с.

Гнедич Н. И. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1956. 852 с.

Горбаневская Н. Стихи. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1969. 180 с.

Горбаневская Н. Где и когда: Стихи (июнь 1983 — март 1985). Париж: Kontakt, 1986. 54 с.

Давыдов З. Ветер. Стихотворения. М.: Водолей, 2011. 88 с.

Жемчужников А. М. Идеалисты и практики (Отрывок) // Русский вестник. 1857. Т. 7. Январь. Кн. 2. С. 435–437.

Жемчужников А. М. Стихотворения: в 2 т. Т. 1. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1901. XV, [I], 227 с.

Жуковский В. А. Стихотворения: в 13 т. Изд. 5-е. Т. 3. 1818–1821. СПб.: Придворная тип. В. Гаспера в Карлсруэ, 1849. [8], 295, [4] с.

Иванов Г. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. Стихотворения. М.: Согласие, 1994. 656 с.

Ильязд (Илья Зданевич). 1894–1975. 110 лет со дня рождения: [Стихотворения разных лет] / Вступ. ст. И. Дзуцевой (с. 30–34), А. Шахназаровой и М. Ляшенко (с. 35–40) // АБГ. 2004. № 8 (декабрь). С. 29–87.

Карabanов П. М. Стихотворения нравственные, лирические, любовные, шуточные и смешанные, оригинальные и в переводе. СПб.: Имп. типография, 1801. XII, 307 с.

Кленовский Д. Полное собрание стихотворений. М.: Водолей, 2011. 704 с.

Кублановский Ю. Отгиск. Париж: YMCA-Press, 1985. 70 с.

Кузьмина-Караваева Е. Равнина русская. СПб.: Искусство-СПб., 2001. 767 с.

Ладинский А. П. Собрание стихотворений. М.: Викмо-М; Русский путь, 2008. 368 с.

Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. СПб.: Изд. Пушкинского Дома, 2014. 704 с.

Лиснянская И. На опушке сна. Ann Arbor, Michigan: Ardis Publishers, 1984. 102 с.

Лохвицкая М. А. Стихотворения: в 2 т. Изд. 2-е. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1900. Т. 1. 1900а. [4], 192, IV с.; Т. 2. 1900б. [4]. 105, III с.

Мартынова О. Четыре времени ночи. СПб.: Камера хранения, 1998. 54 с.

Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 2. М.: Советский писатель, 1956. 522 с.

Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 20 т. Т. 5. М.: Наука, 2022. 512 с.

Мей Л. А. Полное собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. СПб.: Н. Г. Мартынов, 1887. 350 с.

Мей Л. А. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1972. 680 с.

Мережковский Д. С. Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический проект, 2001. 928 с.

Меркурьева В. Тщета: собрание стихотворений. М.: Водолей Publishers, 2007. 608 с.

Милтон Дж. Потерянный рай, поэма героическая / Пер. с фр. архиепископа Амвросия (Серебренникова). М.: Тип. Н. Новикова, 1780. 460 с.

Мильтон Дж. «О Муза, в небесах живущая, святая!»; «Осанкой, поступью превосходящий всех...»; «Виножник моего создания, любезный...»

[Перевод Я. А. Галинковского] // Корифей, или Ключ литературы. 1807. Ч. 2. Кн. 11. С. 55–57, 61–62, 75–76.

Мильтон Дж. Потерянный и возвращенный рай / Пер. с англ. А. Шульговской. СПб.: А. Ф. Маркс, 1878. 316 с.

Мильтон Дж. «Погубленный рай». Книги I, IX / Пер. А. Г. Строганова // Левин Ю. Д. История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. Т. 2. С. 194–218.

Мильтон И. Потерянный рай. Поема Иоанна Мильтона / Пер. с аглинского В. П. Петрова. СПб.: Императорская Академия наук, 1777. 107 с.

Мильтон И. Потерянный рай: в 2 ч. / Пер. с аглинского Ф. Загорского. Ч. 1. М.: Селивановский и товарищи, 1795. [2], 334 с.

Мильтон И. Потерянный рай, поэма Иоанна Мильтона, в трех частях, с присовокуплением «Возвращенного рая» / Пер. с англ. С. Писарева. М.: П. А. Глушков, 1871. 360 с.

Муратова К. Д. (ред.). К истории литературных полемик XVIII в. («Обед Мидасов») / Публикация В. П. Степанова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1976 год. Л.: Наука, 1978. С. 131–146.

Николаев С. И., Степанов В. П. Владыкин Иван Афанасьевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1 (А–И). Л.: Наука, 1988. С. 160–163.

Полонский Я. П. Полное собрание стихотворений: в 5 т. Т. 2. СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1896. 460 с.

Саянский А. Партизанские поэты Минусинского фронта (очерк поэзии газеты «Соха и Молот») // Сибирские огни. 1925. № 1. С. 207–223.

Семенов Г. С. Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический проект, 2004. 528 с.

Соловьев В. С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л.: Советский писатель, 1974. 352 с.

Соловьев С. М. Послание епископу Трифону // Владимир Соловьев. Материалы и исследования: эпоха, люди, идеи. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. С. 259–276.

Сологуб Ф. К. Полное собрание стихотворений и поэм: в 3 т. Т. 2. Кн. 1. СПб.: Наука, 2014. 992 с.; Т. 3. СПб.: Наука, 2020. 944 с.

Терапиано Ю. Странствие земное. Париж: Рифма, 1951. 43 с.

Чертков Л. Огнепарк. Кельн: Изд. авт., 1987. 56 с.

Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 11. Дневник 1901–1921. М.: Терра – Книжный клуб, 2006. 592 с.

Шаламов В. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. Стихотворения. М.: Терра – Книжный клуб Книгобек, 2013. 512 с.

Шапошников Н. Стихотворения // Записки мечтателей. Пб.: Алконост, 1921. № 2–3. С. 173–176.

- Шварц Е.* Стихи. Л.: Новая литература, 1990. 120 с.
Щербина Т. Жизнь без: Стихи: Мюнхен — Париж — Москва, 1992–1996. М.: Золотой век, 1997. 80 с.
Moore Th. The Works. Paris: Galignani, 1819. XIV, 292 p.
-

Литература

- Бердникова О. А.* Возвращение в «потерянный рай» (некоторые аспекты художественной антропологии И. А. Бунина) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 5. С. 289–295.
- Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г.* Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: в 2 т. Т. 2. Магнитогорск, Greifswald: МаГУ; Ernst-Moritz-Arndt-Univ., Inst. für Slawistik, 2008. 737 с.
- Гарипова Г. Т.* Мифообраз «хрустального потерянного рая» В. Маяковского в компаративном контексте русской литературы XX века // Русистика и компаративистика. 2023. Вып. XVII. С. 210–220.
- Жаткин Д. Н., Долгов А. П.* Пери в русской поэзии // Русская речь. 2007. № 3. С. 3–8.
- Матушкин Д. Я.* Концепт «потерянный рай» в творчестве Ф. М. Достоевского // Материалы международной научной конференции «Духовно-нравственные основы творчества Ф. М. Достоевского» (30 сентября 2021 г.): сб. науч. статей / Отв. ред. Н. В. Осипова. Гжель: ГГУ, 2021. С. 113–118.
- Павлова А. Э., Ермакова Л. А.* Особенности функционирования интертекстымы «потерянный рай» в русской рок-поэзии XX–XXI веков // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 4 (23). С. 74–82.
- Паринова А. С.* Мотивный комплекс рая в русской литературе под влиянием поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай» // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2019. № 2 (20). С. 13–15.
- Шевцова Д. П.* Мифологема «потерянный рай» в культурах дохристианской Европы // Достижения вузовской науки. 2016. № 1. С. 38–43.
-

References

- Berdnikova O. A. [Return to the paradise lost (some aspects of I. A. Bunin's artistic anthropology)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2008, no. 5, pp. 289–295. (In Russ.)
- Berkov V. P., Mokienco V. M., Shulezhkova S. G. *Bol'shoi slovar' krylatykh slov i vyrazhenii russkogo yazyka: v 2 t.* [The Great Dictionary of famous words and expressions of the Russian language: in 2 volumes]. Vol. 2. Magnitogorsk, Greifswald, Magnitogorsk State University, Ernst-Moritz-Arndt-Univ., Inst. für Slawistik Publ., 2008. 737 p.

- Garipova G. T. [Mythic image of V. Mayakovsky's "crystal lost paradise" in the comparative context of XX century Russian literature]. *Rusistika i komparativistika*, 2023, no. XVII, pp. 210–220. (In Russ.)
- Matushkin D. Ya. [The concept of "paradise lost" in F. M. Dostoevsky's works]. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Dukhovno-nravstvennye osnovy tvorchestva F. M. Dostoevskogo" (30 sentyabrya 2021 g.): sb. nauch. statei* [Proceedings of the international scientific conference "Spiritual and moral foundations of the work of F. M. Dostoevsky" (September 30, 2021): collection of scientific articles]. Gzhel', Gzhel State University Publ., 2021, pp. 113–118. (In Russ.)
- Parinova A. S. [The motif complex of paradise in Russian literature under the influence of J. Milton's poem "Paradise Lost"]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo*, 2019, no. 2 (20), pp. 13–15. (In Russ.)
- Pavlova A. E., Ermakova L. A. [Functionality features of the intertexteme "paradise lost" in Russian rock poetry of the 20th–21st centuries]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik*, 2020, no. 4 (23), pp. 74–82. (In Russ.)
- Shevtsova D. P. [The "paradise lost" mythologem in the cultures of pre-Christian Europe]. *Dostizheniya vuzovskoi nauki*, 2016, no. 1, pp. 38–43. (In Russ.)
- Zhatkin D. N., Dolgov A. P. [Peri in Russian poetry]. *Russkaya rech'*, 2007, no. 3, pp. 3–8. (In Russ.)

«Поэтика слова» Л. Н. Толстого

Ангелика Молнар, Институт славистики Дебреценского университета (Венгрия, Дебрецен),

mandzsi@gmail.com

DOI: 10.7868/S3034592826030099

АННОТАЦИЯ: Анализ звуковых повторов и поэтической этимологии позволяет глубже понять смысловую структуру художественного произведения. Особого внимания заслуживает метод «поэтики слова», разработанный В. П. Григорьевым. Этот метод помогает выявить скрытые в звучании ассоциации и семантические переключки. Фонограмматические секвенции в романе «Анна Каренина» Л. Н. Толстого играют ключевую роль в формировании глубинных смысловых связей и символических полей текста. Цель статьи — выявить и интерпретировать эти семантические и поэтические соотношения, позволяющие рассматривать «Анну Каренину» не только как социально-психологическую драму, но и как сложный поэтический текст, насыщенный внутренними ритмами, повторами и созвучиями. В центре внимания — значимые фонические параллели, например цепочки «Анна — странная» или «Каренин — карьера — карета», формирующие особую поэтическую ткань романа. Они раскрывают характеры и действия героев, их конфликты и мотивы, отражают социальный статус и эмоциональное состояние. Особое значение приобретает эпизод скачек, где звуковая организация и лексические повторы усиливают драматизм происходящего и одновременно выявляют знаковые и смысловые связи. Такой подход демонстрирует, что художественная выразительность языка становится неотъемлемой частью прозаического устройства «Анны Карениной», формируя поэтическую картину мира и идиостиль Л. Н. Толстого.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Л. Н. Толстой, «Анна Каренина», В. П. Григорьев, поэтический анализ, звуковые повторы, лексические повторы, скачки, образы героев
для цитирования: Молнар А. «Поэтика слова» Л. Н. Толстого // Русская речь. 2026. № 3. С. 108–119. DOI: 10.7868/S3034592826030099.

The Language of Fiction

L. Tolstoy's "Poetics of the Word"

Angelika Molnar, University of Debrecen, Institute of Slavic Studies (Hungary, Debrecen),
mandzsi@gmail.com

ABSTRACT: The analysis of sound repetitions and poetic etymology makes it possible to gain a deeper understanding of the semantic structure of a literary work. Of particular importance is the method of the "poetics of the word," developed by V. P. Grigoriev, which helps to uncover hidden associations and semantic resonances within the sound of words. Phonogrammatic sequences in Leo Tolstoy's "Anna Karenina" play a key role in shaping the profound semantic connections and symbolic fields of the text. The aim of this article is to identify and interpret these semantic and poetic correlations, which allow us to view "Anna Karenina" not only as a socio-psychological drama, but also as a complex poetic text, rich in inner rhythms, repetitions, and sound correspondences. The focus is on significant phonic parallels such as the chains "Anna — strannaya" ['strange'] or "Karenin — career — carriage", which create a distinctive poetic fabric of the novel. These patterns reveal characters and their actions, conflicts and motives, while also reflecting their social status and emotional state. Of special relevance is the episode of the horse race, where the sound patterning and lexical repetitions intensify the drama of the scene while simultaneously highlighting the discursive interplay of semiotic and semantic connections between the image of the horse and that of the heroine. This approach demonstrates how the poetry of the word — the expressive power of language — becomes an integral part of the prose structure of "Anna Karenina", shaping Tolstoy's poetic worldview and his individual style.

KEYWORDS: L. Tolstoy, "Anna Karenina", V. P. Grigoriev, poetic analysis, sound repetitions, lexical repetitions, horse race, images of heroes

FOR CITATION: Molnar A. L. Tolstoy's "Poetics of the Word". Russian Speech = Russkaya Rech'. 2026. No. 3. Pp. 108–119. DOI: 10.7868/S3034592826030099.

Введение

Интерес к поэтике прозаического слова Л. Н. Толстого остается актуальным и сегодня. В то время как Барбара Лённквист анализирует мотивную структуру романа, обращаясь к символике огня и железа [Лённквист 2010], Полина Чересюк на примере свечи демонстрирует метафорическую креативность писателя: «Образ Анны Карениной дополняется за счет наглядно-чувственных представлений и возникающих ассоциативных связей» [Чересюк 2021: 2707]. Лилия Мигранова продолжает изучение символичности таких образов, как огонь или свеча [Мигранова 2008], а Валерия Андреева отмечает, что символ в романе «Анна Каренина», в том числе образ железа, «помогает организовать автору стереоскопическое изображение, мироподобную структуру, в которой, в свою очередь, только и возможно появление ряда смысловых сцеплений» [Андреева 2010: 92]. Жанна Суркова рассматривает сюжетно-образное оформление темы жизни и смерти [Суркова 2003], а Антон Райков исследует способы, с помощью которых слово отражает патологические отношения героев [Райков 2016]. Арпад Ковач применяет более комплексный метод для изучения поэтики создания образа героини в романе «Анна Каренина», в рамках которого выявляется звуковая связь «Каренин — кара» [Kovács 2020].

В. П. Григорьев убедительно показал специфику языка поэтов, говоря о необходимости выделять звуковые повторы, ритм, фонические особенности слова, которые создают поэтическое значение [Григорьев 1979; Григорьев 1986]. Подобное утверждение встречается и в его более ранней работе: «Приемы звуковой инструментовки, выбора и столкновения вариантов, различные повторы, игра слов распространяются, по-видимому, на все без исключения элементы поэтического языка» [Григорьев 1965: 21]. Представляется необходимым рассмотреть, каким образом подобные приемы реализуются в идиостиле романиста. Исследование поэтики Л. Н. Толстого должно опираться на его собственные теоретические положения о звуковой организации, варьировании и сопоставлении элементов. Современное толстоеведение, таким образом, получает возможность продуктивно использовать лингвопоэтические новаторства — прежде всего на уровне элементарных языковых единиц, звуковых повторов и аттракций — для анализа уникальных механизмов семантизации и смыслопорождения в текстах классика. Звук в художественном тексте играет не меньшую роль, чем значение: он способен формировать ассоциативные ряды, фонические повторы, выражающие индивидуальную картину мира автора. На эту особенность толстовского идиостиля ранее не обращали достаточного внимания, поскольку поэтическая функция звуковых повторов традиционно рассматривалась исключительно в связи с поэзией.

Литературный язык Л. Н. Толстого, несмотря на кажущуюся простоту, обладает значительной поэтичностью, в том числе на уровне фонограмматических построений. Без анализа звукобуквенного уровня невозможно полноценно выявить связи с другими уровнями текста, прежде всего соотношение звука и смысла. Исследование ряда звуковых образов у Л. Н. Толстого позволяет говорить о функции так называемой «поэтической (квази)этимологии» — основанной на (не)случайном знаковом сходстве слов, порождающем новые смысловые отношения в поэтическом тексте. Подобные приемы обнаруживаются и в прозе писателя, особенно в именах главных героев романа «Анна Каренина»: например, сближение имени Анна со словом «странная», фамилии Вронского — с «паровозом», а фамилии Каренина — с «каретой».

Конструирование этих образов на основе нетрадиционного сочетания созвучных слов требует отдельного исследования. Наш анализ второй части романа сосредоточен на раскрытии таких созвучий, в частности пары «кольцо — коляска», которая формирует дополнительную семантику в прозаическом тексте. Визуализация аудиальных связей как новый подход к толстовскому материалу позволяет предложить свежие интерпретации отдельных эпизодов романа, например скачек, которые не раз становились объектом внимания исследователей творчества Л. Н. Толстого. Авторы соответствующих работ рассматривают реальный прообраз красносельских скачек и их роль в структуре романа [Гужиева 2007] и показывают, что скачки играют важную роль в развитии сюжета и раскрытии характеров и душевного состояния героев, особенно Вронского и Анны. Хотя звуковой аспект не является центральным, эти работы представляют ценность как контекстуальный материал по символике скачек, системе метафор и мотивов. Так, Валентина Ветловская в своей статье анализирует поэтическую структуру романа, включая использование неоднозначных мотивов. Она подчеркивает: «Сцена скачек служит символическим центром романа, с которым все остальные мотивы той же неоднозначной природы соотносятся по принципу иерархического подчинения и детализации» [Ветловская 1979: 19].

В этих исследованиях обсуждаются противоречивые критические оценки образа скачек: с одной стороны, они воспринимаются как элемент глубокого психологизма романа, с другой — как символ насилия и разрушения, ведущий к гибели героев. Распространено мнение, что Вронский, сломав спину своей скаковой лошади Фру-Фру, тем самым символически «сломал» и жизнь Анны. Вместе с тем гибель героини обусловлена и другим значимым образом — образом поезда, который, подобно металлическому техногенному монстру (переносно «коню» ≈ «гладиатору»), наступает и уничтожает живое существо. Созвучие между фамилией Вронского

и словом «паровоз», а также другие образные параллели, подтверждают такую интерпретацию. Далее с помощью анализа цитат, в которых жирным шрифтом выделены интересующие нас фрагменты, выявим, как упомянутые дискурсивные соотношения разворачиваются в сценах скачек.

Анализ

На первый взгляд может показаться странным, но в тексте романа заметно образное сближение «лошади» с ее хозяином. Перед скачками животное громко дышит, пытается схватить Вронского: «**Она звучно втянула и выпустила воздух из напряженных ноздрей, вздрогнув, прижала острое ухо и вытянула крепкую черную губу ко Вронскому, как бы желая поймать его за рукав. Но, вспомнив о наморднике, она встряхнула им**». А Вронский «чувствовал, что **кровь прилиwała ему к сердцу** и что ему так же, как и лошади, хочется двигаться, кусаться» [Толстой 1934: 192]. Фоническая организация описания Фру-Фру переключается с чертами самого Вронского, что указывает на символическую связь между образом животного и героя.

Это в свою очередь наводит на мысль о первой ночи Вронского и Анны, когда героине кажется, будто он ведет себя агрессивно, словно хищник: он «кусается», как зверь (у него крепкие зубы и челюсть). При этом их близость проявляется и в переносном плане, в параллельной презентации образов: перед скачками Вронский одновременно испытывает страх и радость — чувства, сходные с внутренним состоянием Анны после бала. Герою, как и героине, необходимо «успокоиться», однако постоянные напоминания близких о его связи с Анной выбивают Вронского из равновесия: он даже «покраснел» [Толстой 1934: 193], что в большей степени свойственно Анне, а не ему. Реакция Вронского на слова брата проявляется в телесной детализации: «выдающаяся нижняя челюсть его **дрогнула**, ... у него **дрожа** подбородок, ... и он был **опасен**», что свидетельствует о сильных эмоциях [Толстой 1934: 204]. Эти телесные проявления подкрепляют идею о том, что психическое состояние Вронского отражается в конкретных физических реакциях. Сравнивая эти эпизоды с другими, где он сохраняет холодность или контроль, замечаем, что именно упоминание Анны вызывает у него необычную возбудимость, которая на фоническом уровне проявляется через звуковые повторы «дро», создавая акустическое выражение его внутреннего напряжения.

Он отправляется к Анне, стремясь осмыслить происходящее с ней наедине, в замкнутом пространстве кареты (каре́та = закрытая коляска). Анна в порыве нежности вместо слов берет его лицо в руки и целует в губы; при этом ее губы автор описывает как «улыбающиеся», — этот поэтический

эпитет, несмотря на свою частотность, акцентирует эмоциональный подтекст сцены. Всегда новая красота Карениной поражала, и теперь она поражала Вронского, подрывая его решимость относительно «очищения» их двусмысленного положения и возвращая его к чувству любви, противостоящему долгу.

Отметим, что Анна, ожидая сына и Вронского, прижимает лоб к холодной лейке — жест, символизирующий попытку остудить внутренний жар. Аналогичный мотив появляется в сцене в поезде, где металлический столбик «охлаждает» ее страсти по пути домой после бала. Жар и огонь выступают как сквозные образы, связанные с образом Анны. Напомним, что образ героини в романе сопоставим с «поджарой красавицей» Фру-Фру, у которой огонь в глазах [Толстой 1934: 204].

На языковом уровне прослеживаются дополнительные переключки между образами лошади и героини. Так, Фру-Фру описывается как «караковая», что созвучно с фамилией Анны — «Каренина». Внешние характеристики лошади создают ассоциативную близость с фигурой героини: темная масть, атласная кожа, крепкое, полное и изящное телосложение. Обе они «чистокровны», однако не являются безукоризненными — как в прямом, так и в переносном смысле.

Имена персонажей в романе соотносятся с их характерными чертами. Вронский как мужчина всегда «гордый» и «твердый», но в момент эмоционального сближения с Анной его лицо отражает «покорность, рабскую преданность» [Толстой 1934: 197] — черту, которую героиня воспринимает как доказательство любви («подкупала ее»). В этот момент глаза Анны блестят, она играет рукой «с рваным листом», а тело дрожит, «трясется» [Толстой 1934: 197] — так же, как и тогда, когда они находились на вокзале, где поезд сбил человека, а Вронский пытался «подкупить» ее, передав деньги вдове погибшего железнодорожника. Это состояние сопоставимо с возбуждением Фру-Фру перед скачками: лошадь «продолжала дрожать, как в лихорадке» [Толстой 1934: 205]. Отметим, что платформа также «задрожала» по прибытии паровоза, создавая параллель с реакцией Вронского. Эта параллель снова подчеркивает значимость фонических и ритмических элементов для формирования поэтической ткани произведения.

Когда Вронский на даче замечает, что Анна «взволнована», как и его кобыла, он начинает рассказывать ей о предстоящих скачках, стремясь успокоить. Вронский испытывает «волнение» одновременно и по отношению к Анне, и по отношению к лошади. Это чувство передается («сообщилось») ему от них. Аналогичная «передача состояния» происходит на даче, когда Анна «сообщает» Вронскому о своей беременности — ее улыбка и раздражение оказывают на него непосредственное воздействие. Таким

образом, смерть животного и новая жизнь (беременность Анны) уравниваются на уровне метафорического кода романа. Анне кажется, что, отпуская ее руки, Вронский «понял всё значение этого события», однако он не оправдывает ее ожиданий и не реагирует так, как она надеялась [Толстой 1934: 197–198].

Когда Вронский успокаивает Фру-Фру, он называет ее «милая» — обращение, характерное для влюбленного мужчины. Он любит Анну так же, как и своей лошадью. Английская лошадь, как и героиня, отличается энергичностью, нежным, «говорящим взглядом» [Толстой 1934: 211]. Лошади надевают «намордник», и в этом смысле Анна также «обезмолвлена»: она молчалива, скрытна, не выражает свои чувства открыто, хотя глубоко переживает. Подобно Вронскому, она употребляет иностранные слова, особенно английские, а при избегании прямого обращения на «вы» или «ты» предпочитает французские формы. Это характерная особенность дворянского двуязычия в России XIX в., которая отражает определенную искусственность и условность общения в этой среде.

Анна теряет способность говорить в моменты, когда нужно принять решение. Именно неспособность выразить словами свой кризис усугубляет конфликт. С точки зрения Вронского, она становится «странной» — не желает определенности и уклоняется от обсуждения их положения: она, «радостная», «настоящая Анна, уходила куда-то в себя и выступала другая, странная, чуждая ему женщина» [Толстой 1934: 199]. Он любит нежную Анну, но не принимает ее «твердую» и уклончивую сторону. Текст подчеркивает двойственность героини. Следует отметить, что скаковые лошади сравниваются со «странными огромными птицами» [Толстой 1934: 204], а Фру-Фру, «взволнованная и слишком нервная», обозначаемая теми же словами, что и Анна — в итоге действует как птица: над рекой «незаметно, как бы летя, взвилась» [Толстой 1934: 207–208].

Мотив езды, в частности «скачки», в романе не только служит фоном для действия, но и метафорически-концептуально отражает внутреннее состояние героев и развитие сюжетных линий. Направленная к Анне и обратно «быстрая езда» на тройке символически освежает Вронского, оживляет его и наполняет предвкушением ночного свидания. Даже при угрозе опоздания на скачки он все же заезжает к товарищу, сдерживая данное слово, что свидетельствует о его «твердом» характере. Тренер пытается его успокоить: «Всё исправно ... не будьте взволнованы» [Толстой 1934: 202].

Напряжение героя передается и животному: «выпуклые» глаза Фру-Фру наливаются кровью и скашиваются, а ее точеные ноги переступают одна за другой в нервном ритме [Толстой 1934: 192]. Подобная «точность» прослеживается и у Анны — ее шея, а также легкая и быстрая походка

многократно подчеркиваются в тексте. Движения кобылы сравниваются с машиной — она переступает «как на пружинах» [Толстой 1934: 204], что усиливает механистический образ скачек. Нервная перед стартом, Фру-Фру пытается освободиться из упряжки.

Тем не менее в момент скачки между наездником и лошадью устанавливается гибкое взаимодействие. Гармония между ними достигается в эпизоде прыжка через реку: «После реки Вронский овладел вполне лошадью» [Толстой 1934: 208]. Перед этим лошадь, «стараясь обмануть седока, вытягивала поводья», выступая активным субъектом в отношениях со всадником [Толстой 1934: 206]. Тренер советует Вронскому не торопиться и полагаться на животное. Этот совет, актуальный и для отношений с Анной, оказывается проигнорированным, что приводит к трагедии: гибели Фру-Фру и моральному краху героя. Вронский вновь «опаздывает», как и из-за посещения Анны, и теряет контроль. На уровне лексики скачка и Анна сопрягаются через звуковые и смысловые рифмы: «**нервная** лошадь — **взволнованная Анна**», «**погубленная** лошадь — **проигранная скачка / Анна**» [Толстой 1934: 211]. Желание Вронского «поскорее кончить» с их положением приводит к фатальному исходу — он теряет и возлюбленную, и собственную жизнь.

Трагические последствия скачек затрагивают и других всадников: многие получают травмы. Изначально одна дама воспринимала скачки как развлечение, «цирк», но вскоре зрелище приобрело совсем иной характер и стало схоже с гладиаторским боем: «недостает только **цирка** со львами» [Толстой 1934: 221]. Имя «Гладиатор» — неслучайное обозначение одного из коней, участвующих в скачке. Он представляет собой мощного и опасного соперника Фру-Фру. На нем едет Махотин, который и одерживает победу. Несмотря на свою рыжеватую масть, Гладиатор в большей степени символизирует Вронского, который следит за соперником и стремится к победе; именно это и приводит к гибели Фру-Фру, а также к внутреннему крушению самого героя. Вронский отворачивается от жеребца, как от «чужого письма». Это сравнение подчеркивает его последующее отчуждение. Фру-Фру, возбужденная состязанием с Гладиатором, совершает прыжок слишком рано и, задев Вронского, бросает ему в лицо «**комок грязи**» [Толстой 1934: 208]. Этот «комок» становится вещной метафорой угрозы, нависшей над Анной в свете общественного осуждения («грязи» светской критики).

Перед скачками Вронского раздражает и его брат, Александр Вронский, который подвергает сомнению чистоту связи с Анной. Имя брата созвучно с отчеством Каренина, что усиливает параллели: оба — представители власти, карьеристы, лицемеры. Такая же зависть и амбиция, как у брата или соперника, приводят Алексея Вронского к катастрофе. Он стремится

продемонстрировать мастерство перед царем и его семьей: «Большой барьер стоял пред самой царской беседкой» [Толстой 1934: 208]. Этот барьер выступает не только как конкретное препятствие, но и как символическое, отражая напряжение Вронского, возникающее перед необходимостью доказать свое превосходство. Анна же еще не осознает честолюбивых карьерных устремлений своего возлюбленного. Тем не менее по звучанию имя «Алексей» роднит его с Карениным — с «лакеем», и в этой созвучности заключено важное символическое указание: оба персонажа предстают как воплощение порядка и социальной структуры, от которых она одновременно зависит и стремится освободиться. И все же оба мужчины становятся «центрами» жизни героини. Анна одновременно ощущает их присутствие и влияние: она переживает за Вронского, участвующего в скачках, и за мужа, у которого тоже «скачки». Скачки — слово, которое Каренин произносит с многозначительной двусмысленностью и которое может относиться как к служебной карьере, так и к брачным испытаниям. Сказав, что его «скачка труднее», муж останавливает взгляд на жене, и его лицо становится «строго» [Толстой 1934: 220]. Так «скачка» превращается в метафору социальных и психологических соревнований между персонажами.

Каренин сначала пытается убедить себя, что в поведении Анны нет ничего предосудительного. Однако реакция жены на падение Вронского раскрывает ее внутреннее состояние. Анна дрожит, теряет самообладание, и Каренин «читает» это лицо как текст, расшифровывая собственные страхи. Вронского охватывает «ужас» — и это чувство соотносится в тексте не только по смыслу, но и звуко-буквенно со словом «муж», поскольку их сочетание встречается в соседних или одних и тех же предложениях.

После падения Вронского Анна протягивает руку Каренину лишь при третьей его попытке взять ее под руку и уходит с ним в состоянии оцепенения, почти подобном сну. Позже Анна испытывает страх из-за наступившей **кары** — объяснения с мужем. Разговор между супругами происходит в **кажете** — слово созвучно фамилии **Каренин**. Это фоническое сближение подчеркивает семантическую связь между персонажем, вещью и ситуацией в тексте романа. Каренин размышляет в транспортном средстве — своеобразной метафоре неизбежного движения к катастрофе (подобно поезду, паровозу — Вронскому). Муж осуждает «отчаяние» жены «при падении одного из ездоков», мотивируя это «долгом», а не чувством [Толстой 1934: 223]. Каренин вновь не произносит того, что хотел сказать, потому что, как и Вронский, он не понимает уклончивую Анну. Ее улыбка превращается в «странную» гримасу и, кажется, подтверждает подозрения мужа. Отчаяние Анны переносится на Каренина:

его лицо холодеет, становясь символом смерти и разрушения, воплощенного в мнимой защите своей «чести» и «карьеры». Так завершается звуковой повтор, формирующий глубокую смысловую связь: **Каренин — кара — карета — карьера**.

Заключение

Наши наблюдения над текстом опираются прежде всего на анализ его поэтического языка, хотя в ряде случаев результаты этого анализа могут показаться несколько субъективными. Вместе с тем возможные связи не являются произвольно ассоциативными: напротив, они обоснованы содержанием романа и формируют семантическую парадигму, где каждое слово и жест обретают многослойную значимость. В результате фонических переключек между словами, образующими поэтические поля, предметные значения переходят в символические и обрastaют многозначностью. Создавая смысловые соотношения, звуковые повторы порождают связи между элементами индивидуальной картины мира Л. Н. Толстого.

На основе изучения звуковых повторов было проведено исследование некоторых «звуковых метафор» Л. Н. Толстого, превращающих прозаический текст в поэтическую структуру. Таким образом выявлялись неожиданные связи между темой («любовь и смерть») и языковой презентацией этой темы в романе. Подводя итог, можно сказать, что эти элементы становятся важными компонентами текста, объединяя сюжетные линии и раскрывая трагическую судьбу героини не только через события, но и через поэзию языка.

Скачки в романе выступают не только как реальные события, но и как текстовый фрагмент с мощными звуковыми и смысловыми метафорами. Эти метафоры переплетаются как в пределах отдельной главы, так и в контексте всего романа. Образы Анны и кобылы Фру-Фру тесно переплетаются: животное, участвующее в скачках, символизирует жизненные испытания героини. Мы также продемонстрировали связь между животным и Вронским, каретой и Карениным. Эти семантические связи раскрывают глубинные мотивы романа, показывая, как звук и образ служат инструментами выражения его поэзии. Следовательно, поэтический талант писателя демонстрирует более высокий уровень художественной выразительности, чем можно ожидать от прозы.

Источник

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 тт. Т. 18. М.: Художественная литература, 1934. 571 с.

Литература

- Андреева В. Г. Символика в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // Вестник КГУ. 2010. № 4. С. 88–92.
- Ветловская В. Е. Поэтика «Анны Карениной» (система неоднозначных мотивов) // Русская литература. 1979. № 4. С. 17–37.
- Григорьев В. П. Словарь языка русской советской поэзии / Отв. ред. В. В. Виноградов. М.: Наука, 1965. 228 с.
- Григорьев В. П. Поэтика слова: на материале русской советской поэзии / Отв. ред. А. Д. Григорьев. М.: Наука, 1979. 343 с.
- Григорьев В. П. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта / Отв. ред. А. Д. Григорьев. М.: Наука, 1986. 255 с.
- Гужиева Н. В. Изображение «красносельских скачек» в «Анне Карениной» Л. Толстого: Жизненный прообраз, функция в романе, парадоксы критики. // Очерки истории Красного Села и Дудергофа. СПб., Муниципальный совет мун. обр. г. Красное Село, 2007. С. 339–355.
- Лённkvист Б. Путешествие вглубь романа. Лев Толстой: Анна Каренина. М.: Языки славянской культуры, 2010. 128 с.
- Мигранова Л. Ш. Метафора как фрагмент ценностной картины мира Л. Н. Толстого (на материале романа «Анна Каренина») // Вестник Башкирск. ун-та. 2008. № 4. С. 967–971.
- Райков А. А. «Анна Каренина». Пять сочинений // Нева. 2016. № 1. С. 191–211.
- Суркова Ж. Л. Поэтика романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2003. 17 с.
- Чересюк П. А. Метафора как средство словесно-художественной креативности Л. Н. Толстого (на материале романа «Анна Каренина») // Филологические науки. 2021. Т. 14. № 9. С. 2705–2709.
- Kovács Árpád. Test és karizma az „Anna Karenina” című regényben // Szenvedély, Formák, Vallomások. Pozsony: Kalligram, 2020. P. 160–176.

References

- Andreeva V. G. [Symbolism in L. N. Tolstoy's novel "Anna Karenina"]. *Vestnik KGU*, 2010, no. 4, pp. 88–92. (In Russ.)
- Cheresyuk P. A. [Metaphor as a means of verbal-artistic creativity of Leo Tolstoy (based on the novel "Anna Karenina")]. *Filologicheskie nauki*, 2021, vol. 14, no. 9, pp. 2705–2709. (In Russ.)
- Grigor'ev V. P. *Slovar' yazyka russkoi sovetskoi poezii* [Vocabulary of the Russian Soviet Poetry.]. Resp. ed. V. V. Vinogradov. Moscow, Nauka Publ., 1965. 228 p.

- Grigor'ev V. P. *Poetika slova: na materiale russkoi sovetskoj poezii* [Poetics of the Word: Based on Russian Soviet Poetry]. Resp. ed. A. D. Grigor'ev. Moscow, Nauka Publ., 1979. 343 p.
- Grigor'ev V. P. *Slovotvorchestvo i smezhnyye problemy yazyka poeta* [Word-Formation and Related Problems of the Poet's Language]. Resp. ed. A. D. Grigor'ev. Moscow, Nauka Publ., 1986. 255 p.
- Guzhieva N. V. [The depiction of the "Krasnoselskie horse races" in Leo Tolstoy's "Anna Karenina": Life prototype, function in the novel, critical paradoxes]. *Ocherki istorii Krasnogo Sela i Dudergofo* [Essays on the history of Krasny Selo and Dudergof]. St. Petersburg, Municipal Council of Krasnoe Selo Publ., 2007, pp. 339–355. (In Russ.)
- Kovács Árpád. Test és karizma az „Anna Karenina” című regényben [Body and charisma in the novel "Anna Karenina"]. *Szenvedély, Formák, Vallomások*, Pozsony, Kalligram Publ., 2020, pp. 160–176. (In Hung.)
- Lönnkvist B. *Puteshestvie vglub' romana. Lev Tolstoi: "Anna Karenina"* [Journey into the novel. Leo Tolstoy: "Anna Karenina"]. Moscow, Yazyki Slavianskoi Khultury Publ., 2010. 128 p.
- Migranova L. Sh. [Metaphor as a fragment of Leo Tolstoy's value picture of the world (based on the novel "Anna Karenina")]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2008, no. 4, pp. 967–971. (In Russ.)
- Raikov A. A. ["Anna Karenina": Five essays]. *Neva*, 2016, no. 1, pp. 191–211. (In Russ.)
- Surkova Zh. L. *Poetika romana L. N. Tolstogo "Anna Karenina"*. Avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk [Poetics of Leo Tolstoy's novel "Anna Karenina". Cand. phil. sci. diss. abstr.]. Ivanovo, 2003. 17 p.
- Vetlovskaya V. E. [The Poetics of "Anna Karenina": A System of Ambiguous Motifs]. *Russkaya literatura*, 1979, no. 4, pp. 17–37. (In Russ.)

Грамматика поэзии. Об одном стихотворении Михаила Айзенберга

Ирина Захаровна Сурат, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской Академии наук (Россия, Москва), i-surat@mail.ru

DOI: 10.7868/S3034592826030105

аннотация: Статья посвящена стихотворению Михаила Айзенберга «Рано темнеет, и всем нездоровится...» и представляет собой опыт имманентного анализа текста, его поэтики и семантики. Предмет исследования — поэтический язык Айзенберга, особенности грамматического строения текста, синтаксис, субъектно-объектные связи, смена глагольных форм и форм грамматического лица. В статье показано, что грамматика становится доминантным средством художественной выразительности, определяющим и лирический сюжет стихотворения, и особенности поэтической семантики. Лирический сюжет развивается в грамматическом поле от безличных конструкций и бессубъектных синтаксических единиц к торжеству субъектности в финальных стихах. В плане семантики показано развитие текста от глагола движения с отрицательными коннотациями («подкрадывается») к глаголу с семантикой торжества и победы («шествует»). Наряду с глагольными рядами рассмотрены ряды местоимений — их динамическая смена также строит лирический сюжет. Анализируется роль отрицательных конструкций в семантической композиции стихотворения. Описаны особенности авторской пунктуации и их значение для создания центрального образа. Рассмотрение грамматической структуры открывает возможность внятной интерпретации стихотворения. В теоретико-методологическом отношении работа базируется на статье Р. О. Якобсона «Поэзия грамматики и грамматика поэзии».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Айзенберг, поэтика, грамматика, поэтическая семантика, лирический сюжет

для цитирования: Сурат И. З. Грамматика поэзии. Об одном стихотворении Михаила Айзенберга // Русская речь. 2026. № 3. С. 120–127. DOI: 10.7868/S3034592826030105.

The Language of Fiction

The Grammar of Poetry. On One Poem by Mikhail Aizenberg

Irina Z. Surat, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science
(Russia, Moscow), i-surat@mail.ru

ABSTRACT: The article is dedicated to Mikhail Aizenberg’s poem “It gets dark early and everyone feels unwell...” and represents an attempt at an immanent analysis of the text, its poetics and semantics. The subject of the study is Aizenberg’s poetic language, features of the grammatical structure of the text, syntax, subject-object relations, the evolution of verb forms and grammatical person forms. The article shows that grammar becomes the dominant means of artistic expression, determining both the lyrical plot of the poem and the features of poetic semantics. The lyrical plot develops in the grammatical field from impersonal constructions and subjectless syntactic units to the triumph of subjectivity in the final verses. In terms of semantics, the article shows the development within the text from a verb of motion with negative connotations (“creeps up”) to a verb with the semantics of triumph and victory (“marches”). Along with verb series, pronoun series are considered — their dynamic change also forms the lyrical plot. The study also analyzes the role of negative constructions in the semantic composition of the poem and describes features of the author’s punctuation and their significance for creating the central image. Analysis of the grammatical structure of the poem allows us to give it a clear interpretation. In terms of theory and methodology, the study is based on R. O. Jakobson’s article “Poetry of grammar and grammar of poetry”.

KEYWORDS: Aizenberg, poetics, grammar, poetic semantics, lyrical plot

FOR CITATION: Surat I. Z. The Grammar of Poetry. On One Poem by Mikhail Aizenberg. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2026. No. 3. Pp. 120–127. DOI: 10.7868/S3034592826030105.

Поэтический текст связан множеством нитей со своим временем, с биографией автора, с другими текстами, прошлыми и современными. Эти связи всегда интересны, но сколько бы мы ни распутывали их, настоящее стихотворение остается вещью в себе — его строй и смысл вырастают изнутри неизвестным науке способом.

Стихотворение Михаила Айзенберга, о котором ниже пойдет речь, кажется простым и вполне понятным. В нем нет яркой образности, оно если и поражает читателя, то нарастающим с каждой строчкой ощущением того, что все описанное происходит здесь, сейчас, со мной, с нами, точнее, **не** происходит — в стихотворении не происходит почти ничего, кроме взрывного события последних строк. Что это за событие и почему оно переживается как совершенно реальное? Понять этот помогает анализ глагольных форм, синтаксиса, субъектно-объектных связей — всего того, что составляет грамматическую структуру текста.

Рано темнеет, и всем нездоровится.
Богородица
не торопится.
Темнота потихоньку подкрадывается.
Гопота на себя не нарадуется,
и собою не налюбуются
подворотня и черная улица.

Что, дневальный, такой недовольный?
Что глядишь беспокойно, конвойный,
на притушенный мир подневольный?
Что бы свету хоть раз не пробиться?
Потому и темно, что темница.

Убыль какая вдруг
сразу во всем
Сильного не щадит
Слабого валит с ног
Брат на брата строчит донос
Ангелам не до нас

Убыль какая вдруг
сразу во всем.
Но, размыкая круг,
где-то произнесен
лозунг с известным пробелом,
выкрик, написанный мелом.

Шествует без конвоя
слово как таковое
[Айзенберг 2024: 61]

Первые два предложения лаконично безличны, в них сразу заданы смысловые константы, получающие развитие в дальнейшем течении стиха: тьма, безличность, тотальность происходящего. В первых трех строфах преобладают собственно безличные конструкции и неполные предложения с отсутствующим субъектом, они тоже воспринимаются как обезличенные: *рано темнеет, всем нездоровится, что бы свету хоть раз не пробиться, потому и темно, убыль какая вдруг*. Лозунг *где-то произнесен* — кем? мы не знаем. *Сильного не щадит* — кто? предложение как будто бы неполное, эллиптическое; *слабого валит с ног* при отсутствии субъекта действия воспринимается как безличное, и в этом контексте предыдущее воспринимается так же. Это не вполне согласуется с языковой нормой, но общая, как видим, бессубъектность проникает и туда, где по правилам грамматики ее не должно быть.

Но кто-то в этом обезличенном мире все же наделен субъектностью. Первая группа — это неодушевленные *гопота, подворотня и черная улица*. *Гопота* — слово собирательное, рядом с ним *подворотня* и *черная улица* тоже становятся собирательными, они безлики и при этом заняты собой, что выражено возвратными формами глаголов действия и возвратными местоимениями: *себя, собой*.

Другая группа субъектов — это *дневальный и конвойный*, они одушевленные, но субъектность их какая-то сомнительная, она выражена отрицанием: *недовольный, беспокойно* — что-то с ними не то. Они предстают здесь не столько субъектами, сколько знаками того *мира*, который определен как *темница*. Заданный в первом стихе процесс (*темнеет*) пришел к результату — в этом *мире* наступила полная тьма, в нем различимы лишь *дневальный и конвойный*, остальные — это те самые *все*, кому *нездоровится*, их уже не видно во тьме.

Итак, перед нами не локальная *темница*, а целый *мир* как *темница* — *притушенный и подневольный*. И причастие, и прилагательное имеют пассивно-страдательный смысл, ими означены не внутренние свойства этого мира, а его теперешнее состояние: кто-то его притушил и навязал ему свою волю.

Высшие силы в стихотворении присутствуют, но за кадром, — они пассивны, ни во что не вмешиваются, их субъектность выражена сказуемыми с отрицанием: *Богородица не торопится, Ангелам не до нас. Мир* этот — богооставленный, но не навсегда, *Богородица* как будто и готова помочь всем, но не сейчас. Лирическое Я в стихотворении отсутствует, говорящий проявляет активность единственный раз, задавая вопросы *дневальному, конвойному* и еще неизвестно кому, сам спрашивает — сам же и отвечает: *Потому и темно, что темница*. Говорящий свидетельствует об этом *мире* изнутри.

В конце третьей строфы впервые появляется Мы, первое лицо множественного числа — в безличном предложении, в страдательной позиции: *Ангелам не до нас*. Кто эти Мы? Это *сильный*, которого кто-то или что-то не щадит, это *слабый*, которого валит с ног, это два брата, один из них наделен сильной субъектностью, он *на брата строчит донос*. В этом *брат на брата* слышится многое — и пушкинское «человека человек» («Анчар»), и библейское «Каин и Авель»... И все это — Мы, насельники обезличенного *мира*.

Сошлемся, наконец, на отца-основателя «грамматики поэзии» Романа Jakobsona: «Контрасты, сходства и смежности различных времен и чисел, глагольных видов и залогов приобретают впрямь руководящую роль в композиции отдельных стихотворений; выдвинутые путем взаимного противопоставления грамматические категории действуют подобно поэтическим образам; в частности, искусное чередование грамматических лиц становится средством напряженного драматизма» [Jakobson 1983: 462]. В разбираемом тексте драматична преобладающая безличность грамматических конструкций, отсутствие Я, появление слабо-страдательного Мы, отсутствие или наличие субъектности, противопоставление различных глагольных форм, исчезновение вдруг знаков препинания в части текста и многое другое, что оказывается особенно значимо в нарочито стускленном стихотворении, почти лишенном тропов и многого другого, с чем принято связывать поэтическое мастерство. «Так называемая “безобразная поэзия”, или “поэзия мысли”, широко применяет “грамматическую фигуру” взамен подавляемых тропов» [Jakobson 1983: 469]. Но обо всем по порядку.

Происходящее в этом *мире* захватывает всех и всё, об этом мы знаем с первых слов. Как сгущается тьма в стихотворении, так и это ощущение нарастает: *Убыль какая вдруг / сразу во всем*. Тема усилена повтором, мысль поэта идет по кругу, два повторяющихся стиха обрамляют фрагмент, внутри которого нет знаков препинания, — это образ энтропии, распада. Внутри этого круга, замкнутого повтором, есть только один вид речи — *донос*, черное слово черного мира.

И вот вопреки всему и непонятно откуда в этом круге рождается настоящая речь. *Но, размыкая круг* — по этому противительному *но* проходит граница между двумя частями текста, и дальше постепенно набирает силу главная тема стихотворения — тема речи, рождающейся на фоне молчания. В последней части явлены последовательно три вида или три стадии рождения *слова* — *лозунг, выкрик, слово как таковое*. Время казалось застывшим, застрявшим во тьме, но теперь меняется все — голос поэта, сама поэтическая речь, ее ритм, интонация, энергетика. Меняется *мир*. На фоне бессубъектности, пассивности, безличности теперь нарастает от строки к строке субъектная активность *слова*. Сначала мы едва слышим как будто издалека *лозунг*, который *где-то произнесен*, — слово появляется в страдательно-пассивной конструкции. Неизвестно, где и как, но это случилось, автор уже это слышит. Лозунг рождается на грани молчания, это еще осторожная речь *с известным пробелом*, полузапретная и полупроизнесенная, — что-то важное и всем известное остается неназванным.

Выкрик, написанный мелом, — это оксюморон; молчаливый, подавленный крик — тоже речь на грани молчания, сдавленная, несвободная. Мелом на заборе, на асфальте, на стене пишется то, что нельзя сказать открыто и прямо. И слово все еще пребывает в пассивно-страдательной грамматической позиции. Кто выкрикивает мелом? Мы не знаем.

Но круг тьмы уже разомкнут, ритм становится решительным, авторская интонация взмывает энергично вверх и выходит на ударный финал: *Шествует без конвоя / слово как таковое*. Круг размыкает не кто-то, не *мы*, не *все*, а само слово. Оно расконвоировало себя своей собственной силой, обрело активную субъектность и теперь *шествует* победно и свободно. В стихотворении контрастно сопоставлены два глагола движения — в начале и в конце: *подкрадывается* и *шествует*. Это глаголы противоположной семантики. *Подкрадывается* — слово с отрицательными коннотациями, одного корня со словами «кража», «украсть»; подкрадывается обычно вор, убийца, зверь. Само слово длинное, изобразительное — подкрадываются обычно сзади, постепенно, тайком. Слово *шествует* короткое, энергичное, с ударением на первом слоге, семантически оно связано с торжеством, с победой. Сильная самостоятельная субъектность *слова* остро переживается на фоне преобладания страдательных форм, бессубъектности, безличности, пассивного залога в основной части текста. Между двумя этими глаголами движения развивается лирический сюжет и происходит главное событие стиха: сюжет сгущения тьмы разрешается торжеством *слова* над *темницей*, победу одерживает не человек, а само слово как субъект истории. Точка в конце не поставлена — *слово как таковое* выходит в открытое будущее.

И вот тут хочется сказать самое главное. Торжество *слова* в этих стихах не только изображается, но и происходит. Само стихотворение Михаила Айзенберга становится свидетельством того, о чем оно говорит, — *размыкая круг*, оно являет силу *слова*, побеждающего тьму, и оказывает освобождающее воздействие на читателя. На чем основано это воздействие? Поэт, скорее всего, бессознательно выстраивая грамматический рисунок стиха, апеллирует к той глубине сознания, где укоренен язык, и читатель в большой степени отзывается именно на это: на смену грамматических конструкций, глагольных форм, субъектно-объектных отношений в тексте — так работает грамматика поэзии.

Наш опыт имманентного анализа дает возможность прочесть стихотворение как явление языка, как вещь в себе, в отрыве от внешних обстоятельств. Остается, однако, ощущение некоторой неполноты, недосказанности, имманентный анализ не отвечает на все вопросы к тексту. Например: что значит, собственно, *слово как таковое*? Интуитивно это словосочетание понятно, но стоит вспомнить, что так называлась брошюра 1913 года, манифест «самовитого слова», написанный Алексеем Крученых и Велимиром Хлебниковым с приложением знаменитого пятистишия Крученых «дыр, булл, щыл...» как образчика слова как такового, очищенного от связей с жизнью и обладающего собственной силой [Крученых, Хлебников 1913: 1–15]. Отсылка кажется неслучайной: *лозунг с известным пробелом и выкрик, написанный мелом* — это речь того же порядка, что и крученыховское «дыр, булл, щыл...», первоязык, преодолевающий немоту, похожий на речь дикаря или младенца, абсолютную в своей выразительности.

Что касается других литературных параллелей, то в читательском сознании возникают прежде всего два стихотворения Осипа Мандельштама. Первое — «В Петербурге мы сойдемся снова...» (1920), где образу «советской ночи» с «часовыми» противостоит «блаженное, бессмысленно слово». Второе — «Мы живем, под собою не чуя страны...» (1933), в нем воссоздан порченный мир, где «речи за десять шагов не слышны», но поэт побеждает эту немоту убийственно-сильным словом. Стихи Мандельштама составляют фон, позволяющий воспринимать стихотворение Михаила Айзенберга в некоторой исторической перспективе.

Источники

- Айзенберг М. А. Не трогай нас. М.: Новое издательство, 2024. 98 с.
Крученых А., Хлебников В. Слово как таковое. Илл. О. Розановой и К. Малевича. [М.,] Я. Данкин и Я. Хомутов, [1913]. 15 с.

И. З. Сураг. Грамматика поэзии. Об одном стихотворении Михаила Айзенберга
I. Z. Surat. The Grammar of Poetry. On One Poem by Mikhail Aizenberg

Литература

Якобсон Р. О. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика. М.: Радуга, 1983.
С. 462–482.

References

Yakobson R. O. [Poetry of grammar and grammar of poetry]. *Semiotika*, Moscow, Raduga Publ., 1983, pp. 462–482. (In Russ.)

В связи с непревиденными обстоятельствами произведена замена DOI статей с префиксом Российской академии наук за 2025 год. В первых выпусках журналов РАН за 2026 год размещена информация о замене цифрового идентификатора на действующий DOI.

Таблица соответствия архивных и действующих цифровых идентификаторов объектов (DOI) выпусков журнала «Русская речь» за 2025 г.
Table of correspondence between archival and current digital object identifiers (DOIs) of issues of the journal "Russian Speech" for 2025

Наименование статьи	Автор / авторский коллектив	Цифровой идентификатор объекта (DOI)	Цифровой идентификатор объекта (DOI)
		архивный	действующий
№ 01 2025			
<i>На Кубани добра́ жить: один робэ, сим лэжить</i> (носители кубанских говоров о лени и Ленивом человеке)	О. Г. Борисова, Л. Ю. Костина	10.31857/S0131611725010017	10.7868/S5034592825010017
<i>«Денег нет, но вы держитесь»</i> : новые устойчивые сочетания, связанные с понятием «деньги», в русском языке конца XX — первой четверти XXI вв.	Е. В. Генералова	10.31857/S0131611725010028	10.7868/S5034592825010028
О компонентах разговорной сравнительно-оценочной конструкции <куда X-у до Y-a>	Т. Л. Колосовская	10.31857/S0131611725010039	10.7868/S5034592825010039
О лакунах и неточностях в описании религиозной лексики (заметки лексикографа)	А. Э. Пумарев	10.31857/S0131611725010045	10.7868/S5034592825010045
Редукция: краткая история понятия (XVIII–XX вв.)	Ю. Ю. Макаров	10.31857/S0131611725010054	10.7868/S5034592825010054
Синтаксис В. К. Тредиаковского в аспекте некоторых тенденций развития русского литературного языка и поэтического слога	Н. В. Патроева	10.31857/S0131611725010064	10.7868/S5034592825010064

Ломаная русская речь «восточных» инородцев — персонажей художественной литературы XX века	А. А. Стрельцов	10.31857/S0131611725010075	10.7868/S3034592825010075
Анжамбеман как «оператор» иронии в поэзии И. А. Бродского	Е. Г. Туманова	10.31857/S0131611725010081	10.7868/S3034592825010081
№ 02 2025			
<i>Вслушаться, посмотреть... и влюбиться:</i> словообразовательная модель и случаи калькирования на ее фоне	С. В. Власов, Д. Г. Демидов	10.31857/S0131611725020016	10.7868/S3034592825020016
Искусственный интеллект в языковом пространстве медиа	Н. И. Клушина	10.31857/S0131611725020023	10.7868/S3034592825020023
Абсолютные и относительные клитики в русском языке: проблемы их выделения и лексикографического описания	Н. В. Никитин	10.31857/S0131611725020032	10.7868/S3034592825020032
«Чрез всю ночь и день был великой дождь»: к истории употреблений предлога <i>чрез</i>	Е. Э. Бабаева	10.31857/S0131611725020042	10.7868/S3034592825020042
Обобщенные номинации в изразцовых подписях XVIII в.	О. А. Кузнецова	10.31857/S0131611725020055	10.7868/S3034592825020055
Жемчуга В. Набокова-Сирина: слова и образы	К. А. Жулькова	10.31857/S0131611725020063	10.7868/S3034592825020063
Четырехстопные ямбы в русских фольклорных духовных стихах: литературные истоки, тематика, метроритмические особенности	А. М. Петров	10.31857/S0131611725020079	10.7868/S3034592825020079
Мегаязыковая рефлексия в автобиографической повести В. П. Крапивина «Славка с улицы Герцена»	И. Г. Родионова, С. В. Кезина	10.31857/S0131611725020082	10.7868/S3034592825020082
Словесная изобразительность в стихотворении Григория Петникова «Город. Рисунок углем»	Т. В. Устинова	10.31857/S0131611725020091	10.7868/S3034592825020091

Таблица соответствия архивных и действующих цифровых идентификаторов объектов (DOI) выпусков журнала «Русская речь» за 2025 г. (продолжение)

Наименование статьи	Автор / авторский коллектив	Цифровой идентификатор объекта (DOI)	Цифровой идентификатор объекта (DOI)
№ 05 2025			
Вопрос или ответ? («Шляпные» конструкции в русской интонации)	С. В. Князев	10.31857/S0131611725030013	10.7868/S3034592825030013
Сочетание слов <i>душа</i> и <i>прилепиться</i> в свете языковой концептуализации представлений о душе в русской лингвокультуре	Т. В. Леонтьева	10.31857/S0131611725030024	10.7868/S3034592825030024
Структура и семантика русских сложных слов с цветovým компонентом	Л. Л. Федорова	10.31857/S0131611725030033	10.7868/S3034592825030033
<i>Вы не могли бы включить свет, пожалуйста?</i> (Употребление вводного слова <i>пожалуйста</i> в составе косвенных вопросов и просьб)	М. Ю. Федосюк, И. И. Бакланова	10.31857/S0131611725030043	10.7868/S3034592825030043
О названиях инжира в русском языке	К. И. Коваленко, В. Б. Колосова	10.31857/S0131611725030054	10.7868/S3034592825030054
«И горкуши, и кардыки, и цокалы, и сююкалы» в описаниях диалектологов XIX века	Г. А. Мольков	10.31857/S0131611725030067	10.7868/S3034592825030067
«Молотком по зубилу» (история одной поэтической метафоры в творчестве Н. Асеева и В. Сосноры)	Е. В. Болнова	10.31857/S0131611725030077	10.7868/S3034592825030077
Скорость declinации частоты основного тона в русском стихотворном тексте	А. Э. Костюк, Т. В. Скулачева	10.31857/S0131611725030083	10.7868/S3034592825030083

№ 04 2025			
Частица <i>чай</i> в одном восточном среднерусском говоре	А. С. Азанова	10.31857/S0131611725040018	10.7868/S5034592825040018
<i>Де нас взялы? / Откуда нас взяли?</i> (вербализация народных представлений о происхождении детей в языковом сознании носителей кубанских говоров)	О. Г. Борисова	10.31857/S0131611725040026	10.7868/S5034592825040026
Зaimствования из китайского в современном русском литературном языке (лексикографический аспект)	О. А. Давыдова	10.31857/S0131611725040038	10.7868/S5034592825040038
Некоторые особенности русского языка в Кыргызстане	Е. В. Кашкин, М.-Э. А. Винклер	10.31857/S0131611725040046	10.7868/S5034592825040046
Особенности акцентуации словоформ в составе фразеологизмов	Т. Н. Коробей- никова	10.31857/S0131611725040051	10.7868/S5034592825040051
Является ли «инфохомяк» неологизмом? К истории слова	Н. В. Семенова, Ж. Ю. Полежаева	10.31857/S0131611725040061	10.7868/S5034592825040061
К истории фразеологизма <i>хоть (матушку) репку пой</i>	Л. Л. Крючкова	10.31857/S0131611725040074	10.7868/S5034592825040074
Идеологема <i>почва</i> и ее истоки (на материале публицистики И. С. Аксакова)	О. О. Секиро	10.31857/S0131611725040087	10.7868/S5034592825040087
Три регтайма Андрея Вознесенского: сонет ли один из них?	О. И. Федотов	10.31857/S0131611725040099	10.7868/S5034592825040099
№ 05 2025			
Развитие «Большого академического словаря русского языка» как уникального лексикографического проекта	Е. Ю. Ваулина	10.31857/S0131611725050013	10.7868/S5034592825050013
<i>Донельзя, донельзя</i> или <i>донельзя</i> ? Особенности акцентуации некоторых наречий	Е. В. Корпечкова	10.31857/S0131611725050025	10.7868/S5034592825050025

Таблица соответствия архивных и действующих цифровых идентификаторов объектов (DOI) выпусков журнала «Русская речь» за 2025 г. (окончание)

Наименование статьи	Автор / авторский коллектив	Цифровой идентификатор объекта (DOI) архивный	Цифровой идентификатор объекта (DOI) действующий
Метеоним <i>дождь</i> в традиционной речевой культуре Русского Севера	Е. А. Нефедова	10.31857/S0131611725050038	10.7868/S3034592825050038
Языковой ландшафт в русской колонии Сан-Хавьер (Уругвай)	Г. П. Пилипенко, М. В. Ясинская, В. И. Березнев	10.31857/S0131611725050049	10.7868/S3034592825050049
О слове <i>лад</i> в русском языке: связывая бочарное ремесло, звук и искусство	В. С. Круговец	10.31857/S0131611725050055	10.7868/S3034592825050055
Новая информация о русском переводе четырехязычного Лексикона (Тезауруса) Герасима Влаха (в экземпляре Н. П. Попова)	М. И. Чернышева, Н. П. Иордани	10.31857/S0131611725050065	10.7868/S3034592825050065
Антропонимы в хронике Н. С. Лескова «Соборяне»	В. А. Коршунков	10.31857/S0131611725050075	10.7868/S3034592825050075
« <i>Мантилья да билиндясы разные</i> »: Инокультурная одежда в традиционном русском языковом сознании (по пьесам А. Н. Островского)	О. Р. Ростов	10.31857/S0131611725050087	10.7868/S3034592825050087
«Жду перемен в своей судьбе»: о вятских письмах В. В. Виноградова к жене (к 130-летию со дня рождения ученого)	О. В. Никитин	10.31857/S0131611725050098	10.7868/S3034592825050098

№ 06 2025			
Проблема семантической деривации слова «естественно»	В. А. Белов, Шiao Мань, В. М. Белова	10.31857/S0131611725060014	10.7868/S3034592825060014
Особенности отражения новой лексики в неологических словарях XXI в.	Л. Е. Кругликова	10.31857/S0131611725060026	10.7868/S3034592825060026
Труд в русской языковой картине мира	Е. О. Кузьминых, Н. Б. Бугакова, С. А. Скуридина	10.31857/S0131611725060032	10.7868/S3034592825060032
<i>Это мне откликается</i> : новое управление?	Е. М. Мельникова	10.31857/S0131611725060049	10.7868/S3034592825060049
Неодериваты с формантом <i>-инг</i> в языке современных российских медиа	О. А. Михайлова, Ю. Н. Михайлова	10.31857/S0131611725060052	10.7868/S3034592825060052
Неологизация русского языка второй половиной XIX в.: об истории некоторых отвлеченных существительных	Ю. Г. Захарова	10.31857/S0131611725060065	10.7868/S3034592825060065
Латинские вкрапления в славянских версиях «Церковных annalov» Цезаря Барония (XVII век)	М. О. Новак	10.31857/S0131611725060078	10.7868/S3034592825060078
Стилистические сходства и различия русских межвоенных романов через призму наиболее частотной лексики	Ф. Н. Двигятин, Б. В. Ковалев	10.31857/S0131611725060082	10.7868/S3034592825060082

Русская речь / Russian Speech

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

Оригинал-макет подготовлен *И. Барановым, И. Мустаевым*

Заведующая редакцией *М. А. Пузина*
Редакторы *О. В. Антонова, С. В. Дьяченко*
Корректор *Н. Н. Занегина*
Верстка *С. В. Родионовой*

А Д Р Е С Р Е Д А К Ц И И:

119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»,
тел.: +7 495 637-27-35, e-mail: rusrech@pran.ru, rus-rech@mail.ru
Сайт: <http://slavras.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-82889 от 14 марта 2022 г., выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Подписано к печати .
Дата выхода в свет .
Формат 60×88 ¹/₁₆. Уч.-изд. л. . Тираж экз.
Зак. .
Цена свободная

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Российская академия наук
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

И З Д А Т Е Л Ь:

Российская академия наук
119071, Москва, Ленинский пр.-кт, д. 14
Исполнитель:
ФГБУ «Издательство «Наука» 121099, г. Москва,
Шубинский пер., д. 6, стр. 1

Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука» 121099, г. Москва,
Шубинский пер., д. 6, стр. 1

16+